

ЮРИЙ
МЕДВЕДЕВ

ЕЛЕНА
ГРУШКО

АЛЕКСАНДР
БАЧИЛО

Простая тайна

Проспектайна

ЮРИЙ
МЕДВЕДЕВ

ЕЛЕНА
ГРУШКО

АЛЕКСАНДР
БАЧИЛО

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ”
1988

Составитель: И. ТКАЧЕНКО

Рецензент: А. ШАЛИН

Сборник фантастических произведений (Составитель
И. Ткаченко).— М.: Молодая гвардия. 1988. — 64 с.

Сборник фантастических произведений членов Всесоюзного творческого объединения молодых писателей-фантастов, действующего при издательстве „Молодая гвардия“. Кроме молодых авторов в сборнике представлен и член Совета ВТО МПФ — писатель Юрий-Медведев.

ISBN 5-235-01022-1

М $\frac{4702010200}{078 (02) -88}$ без объявл. — 88

ISBN 5-235-01022-1

© Всесоюзное творческое объединение молодых писателей-фантастов,
Новосибирск, 1988

© „Молодая гвардия“, 1988

ПРОТЕЙ

Повесть

В синеве, у преддверья бессмертия,
Сторожат одиночество гор
Время — неутаивший ветер.
Неусыпный отшельник — простор.

1

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сенату Планетарной Безопасности надлежит в последний раз выслушать объяснения Старшего Инспектора Сената Святослава Шервинского по поводу его опоздания на вахту на 17 часов 38 минут.

ШЕРВИНСКИЙ: Ваша честь, я могу лишь повторить то же самое. 26 октября сего года я возвращался после однодневного отдыха на озере Алакуль к месту очередной вахты в Космогорск. На магистрали 19 дробь 37 бис, когда до Космогорска оставалось примерно полтора часа езды, двигатель моего служебного элекара внезапно заглох. Такое, как вы понимаете, маловероятно при пятикратном дуближе всех систем. Как и положено по инструкции, я вызвал по видеофону Службу Пути, но экран не загорелся, ибо все системы питания оказались обесточены. Даже часы остановились на 8.18, это я запомнил. Поскольку экран курсографа, как и все другие, погас, я силясь вспомнить последнюю картину на нем: до ближайшего населенного пункта — Кара-Булака — 273 километра, первый встречный элекар как раз оттуда выезжал, а позади, минут на 25 отставая от меня, одолевала выжженное урочище колонна винтоходов. По-видимому, спортсмены тренировались перед каким-то ралли.

И тут из кабины я увидел: метрах в семидесяти-восьмидесяти, чуть справа впереди, висел парящий в воздухе объект. Прошлый раз я указал, что объект был похож на елочную игрушку. Теперь хочу уточнить: он был подобием человеческого мозга, только не разделен полушариями. Нижняя половина, темная, непроницаемая, заканчивающаяся чем-то вроде гофрированного обода, при приближении окказалась фиолетово-черной, с серебристым отливом. Я говорю — при приближении, потому что объект стал приближаться к элекару. При этом он медленно снижался, так что я смог оценить не только угловые размеры, но и линейные. В поперечнике „мозг“ был метров тридцать, по вертикальной оси — около восемнадцати. Глаз у меня точный. Да, я забыл прошлый раз указать, что приближался он не по прямой, а как-то змейкой, с довольно крутыми виражами. Шума или гула не слышалось, даже юго-западный ветер, мне почудилось, поутих, а денечек выдался ветреным.

Не скажу, чтобы я особенно встревожился, а тем паче испугался, нет. Внимание мое привлекла верхняя половина „мозга“ — полупрозрачная, в более мелких выпуклых ячейках, чем нижняя. Там, наверху, вершилось настоящее светопредставление, прошу обратить внимание на это слово, представление, спектакль со световыми эффектами. Во-первых, где-то глубоко внутри то и дело вспыхивали молнии, сопровождаемые... нет, не звуками, а разноцветными, медленно возникающими и разрушающимися протуберанцами. Опять не совсем правильно. Никакого сопровождения не было. Молнии светились, поблескивали в самих протуберанцах, причем молнии не остроугольные, к каким мы привыкли, а змеистые, с достаточно плавными ободами, а некоторые напоминали даже непрерывную цепь, я имею в виду форму. Ну, к примеру, якорная цепь.

Во-вторых — это я о световых эффектах, — и на поверхности ячеек мигали, роились точечные огни, все больше с синеватым отливом, как на звездных школь-

ных глобусах. Время от времени на остриях этих пульсирующих огней возникали крутящиеся, как веретена, черно-серебристо-фиолетовые вихри, под стать цветам гофрированного обода. Я имею в виду, что восставали они на внешней ячеистой поверхности „мозга“. Самое грубое сравнение: подобно колючкам ежа.

Здесь, в Сенате, меня неоднократно спрашивали, ваша честь, какие чувства я испытывал при приближении „мозга“. Я отвечал, что время для меня как бы замедлилось, растянулось, так бывает при нависшей смертельной опасности. Теперь добавлю: само мое мышление стало перестраиваться и... минутку, я попытаюсь рассказать об этом подробнее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Дело, видимо, не в подробностях, нас заинтересовал бы главный принцип в такого рода перестройке. Старший Инспектор Шервинский.

ШЕРВИНСКИЙ: Если уйти от ученых выражений, скажу коротко: я вдруг поумнел. Не улыбайтесь пожалуйста, коллеги. Меняю „поумнел“ на „прозрел“. Помните, у Пушкина: „И внял я неба содроганье, и горный ангелов полет, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье“. То же произошло и со мною. Я почувствовал: могу без запинки прочесть всего Гомера, причем я видел, как наяву, как со спутника, землю древней Эллады, где строки „Одиссеи“ напоминали гирлянд из живых цветов плыли по волнам Эгейского моря. Или назвать любую дату мировой истории, описать любое, самое захудалое, событие и опять-таки — даже не описать, а „пересказать“ глазами очевидца, поскольку событие проявлялось в памяти рельефно, красочно, звучаще. Неожиданно я представил себе неведомые мне прежде диафантономальные уравнения — и вот они, выются вокруг „мозга“, точно ласточки вокруг гнезда, — я сразу понял их математическую сущность. Вспоминалась мне марсианская трагедия с „Обимуром“, где, как вы знаете, погибли Брэдли и Тодор Кынчаков, и вдруг стало ясно: это я, я ошибся в выборе места посадки для „Обимура“! А ошибся потому, что был ослеплен мнемосхемой при включении тормозных реверсов и принял показания датчиков гравитационного поля за индекс твердости грунта, вследствие чего мы и ухнули в эту трехкилометровую пропасть, и вину с Кынчакова, пусть и посмертную, надо снять. Да, снять, переложив на меня. Если угодно, считайте это официальным заявлением...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сенат принимает к сведению это официальное заявление, Старший Инспектор.

ШЕРВИНСКИЙ: О своих небесных прозрениях при встрече с „мозгом“ больше пока что распространяться не стану. Коснусь строки „И гад морских подводный ход...“ Морские гады всегда мало меня занимали. А вот земные... Я подумал: когда-то еще явится возможность заглянуть в прошлое, дай не упущу шанс. Много лет меня волновала загадка смерти, точнее, омерзительных событий, воследовавших вскоре после кончины одного всемирно известного ученого и писателя прошлого века, путешественника, историка, философа, провидца. А события такие: в дом покойника нагрянула по ложному доносу орава пытливых граждан с соответствующими удостоверениями, перерыли все вверх дном, рукописи постранично перелистали, книги, письма, личные вещи перетрясли, стены миноискателями просветили, даже урну с прахом покойного. Что вынюхивали, спросите? Полторы тонны золота, якобы привезенных хозяином дома из далеких экспедиций. Конечно, чушь, бред, ахинея, все это понимали, в том числе и большинство тех, пытливых, ведь ученый-то был бессребреником: ни автомашины, ни дачи, ни дорогих побрякушек — о, в прошлом веке такое для большинства было свидетельством социального и даже интеллектуального престижа. Впрочем, вы и без меня знаете. Так вот, всю жизнь меня мучило, кто донос настрочил, кто измыслил ахинею о презренном металле, какую цель преследовал, хотя насчет цели — ясно: после обыска лет десять имя светлое замалчивалось, даже из кроссвордов его вычеркивали. В средневековье на Руси это называлось „мертвой грамотой“...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Отвлекаешься, Старший Инспектор! События и впрямь омерзительные, но применитель-

но к сегодняшнему нашему разговору не так уж и важные...

ШЕРВИНСКИЙ: А случись эти не так уж важные события после вашей смерти? Или моей? Трудно представить? А родным, близким, ученикам подвергшегося кошмару после кончины — легко?... Впрочем, закругляюсь... И увидел я тех, кто бред этот выдумал, подтолкнул подлый розыск. Двух увидел, состоящих в родстве. Один худой, желчный, точь-в-точь инквизитор. Изохренный в подлости, даже звездное небо в окуляре телескопа населявший мордобоем галактических масштабов, ненавистью ко всему, что нетленно, гармонично, красиво, вековечно. Другой грузный, с зобом, как у индюка, крикун, доносчик, стравливатель всех со всеми, пьяница, представитель племени вселенских бродяг, борзописец, беллетрист, переводчик. При жизни всемирно прославленного гения оба слыли его учениками, случалось учителю их защищать, а после смерти его ни разу не позвонили вдове. Я увидел подноготную подлости, микромолекулярную схему зависти. И только ради одного этого открытия стоило потерять в жизни день. Ничего, такое уже случалось с Магелланом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Магеллан, а если быть скрупулезно точным, то его экспедиция, потеряв в календаре день, впервые в истории совершили кругосветное путешествие, Старший Инспектор.

ШЕРВИНСКИЙ: Понял намек, ваша честь. Но что подлаешь, если я потерял сознание сразу после того, как „мозг“ завис над элекаром, опустился и накрыл элекар. Прежде чем оказаться внутри обода, я успел заметить: снизу обод не сплошное кольцо, а около пяти-шести параллельных колец, вернее, эллипсов, причем каждый состоит из отдельных сегментов. Все сегменты пребывали в постоянном движении как относительно соседних, так и самих себя, обладая всеми шестью степенями свободы, вроде инфузорий в растворе. Хочу подчеркнуть упорядоченность их постоянного движения, хотя выражаюсь, видимо, невразумительно. Без подробной схемы не обойтись, и я ее впоследствии набросаю.

Довольно отчетливо вспоминаю также множество блестящих, как золото, сужающихся к концам канатов в жерле обода, они извивались, как щупальцы медузы. И еще: когда обод уже накрыл элекар, я оказался в водопаде непривычно высоких звуков, ушам стало больно, пришлось их зажать ладонями, но не помогало. Дальнейшую потерю памяти я связываю именно с этими неприятными звуками.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Так ничего и не вспомнилось, Старший Инспектор?

ШЕРВИНСКИЙ: Сегодняшней ночью, хотя не рискну употребить слово „вспомнилось“, то ли приснилось, то ли пригрезилось, а по-старинному, примстилось. Будто лежу обнаженный, погружен в светло-голубой раствор, весь, с головой, а сплошь по телу — присоски от щупалец, вроде тех, позолоченных, только цвет уже другой — ярко-зеленый. Тысячи щупалец, заметьте. И звуки все те же, невыносимые, особенно в обертонах. Такое ощущение, что с тебя снимают копию. Если же...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Святослав Шервинский, в виде исключения позволю тебя прервать! Остальное нам известно. В 01.57 следующего дня ты обнаружил себя в том же самом элекаре и на том же самом месте, где отказал мотор. Мотор завелся, все схемы задействовались, и ты, следуя Специнструкции, связался лично со мною.

ШЕРВИНСКИЙ: И заметьте, сразу вам все рассказал. Не понимаю одного: зачем вы заставили меня, члена Сената, в последующие дни, а дважды и ночью, пересказывать одно и то же? Зачем эти допросы? Разве Старшие Инспекторы лгут? Тем паче члены Сената?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ты не хуже меня знаешь, что, как и зачем, бывший Старший Инспектор Сената Планетарной Безопасности! Хочу тебя, наконец, порадовать: опросы кончились, ты вновь назначен — именем Сената — командиром „Обимура“. Космофлот немедленно дал предварительное согласие, мне показалось, они там даже возликовали, получив известие о возвра-

щении своего лучшего капитана, поклявшегося еще в детстве облететь нашу Галактику, если верить книгам о твоих подвигах во Внеземелье. Почему ты молчишь?

ШЕРВИНСКИЙ: Это тяжелое наказание, ваша честь. Вы же понимаете: теперь в переходах и рубках мне будут грезиться, мститься Брэдли и Кынчаков. Дайте другой транспортный астероид, коллеги! Любой другой, но не „Обимур“.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сожалею, капитан Шервинский, решение Сената окончательное. Взгляните на купол Сената: двенадцать ущербных лун и лишь одно солнце. Солнце, между прочим, выставил я, хотя по началу и склонен был предъявлять тебе обвинения гораздо более серьезные, нежели обвинения моих коллег, присутствующих на опросе.

ШЕРВИНСКИЙ: Как понять — еще более серьезные обвинения?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Причем порядка сугубо этического. После таинственного исчезновения тебя будто подменили. К нашему изумлению, ты вдруг принялся публично высказываться о самом нашем Сенате. Причем в тонах неодобрительных, точнее, злопыхательских. Зачем эти демагогические разглазительствования о каких-то немислимых привилегиях сенаторов? О персональных планетолах. О виллах в райских уголках земного шара, вроде бы смахивающих на дворцы Гаруна аль-Рашида. О якобы имеющем место вмешательстве членов семей сенаторов в общеземные дела. О пожизненной узурпации мною должности Председателя — хотя такая фантазмагория вообще ни в какие ворота не лезет. Поползли сплетни, покатались слухи. Опять поднимают бучу крикуны из сообщества „Ангелы Мнемозины“. Нехорошо. И потому еще нехорошо, что в Сенате ты — без году неделю. Пригляделся бы, пообвык — глядишь, и понял: никаких противоправных благ ни у кого из нас нет. Благо землян, их космическая безопасность — иных целей Сенат не преследует.

ШЕРВИНСКИЙ: Значит, меня, члена Сената, выводят во Внеземелье только из-за сплетен и слухов?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Только за то, что семнадцать с лишним часов ты пребывал неизвестно где, общался неизвестно с кем, делал неизвестно что. Твой лепет о летающем „мозге“ вообще смехотворен. Каждый из нас, от Инспектора до Председателя, обладает слишком обширной информацией, располагает слишком большим могуществом, чтобы позволять себе подобное времяпрепровождение... Счастливого плавания на „Обимуре“, капитан!.. Кстати, посмотри еще разок на сенатский купол: я тожеставляю ущербную луну вместо солнца.

ШЕРВИНСКИЙ: Какое это имеет теперь значение? Очередной фарс?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Для архивов истории все имеет значение, член Сената Планетарной Безопасности!.. Я полагал, ты спросишь о причине перемены моего мнения относительно тебя и твоей судьбы. Знай же, что ты совершил еще одну ошибку. Следуя твоей логике, подкрепленной цитатой из Пушкина, ты должен был не выискивать доносителей на деятелей прошлого, пусть и великих, а озаботиться загадкой катастрофы, учиненной „Протеем“.

ШЕРВИНСКИЙ: Представьте себе, озаботился. Но безрезультатно. Будто заклинило. Как стеною китайскою отгородило. Я даже почувствовал укол в мой собственный мозг. Вот сюда, над ухом.

2

Сквозь прозрачный купол, подсиненный небесами, виднелись сразу три сияющих на солнце вершины — пик Абая, пик Абиша и пик Ануара. Ветви растений хищно тянулись к свету. По контрасту с белизной окружающих вечных снегов сад под куполом представлялся слишком зеленым, даже неестественно зеленым. Цвел жасмин, а миндальные деревья уже отцвели, и чтобы не перепугать наклонившегося над жасминовой веткой, я сначала кашлянул и лишь немного погодя сказал:

— Сенат приветствует вас, Емельян Иммануилович!

Все же он вздрогнул, обернулся и инстинктивно, как-то по-детски, защитился цветущей веткой.

— Здравствуйте, Инспектор, — сказал он. — Спасибо, что навестили узника. Правда, ждал я вас дней через пять, не раньше, вот и не по себе стало от чужого голоса, тем более такого густого, как ваш. Да и обычно за день до визита меня предупреждали.

— Это, извините, не визит, а, согласно второму пункту инструкции Сената, акт дознания, — как можно мягче сказал я. — И прибывать к дознаваемому можно без предупреждения, пункт седьмой „б“. Зато следует предупреждать того же дознаваемого, чтобы он не приближался к представителю Сената ближе шести метров, пункт седьмой „к“.

— Но другие инспекторы подходили совсем даже близко, — растерялся он. — Разве вы мне не доверяете? Я что, накинусь на вас, оглушу этой вот веткой, переоденусь в вашу униформу — и был таков? Как граф Монте-Кристо? Помилуйте, я близорук, намного слабее вас и даже не умею водить аппарат, на котором вы сюда пожаловали. Ну... как его... Вечно забываю название этих драндулетов.

— Элекар, — сказал я.

— Даже оглуши я вас и умею водить элекар — что случилось бы? Куда ехать? Где скрываться, да и зачем? — спрашивал он. — Я не женат, родители погибли на Меркурии, лучшего дома, чем здесь, среди горных снегов, и не придумаешь, хвала вашему Сенату. А к „Протею“ меня и на пушечный выстрел не подпустят, как выражались в старину. Персона нон грата, так ведь?

Я сказал:

— Образ ваших мыслей мне понятен. Тем более держитесь ко мне не ближе шести метров.

— Может быть, ужесточился процесс дознания? — вкладчиво осведомился Емельян. — Да вы не стойте, присядьте на белую скамеечку, она справа от вас, я сам ее соорудил по чертежам позапрошлого века, люблю, знаете ли, старину... Я тоже присяду, вот на этот пенечек березовый, тоже моя поделка... Как внизу?, Алма-Ата? Дивный город, верно? А сады, луга альпийские? Вы ведь видели их, поднимаясь ко мне, в мое respectable узилище? Кто подумает, что подобие „летающей тарелки“ о четырех лапах-опорах, приземлившейся на снега поднебесного ледника Туюк-Су, служит камерой-одиночкой, нет, вилло-одиночкой для преступника планетарного значения? Значения, оттенка, масти... Белокурой бестия — похоже на меня, а? Светлые волосы — это от предков по отцовской линии, отец из поволжских немцев, сто лет назад еще говорили в здешних краях и на Алтае: „остзейские немцы“. Так что и я, коли угодно, остзейский, отсюда и отчество, вы сразу, небось, вспомнили Иммануила Канта. Не забыли его постулат? „Живи и действуй так, будто от каждого твоего поступка зависит судьба мироздания“. Понимаете? Судьба мироздания!.. Кстати, этот постулат не мешало бы вывесить у вас в Сенате. Помню, помню этих господ-товарищей-граждан. „Одинокое пребывание в месте по выбору преступника — впредь до особого распоряжения Сената“. Каково? Кавалькаду лун вывесили мне на небосводе сенатском, ангелы прогресса... Хотя, если подумать... Сошли меня в многолюдный город, в толпу, в человеческий муравейник, в желе социальное, в студень, в сырковую массу — и я скоро отдам концы. Привык к одиночеству, знаете ли.

— Однако распоряжение Сената относительно вашего одиночного пребывания в этих стенах принято не столь давно, чтобы в полной мере насладиться одиночеством, — с легкой улыбкой сказал я.

— А долгие годы дежурства у Главного пульта „Протея“? — возразил узник. — Одиночество, конечно, и здесь, но — как бы это выразить? — некачественное. Нигде не скрыться от стерегущих глаз, экраны везде понатыканы, слухачи электронные. Даже в бассейне, в моем люблю, грешник, понырять, и возле коего вершится сейчас очередной акт дознания...

— Не тревожьтесь, пожалуйста, на время акта дознания все следящие устройства выключаются, — по-

пытался я успокоить затворника. — Пункт сто двадцатый Инструкции.

— Да сколько ж в ней пунктов, черт побери! — беспричинно разволновался дознаваемый. — Даже у меня в операторской их было меньше!.. Впрочем, извините... Эх, жалость, не могу отсюда разглядеть ваше лицо, но униформа так и сияет галунами и заклепками... Вас сразу пропустили роботы на въезде? Ну да, понимаю, суете в щель визитку с кодом Сената, вжик! — и пробуравлена в силовом поле дыра для высокого гостя. Иначе сюда, ко мне, муравей не заползет, не то что сообщник. Невидимый колпак над тарелочкой летающей похлеще бронебойного.

— Однако „Протей“ смог пробить брешь в подобном силовом колпаке. С вашей помощью, Емельян Иммануилович, — сказал я.

— Мне это уже инкриминировали в Сенате, — грустно заметил он. — А затем вывесили целую стаю лун и ни одного солнышка, включая и вашу, Инспектор, луну, или Селену, или Диану, если угодно. Вы пожаловали повторить обвинение и добавить мне срок?

— Старший Инспектор Шервинский пожаловал провести акт дознания, — сказал я. — Жалею, но мои предыдущие коллеги, кажется, не растолковали вам смысл нашего общения. Каждый из голосовавших или, как вы выражаетесь, выставивших вам луну, как и каждый из отсутствующих сенаторов, обязан лично посетить вас, опросить и при желании возбудить ходатайство на предмет пересмотра дела. И хотя я лично не принимал участия в решении вашей судьбы, поскольку в тот момент на Земле отсутствовал, все же считаю себя вправе уклониться от акта дознания.

— А если я не хочу? — быстро спросил он. — Нет, не акта дознания, а пересмотра дела? Вдруг не скостят срок, а добавят.

— Сенат не сможет добавить. Тем более, что срока наказания вам не сообщили.

— Не сможет добавить?! — Он потрогал бледной рукою высокий лоб. — Неужели... пожизненно?

— Вы неправильно меня поняли. Я могу лишь ходатайствовать об умалении срока, притом значительном. Если угодно, и о досрочном освобождении, с последующим восстановлением в правах.

— Каких правах?

— Гражданских, социальных, профессиональных. Любых.

— Как?! — выдохнул Емельян. — Меня могут даже восстановить в должности Главного оператора „Протея“?

— Даже так. Но для этого вы должны во всех подробностях объяснить мне свою роль в „Большом затемнении“, учиненном „Протеем“.

— Как странно меняется ваш голос, Старший Инспектор, — сказал он в раздумье. То был густой, с металлическим отливом, как и положено стражу законности, теперь же помягшел, чем-то даже напоминает мой собственный... Жаль, что не могу вас отсюда разглядеть. Вы, кажется, тоже блондин, да? А глаза — голубые? Зеленые? Серые? А сначала вроде бы брюнетом показались...

— Это из-за солнца, вероятно, — сказал я. — Видите, высоко поднялось, даже листья в вашем саду посветлели. Иллюзия, смещение границы тьмы и света.

— Тьмы и света... — повторил он. — Ладно, расскажу, как вы просите, о тьме и свете, хотя ни на что не надеюсь... Сочку ананасового выпить не хотите? Или пообедать?

— Извините, но в ходе акта дознания не допускается разделять трапезу с дознаваемым, пункт двенадцатый Инструкции Сената, — сказал я улыбаясь. — К тому же не голоден. А вот на пару шагов ко мне скамеечку можете придвинуть.

— Благодарю за доверие! — так и просветлел он, вместе со своим зимним садом и зеркальным бассейном. — Благодарю... С чего начать? Начну со светлой стороны, а уж теневое — потом. Договорились?

Я молча кивнул и незаметно нажал кнопку на отвороте униформы, включая еще один диктофон, дистанционный.

— Об академике Карамышеве Дмитрие Васильевиче слышали? Хотя чего я спрашиваю, любой школьник

знает крестного отца „Протей“. Это уж потом, много лет спустя, „Протей“, усилиями школы Карамышева, стал Самоорганизующейся Плазменно-Биологической Системой, которой было доверено, увы, ненадолго, управление электроэнергией всей планеты. А поначалу, эдак примерно в году две тысячи двадцать девятом, — царица небесная, почти четверть века отмелькала! — был он электронным мозгом, не более того, хотя и высокого, а затем и высочайшего класса. Вы, Старший Инспектор, если не секрет, специалист в какой области?

— Космонавигатор, — сказал я.

— Тогда опущу подробности, все равно не поймете. В те времена, когда Дмитрий Васильевич — мы его звали просто Дивом — значился только еще доктором наук, а я студентом, было, как вы знаете, два направления в разработке искусственного интеллекта. Одно — сугубо физическое — основывалось на свойстве высокоустойчивой плазмы хранить и считывать информацию. Другое — биологическое — развивалось на совершенствовании искусственных нейронов. Див — и в этом его величие — объединил оба направления. Так родилась идея „Протей“, а затем — на моих глазах — и сам „Протей“. Наверное, не следует вам объяснять, почему назвали „Протеом“. По имени многознающего древнегреческого божества, способного принимать любой облик — пантеры, дерева, лани, дельфина, лебедя, даже огня. В собственном же своем облике он был сонливым старичком, всего-навсего. Но это так, к слову.

— Однако у этого старца, точнее, под его защитой, жила в Египте Елена Прекрасная, в то время как из-за нее разразилась Троянская война. Даже не из-за самой Елены, а из-за ее призрака, который обольстил Париса. Но это так, к слову, — сказал я.

В глазах моего дознаваемого что-то дрогнуло, и он спрятал взгляд.

— В своем нынешнем, законченном виде, к сожалению, вынужденно-законченном, поскольку его пока что отключили, точнее, посадили на голодную диету, наш „Протей“ существует ровно десять лет. Сначала система располагалась в Дубне, а затем весь комплекс перенесли в Горный Алтай, рядом с городком Майма, на берегу Катунь. Вам, случайно, не доводилось посещать „Протей“?

— Не доводилось. К сожалению. И вряд ли доведется, — отвечал я. — Туда никого не пускают теперь. Даже членам Сената нужно письменное разрешение Председателя.

— Фью-ю-ить! — озорно присвистнул Емельян. — А бывали времена, мы у Главного пульта вечеринки устраивали, Новый год встречали однажды, притом с шампанским, не верите? Див тогда уже академиком стал, а все равно как мальчишка: в глазах чертики, надо лбом вихор, ни секунды на месте, не зря мы его еще звали — Смерч. Э-э, всего не перескажешь... Покидаю царство света, во тьму погружаюсь, как обещал. К размовке, нет, к разрыву с Дивом перехожу. В разрыве оба мы виноваты, но главная вина — моя. Помните, как подбирал Сенат Главных операторов для „Протей“? Кандидатур осталось три, и столько же лет тянулась до этого волянка. Выбирали-то из нескольких тысяч. Все трое: Карпенко, Кириллин, я, ваш покорный слуга, — ученики Дива, все трое двойные доктора — физмат и био. Опять-таки все — с сильным типом нервной системы, не мне вам, космонавигатору, объяснять. Применительно к нам, пультавикам, это значит: испытывающие душевный и интеллектуальный подъем в минуты опасности, в состоянии стресса мгновенно решающие задачи, какие при спокойной работе им не по силам. Не стану рассказывать, какие проходили мы испытания, на сколько хитроумных вопросов отвечали. Но в решающий момент, помните, Див попытался вдруг снять мою кандидатуру, ему вдруг взбрело на ум, будто я слишком подвержен монотонии, могу не только задремать, но и заснуть на несколько минут в ситуациях ровных, спокойных. Голосование отложили на неделю, а пока меня домучивали тестами, я, в последний раз объяснившись с Дивом, да что там объяснившись — разругавшись в пух и прах, — накатал докладную Председателю Сената. Всю жизнь презирал доноительство, а тут как мутной волной окатило. О чем докладная? За пятнадцать лет совместной

работы много чего узнаешь о человеке, много грешков поднакопляется. Были, были они и у Дмитрия Васильевича, включая один крупный подлог, когда он противозаконно получил несколько тонн дефицитной биомассы и всю ее спалил при неудавшемся эксперименте. Стыдно, конечно, такое вам рассказывать, но что ж поделаешь, трудно метаться меж светом и тьмой, вот и у меня коготки увязли...

Главным меня утвердили, хвала Сенату. А с Дивом, как прочитал он докладную — это уже после окончательного голосования в Сенате, — тут сразу с ним инсульт, а через полгода... Помните некрологи? Будь я проклять, бестия!

— И вы пошли на... — пытался найти я слово помягче.

— На подлейший донос, не церемоньтесь, на подлейший. Но ради чего — спросите вы. Нет, не ради престола, самоутверждения. Другое. Ради мыслительного комфорта, вернее, наслаждения особым свойством: поддогоного, если угодно, сладострастия, только высших форм, мыслительных. Вы не поверите, но, оставаясь у Главного пульта наедине с „Протеом“, я чувствовал себя божеством. Память становилась всеведущей, как если б мой мозг напрямую подключался к плазменно-биологическому мозгу „Протей“. Помните пушкинского „Пророка“? „И внял я неба содроганье...“ Вдруг начинали проявляться закономерности потаенные, ну, например, процесс образования гор три с лишним миллиарда лет назад. Или неоднородность, а порою и прерывность потока времени. Нет, приведу пример понагляднее: я мог без запинки продекламировать любую книгу, конечно, любую из когда-то читанных, причем строки возникали овестьственные: то неисчислимые стаи дельфинов резвились в волнах Понта Эвксинского, изображая стихотворную речь Гомера, то лебеди произносили северные небеса, воплощая строки „Старшей Эдды“, или „Беовульфа“, или русских летописей... Нет, без примера не обойтись. Тогда слушайте.

„1662 года ноября в 22-й день было тихо, и небо все чисто, а мороз лютый. В селе Новой Ерги и в деревнях, по захождении солнца, явилось на небе многим людям страшное знамение, о котором никогда и не слыхивали. От солнечного западу явилась будто звезда великая и, как молния, быстро покатила по небу, раздвоив его; и протянулась по небу, как змей, голова в огне и хобот: и так стояло с полчасца. И был оттуда свет необыкновенный, и в том свете, вверх, прямо в темя человеку, показалась будто голова, и очи, и руки, и перси, и ноги разогнуты, точно человек, и весь огненный. И потом облак стал мутен, и небо затворилось; а по дворам, и по хоромам, и по полям на землю пал огонь, будто кужли горели; люди от огня бегали, а он, будто гоняясь за ними, по земле катался, а никого не жег, и потом поднялся в тот же облак. Тогда в облаке стало шуметь, и пошел дым, и загремело, как гром, или как великий и страшный голос, и долго гремело, так, что земля и хоромы тряслись, и люди от ужаса падали. А всякой скот к тому огню сбежался в груды, и рты свои с кормом зажимая и смотря на тот огонь, подымая за ним свои головы вверх, рычали каждый своим голосом. Потом с великою яростию пало на землю малое и великое камень горячее, а иное в жару рвало; а людей Бог помиловал, и скота не было, пало на порожние места; и снег около таял, а которое большое камень пало, и то ухидило в мерзлую землю“.

Ну, каково? Хрустальной чистоты язык. И хотя четырехсотлетней давности, а все слова понятны, кроме разве „кужлей“, это пучки льна для пряжи. К слову о льне. Послезавтра Лыняницы, или лыняные смотрины, праздник такой был в древности, октября двадцать восьмого дня, начинали бабы трепать лен. Жаль, былшем поросло прошлое, травой забвенья... Но возвращаясь к огню небесному, что за людишками гонялся. Вообразите: отрывок сей летописный представился мне в одно из дежурств выписанным в ночном небе огненными письменами. Представился, разумеется, в воображении, но часто ли одаривает жизнь такими минутами блаженства...

Ощущение всемогущества, интеллектуальная наркомания, эйфория — о, ради такого на многое пойдешь. Поймете ли наркомана-врача прошлого века, который спиливал головки у ампул с обезболивающей жидкостью, отливал несколько капель, а затем запаивал ампулы. Впрыскивая себе уворованное, он наслаждался видениями Эдема, а люди, случалось, умирали на операционном столе от болевого шока, так погибла моя прабабка, между прочим, писаная красавица, как выражались в ту эпоху. Конечно, вы не поймете такое изуверство. А я — пойму, хотя, естественно, и осуждаю.

О, эти ночные бдения в операторской (особенно любил я дежурить по ночам) перед картой земного шара размером в четверть футбольного поля. Тут и там на розовых экранах — они вмонтированы в карту — энергоисточники: атомные, тепловые и прочие станции в Канаде, Индии, Бразилии, везде, вплоть до Антарктиды. Зеркала геологостановок в пустынях, тысячи ветряков строго вдоль „розы ветров“. А на зеленых экранах — потребители энергии: города, космодромы, подводные поселения. Тень ночи накатывалась на один материк, дуга небесного света подступала к другому. Мы осуществляли переброс энергии в планетарном масштабе. „Протей“, как вы знаете, сам принимал решения, дело операторов — контролировать некоторые из них. Я спрашивал „Протея“ о том или ином его действии — и он сразу отвечал своим низким голосом. Порою и он задавал мне вопросы, но тут, чаще всего, приходилось думать над ответом — далеко нашим умишкам до возможностей самоорганизующихся систем. Мы настолько притерлись друг к другу, что понимали любую ситуацию с намека, с полуслова. По крайней мере, так мне всегда казалось.

— А после „Большого затемнения“ уже не кажется? — спросил я, посмотрев на часы.

— Зря вы нажимаете на эпитет „большой“, — с обидою в голосе ответил он. — Ну погрузилась Австралия во тьму на три минуты с чем-то, ну в Аргентине десяток заводов остановился, поезда на правом крыле Транссибирской магистрали...

— Ну сто семьдесят девять людишек разных национальностей отдало концы, — нарочито меланхолично продолжил я.

— Понимаю вашу иронию, — опечалился Емельян. — Однако почему-то ваш Сенат не задумался над таким совпадением: все сто семьдесят девять, оказывается, были неизлечимо больны — СПИД, рак, ТРЭНС и так далее.

— Сенат, возможно, и задумался, иначе вы не гуляли бы по столь роскошному саду. Полагаете, „Протей“ умудрился выбрать в жертву одних неизлечимых? Однако по человеческой логике...

И здесь опрашиваемый впервые меня перебил. — „Протей“ — явление надчеловеческое! — воскликнул он. — И потом, почему вы не спросите, ради чего пошел он на так называемое затемнение?

— Да вы не волнуйтесь, а лучше привинтите свой пенечек еще ближе, можно и на расстояние вытянутой руки. Инструкция инструкцией, но, признаюсь, вы все больше мне нравитесь.

— Взаимно. — Он перенес пенек к моей скамеечке. — Вот теперь-то я вас вижу отчетливо. Господи, да как мы с вами, оказывается, похожи. Глядите-ка, и у вас шрам на скуле, только с другой стороны, — он потрогал свой шрам, — и глаза голубые, и волосы немного вьются. При встрече же — вот странности! — даже и усы вроде бы почувдились.

— Игра света и тьмы, — сказал я и прищурился на заметно передвинувшееся солнце. — Ради чего же, на ваш взгляд, решился „Протей“ на катастрофу?

— Сенат не поверил, да и вы вряд ли поверите, но все ж повторяю. Началось с лунорадуния. Металл, сами знаете, редчайший, уникальный, мировое его производство — полтонны в год, не более, а обходится оно мировому сообществу, как производство иттрия, тантала, циркония, теллура и рутения, вместе взятых. Недешево, а? Обычно „Протей“ „сжедал“ его триста граммов в месяц, в виде порошка. И вот, представьте, примерно за четыре года до того, что вы назвали катастрофой, да, за четыре примерно года до „затемне-

ния“, начал вдруг у „Протея“ разыгрываться аппетит: лунорадуния он требовал в три, пять, десять, наконец, в двадцать пять раз больше нормы. ЧП, суетня, международные симпозиумы, а „Протей“ даже отключиться грозит, коли норму не прибавят. Правда, и мощность его возросла, в смысле мыслительных способностей, невероятные, хитрые ходы он выдумывал, так что прибавка от сэкономленной энергии с лихвой перекрывала расходы. Потом Сенат поуспокоился, и все пошло своим чередом. Но я-то, разумеется, успокоиться не мог: ни в трудах Карамышева, ни у Чжэнь-Синь-И, ни у любого другого кита такая ситуация с лунорадунием не предусмотрена. И я не раз пытал, конечно, „Протея“, но тот загадочно отмалчивался. А недели за полторы до „затемнения“, на очередном дежурстве, я спросил про то же самое, и опять не дождался ответа, но неожиданно осознал такую картинку в собственном воображении: наша Солнечная система, Юпитер, а на его орбите странной формы корабль: верхняя половина — как человеческий мозг, только не разделенный на полушария, нижняя — такой гофрированный обод, синевато-черный, с серебристым оттенком. Вся конструкция смахивает на воздушный шар, но в диаметре — мне показалось — чуть ли не километр. Помню еще, что верхняя половина слабо подсвечена изнутри, а больше никаких признаков жизни. Понимаю, не зря мне мой подопечный картинку такую подсовывает; я возьму да и спроси:

— „Протей“, что это за корабль?

— Прибыло к нам из созвездия Геркулеса космическими течениями, — отвечает, он любит выражаться кратко и образно, как когда-то Див, будь я проклят, доносчик, иуда.

— Из Геркулеса? — изумился я. — Сколько ж годовиков световых их сюда несло?

— Для них фактор времени не имеет никакого значения, — заявляет „Протей“. — Потерпели катастрофу, предположим, миллион лет назад, это по земному времени. И полетят дальше, как только оживет „мозг“ их корабля.

— Но как он оживет? — спрашиваю.

— Как только сможет питаться не менее чем ста пятьюдесятью килограммами чистого лунорадуния. Он, как я, — плазменно-биологический.

Вот оно что, думаю, хотя до конца в реальность ситуации еще не верю.

— Почему они не связались с нами, землянами? — спрашиваю.

— Во-первых, они сотворены тоже на плазменно-биологической основе, — отвечает „Протей“. — Во-вторых, для землян они всего лишь жалкие роботы, и попроси они даже о помощи, их упекут, в конце концов, в Планетарный музей, такую находку с земли не выпустят. В-третьих, просить помощи некому, корабль пока что мертв, я сам нашел его по сигналу „SOS“, понятному только мне.

Я поразмыслил и спросил:

— И ты хочешь им помочь, этому чужому кораблю, „Протей“?

— Помочь кораблю сможешь прежде всего ты, — отвечал он.

— Каким образом? — спрашиваю.

— Если не будешь препятствовать мне в передаче на борт корабля потребной массы лунорадуния.

Я подумал: значит, „Протей“ почти три года разыгрывал комедию с обжорством, дабы накопить лунорадуния для пришельцев. Но ничего говорить на эту тему не стал, решив взвесить ситуацию.

— Времени у тебя с лихвой, — сказал он, как бы отвечая моим мыслям, — ты можешь согласиться и через неделю, и через год, и через столетие.

— В чем должно выражаться мое согласие? — интересуюсь.

— В молчании. Это на первом этапе, — отвечал он, — а о втором ты будешь уведомлен.

— Но если, — говорю, — мое молчание пойдет не на благо человечеству, а во вред?

— Человечеством как таковым корабль не интересуется, — отвечает довольно обидно для меня, представитель человечества, „Протей“. — У него другой объект для контакта, в другой звездной системе. Когда он туда до-

летит, наше Солнце уже погаснет.

Я вышел из операторской ни жив, ни мертв. Вы, космонавигатор, легко поймете мое тогдашнее состояние: типичная проблема выбора в кризисной ситуации. Согласись — и стану предателем человечества, начал с предательства Учителя, кончу иудством всепланетным. Откажись — это все равно, что пронестись в элекаре, горланя песни с разудалой компанией, мимо горящего, лежащего под откосом вверх колесами винтохода — пронестись и не помочь. Правда, „Протей“ намекал еще на третий вариант — оттяжку срока принятия решения, но это меня вообще не интересовало: жить, вернее, прозябать долгие десятилетия, не решаясь совершить поступок, распутать не тобою завязанный узел, — это, сами понимаете, не по-мужски. „Постой, постой, — спохватился я. — А как бы решил задачу Див?“ И пошел на могилу Учителя, он завещал похоронить себя там же, на берегу Катуня, недалеко от купола „Протея“, купол же выстою с десятиэтажным дом, если помните.

Стояла осень. Река шумела на перекатах. Кроны безрез желтели. На могиле лежал камень, сверху немного напоминающий купол „Протея“, а внизу выбито вязью: „Дмитрий Карамышев“. Стая журавлей, только еще набравших высоту, вдруг у меня на глазах начала распадаться, будто передние птицы наткнулись на невидимый барьер и, роняя перья, кувыркаясь, заскользили по дуге к земле. Правда, вскоре они выправились, воспарили вверх, к собратьям, стая поднялась еще выше, так что тревожные клики птиц стали отдаляться, а вскоре журавли скрылись за березовой рощей.

Не первый раз вставал на птичьих и звериных путях силовой купол над куполом „Протея“. На создание защитной этой полусферы тратилась энергия, потребная, к примеру, для целой Франции. И так мне стало, знаете, тошно, так обидно. И за журавлей этих несчастных. И за роль свою презренную в судьбе великого Дива. И за необходимость совершить еще одно предательство, независимо от того, какое приму решение. Махнул я рукой и решил: а, будь что будет. Во всяком случае, делиться своим секретом с кем-либо было нелепо, хотя бы потому, что могли заподозрить в прогрессирующем идиотизме, извините за резкое выражение, Инспектор.

— Старший Инспектор, — поправил я Емельяна и опять посмотрел на часы: время уже поджимало.

— Я заканчиваю, — сказал он. — Как же мы все-таки с вами похожи: точь-в-точь близнецы, даже шрам у вас тоже на левой скуле, а мне показалось сначала, на правой... Ладно. Прошла неделя. Как раз было мое ночное дежурство. Пультовая внизу, под землей, сидишь перед картой, я вам ее описал; тихо, даже не слышно отголосков грозы наверху, а гроза в ту ночь страшная разразилась, таких молний даже сторожилы не помнили... Причины монотонии, наверное, знаете: когда все выполняет автоматика, у оператора из-за недостаточной информационной и эмоциональной загрузки достаточно быстро нарастает сонливость. Можно отключиться на 40-60 секунд — и не заметить. Или среагировать сквозь сон на ложную тревогу. Знаете, кто больше других подвержен монотонии? Люди с сильным типом нервной системы, причем зависимость здесь прямая.

И до сих пор не могу понять, как это я умудрился заснуть почти на четыре минуты, прав, тысячу раз прав был Учитель. И надо ж было случиться, что главное то произошло во сне. Не понимаете? Поясню.

Снилось мне такое: ночь, гроза страшная, стою я у могилы Дива, пытаюсь спрятаться от ливня под березой, какой-то плащ драный на голову натягиваю. А молнии небо полосуют — ужас. Особенно в барьер силовой наяривают. Тут, как по наитию, поднимаю глаза — и проплывает надо мною, метрах в тридцати, притом беззвучно, воздушный шар внушительных размеров, черный весь такой, только оболочка чуть подсвечена изнутри. Проплывает, натывается вроде бы на барьер, останавливается. Но заметьте: рядом с шаром этим молнии в полусферу невидимую над „Протеем“ лупят, а в оболочку, слегка подсвеченную, — ни-ни, стороной обходят. И вот в какой-то момент шар начинает движение уже к куполу „Протея“ — пронзил барьер, как нож в масло вошел. И молнии колготились на полусфере вроде бы перестали. Кто ж это, думаю, мог барьер снять, без разрешения Се-

ната? Все ближе шар к куполу, все ближе. И представляете, вырывается из купола тонкая струя плазмы, как дуга вольтова, вырывается, вонзается в гондолу шара, точнее, бьет в дно гондолы, даже не гондолы, обод такой, гофрированный. Да это ж копия корабля пришельцев, сообразил я, только сильно уменьшенная! Между тем дуга погасла, зато оболочка шара засветила ярче, заиграла красками радуги, мне показалось, что протуберанцы разноцветные встают и пропадают внутри, а по самой поверхности огоньки синие замельтешили, в виде крохотных смерчей. И быстрехонько этак загадочный аппаратик давай от купола „Протея“ отдаляться, причем вверх, в небо. Едва скрылся в тучах — опять молнии в барьер забарабанили...

Очнулся я, глянул на карту — мигом учуял неладное. Да только, как говорится, после драки кулаками не машут. Пришлось проглотить пилюлю под названием „Большое затемнение“. Теперь вам ясна картина? „Протей“ измыслил планетарный спектакль единственно ради того, чтобы автоматы, заделывая энергетическую брешь, на две-три минуты сняли силовой барьер. Это предусмотрено при чрезвычайных обстоятельствах. Ихто, чрезвычайные, он и создал... И раньше ломал я себе голову: ну как он сможет лунорадушный незаконно, так сказать, передать, а оказалось, проще простого — в виде плазмы.

Дальнейшее вы знаете: допросы в Сенате, голосование, ущербные луны, заточение на леднике Туюк-Су. А беднягу „Протея“ лишили работы, он теперь как в анабиозе. Летят инопланетяне плазменно-биологические, меня, засоню, похваляют, „Протею“ честь воздают. Одно утешение: странствовать им не один годочек, долго матушку-Землю помнить будут...

Емельян встал, и я поднялся вслед за ним.

— Небось, расхотелось дельце мое пересматривать, угадал? — уныло спросил он. — Пора, понимаю, прощаться, вы все чаще на часики посматриваете.

Я спросил:

— Лично для вас что-либо осталось неясно в истории с „Протеем“?

— Только одно. Что он имел в виду под вторым этапом помощи тому кораблю у Юпитера? И кто меня уведомит? Хотя в нынешнем моем жалком положении уведомить могут лишь лучи солнышка. Или этот вот расцветший жасмин. А еще лучше, пусть лавина сорвется с любого склона этих вершин, да вот хотя бы с пика Абая. Читали Абая, ну хотя бы „Слова назидания“? Некоторые мысли под стать Монтею, Флоренскому, Ге Яну. Послушайте... Вот как Абай мыслил: „Я не встречал еще человека, который, подлостью разбогатев, нашел бы потом достойное применение своему состоянию. Непрочен достаток, нажитый бесчестьем, он оставляет за собой лишь муки, горечь и злобу“. Или так: „Почему люди всегда жаждут мира, если он очень скоро утомляет их?“ И наконец, хотя можно цитировать до бесконечности: „Почему живые, вдохновенные люди неимущи даже тогда, когда правят народом?“ Это Абай назвал время неутрахающим ветром. Я даже стихи сегодня сочинил:

В синеве, у предверья бессмертия,

Сторожат одиночество гор

Время — неутрахающий ветер,

Неуспынный отшельник — простор.

Понравилось? Здесь поневоле станешь поэтом. Эх, не выходит из головы второй этап.

— Надо подумать, пофантазировать, — осторожно начал я. — Ну, хотя бы так... Начну с двух ваших снов, или видений, если угодно. Давайте задумаемся: зачем „Протей“ вам эти видения внушил? Из первого вы убедились, что потерпевший аварию корабль — на орбите Юпитера. Из второго — лунорадушный передан по назначению. Однако ни того, ни другого вы могли бы и не знать. „Протей“ обошелся без вас. Почти без вас, в том смысле, что вы не забили тревогу, не выдали намерений „Протея“, чем косвенно ему помогли.

— Достаточно логично, — сказал Емельян. — Вернулись к Юпитеру, заправили двигатель — и вперед, вперед, привет вам, братики по разуму.

— Двигатель — это еще не все, — возразил я. — Да, не двигатель, понятно, был поврежден, а скорее все-

го „мозг“, самоорганизующая плазменно-биологическая система. И вот „мозг“ этот, представьте, приходит в себя, как мозг человека после инсульта. Включает системные жизнеобеспечения, выводит экипаж из забытья. Можно даже послать космозонд для разведывательного полета. Много можно. Но нет программы дальнейшего полета, авария уничтожила звездный код, как если бы пуля пронзила мозжечок человека, понимаете? И восстановить код по обрывкам, по осколкам может только „Протей“.

— Но „Протей“ заблокирован! Он ничего не может! — воскликнул Емельян.

— „Протей“ мог предусмотреть и эту ситуацию. Даже наверняка предвидел.

— Какую ситуацию? Что предвидел?

— Ситуацию, когда вы решитесь на второй этап и разблокируете „Протея“ хотя бы ненадолго. Главному оператору это не так уж трудно.

— Бывшему Главному, — тихо сказал он. — Но кто даст мне знать о втором этапе? Кто меня подпустит к пультам?.. Погодите... Неужели Сенат все же поверил мне, и все-таки обнаружили корабль у Юпитера, как я им говорил на мерзких этих допросах, говорил, хотя меня и подняли на смех. Значит, Сенат готов помочь пришельцам и отпустить их восвояси? Но земные рейдеры, помнится, прочесали все окрестности Юпитера и ничего не нашли...

— И не найдут ничего. По получении лунорадуния корабль пришельцев, первым делом, переместился в другое место Солнечной системы, весьма далеко от Юпитера. Это же яснее ясного. Инстинкт самосохранения действует во всей вселенной. Поверьте, корабль не желает иметь дело ни с Сенатом, ни тем более с теми, кто Сенату бездумно подчиняется. Общение с мгновенно живущими не входит в его планы.

От возбуждения Емельян схватил ветку жасмина, сломал ее и начал поводить белым цветком по виску. Я молчал. Он и сам, кажется, начал кое о чем догадываться.

— Вы говорите, Старший Инспектор, так уверенно, словно прибыли сюда...

— ... оповестить вас, Емельян Иммануилович, о возможности начать и завершить второй этап, — закончил я.

— Значит, вы поможете мне проникнуть к „Протею“? Но кто меня убедит, что это не розыгрыш, не чья-то хитрая уловка?

— Это сделаю я, Старший Космонавигатор.

— Каким образом? — будто почувствовав подвох, он отступил на шаг назад. — А если я сейчас выбегу из сада, подниму тревогу? Почему я должен верить Старшему Инспектору Сената, того самого Сената, который меня сюда и сослал? Почему?

— А вот почему, — отвечал я и, взявшись двумя пальцами за „молнию“ на униформе, медленно провел замком от горла до пояса. — Вот чему. — И широко распахнул полы.

Точно судорога прошла по его лицу. Немигающими глазами, с дрожащим от ужаса жасмином у виска, созерцал он, как внутри меня то и дело вспыхивали змеистые молнии, восставали и разрушались протуберанцы, как вершилось светопредставление. Некоторые молнии напоминали цепи — земные, якорные, и неземные — как для оснастки галактических вихрелетов. А на ячеистой поверхности прозрачного моего тела мигали точечные огни, все больше с синеватым отливом, как бывает на звездных атласах. Время от времени на остриях этих огней восставали крутящиеся, как веретена, черно-серебристо-фиолетовые вихри.

Молчание длилось 56 секунд. Затем узник меня удивил. Он пригнулся, весь сжался, голову втянул в плечи и, на цыпочках подойдя ко мне, провел ладонью вдоль моей груди, почти касаясь ячеек. Вихри-веретена свободно пронизывали ладонь.

— Царица небесная, я сразу заподозрил: что-то в вас не так, — пропел он в восхищении.

— Что именно?

— Едва вы вошли и окликнули меня, я сразу почув-

ствовал волну той мыслительной эйфории, которой наслаждался наедине с „Протеем“. И потом — постепенное преображение вашего голоса, да и всего облика: волосы по светлели, закудрявились, как у меня, цвет глаз переменялся, шрам переполз с правой скулы на левую. О, у меня глаза зоркие, в операторы подслеповатых не берут. Пardon, насчет близорукости я слухавил... Как вам удастся создавать такое подобие? Это надо же, стать точь-в-точь мною!..

— Для нас, космопротидов, проблем подобия не существует, — сказал я и разжал ладони. Полы униформы опали.

И тут Емельян Иммануилович доказал, наконец, что не зря, нет, не зря услаждал он себя беседами с „Протеем“ на 1827 дежурствах. Глаза у него хищно блеснули, но он успел погасить этот свой разбойничий взор прежде, чем прорычал:

— Возможно, и не существует. Это для вас, гоститель мой залетный. А для тех, кого вы имитируете? Для тех, облик с кого снимаете? Или сдираете? — Он стукнул ребром ладони себе по колену и сыпанул, как горох, вопросы: — А у прототипов не возникает проблем? На них это не отражается? Отвечать за сегодняшнюю фантазмагорию, измышленную вашими спецслужбами занебесными, — здесь отвечать, на грешной Земле, кому придется? Старшему. Инспектору Сената Шервинскому?! Или, может быть, его уже нет и в живых? Молчите? Значит, вам абсолютно безразлично... — От сильнейшего волнения мой собеседник начал заикаться.

Пришлось высветить в бассейне светло-голубое прозрачное яйцо, в центре которого блаженно покоился, будто несомый тихоструйными зефирами, Святослав Шервинский. Глаза его были открыты, и улыбка сладострастия чуть растягивала бледные тонкие губы. Тысячи зеленых гибких водорослей вырастали из розового тела, наслаждавшегося забытием, и пропадали за гранью высвеченного объема.

— Как видите, он жив, любезный Емельян, жив и даже сбросил путы тяготения, — сказал я. — Более того, могу предсказать: он будет жить чрезвычайно долго. По земным, как водится, меркам.

— Но эти присоски... они как змеи... — Узник содрогнулся от отвращения... — Что они высасывают из него? Кровь? Информацию?

— А если не высасывают, а кое-что вливают? — высил я голос. — Положим, вливают долголетие... капля за каплей... грядущие секунды, недели, десятилетия. И заметьте вот еще что. Иллюзия в нашем бассейне — это сон Шервинского, вы наблюдаете сон как бы со стороны. Угодно ли знать, что сейчас происходит с п р о т и м о м на самом деле?

— Еще как угодно, — дерзко отвечал созерцатель чужого сна.

И высветилось.

Высветилось в бассейне Емельяну Иммануиловичу: среди небесных полей подобие дискомедузы, изяществом и благородством форм повторяющей мавзолеи восточных владык.

— Ба, да это смахивает на тот корабль, возле Юпитера! — радостно воскликнул он, указывая пальцем в бассейн, где дискомедуза величественно парила в окружении звездных скоплений. — Только размерами поскромней, да и намного.

— Ошибаетесь. Размерами дисконид примерно с земную Луну.

Тем временем испещренное огнями тело космомедузы начало заметно пульсировать, и с каждой волною пульсации картина вселенной менялась. Емельян мог созерцать:

И „вертушку“ Галактики из Гончих псов,
И ужасающий вихреворот Туманности Андромеды,
И звездный мост в мильоны лет световых,
перекинутый между Галактиками в Рыбах,

И „Осу“,
И „Мышек“-игруний,
И „Антенн“ диковинные усы,
И две оскаленные морды вампиров в Лебеде,
И Лиры дымящееся кольцо,
И Ориона туманность, где легче всего угадывалось
лицо спящего монстра-циклопа,

И похожую на исполинского кондора взорвавшуюся Галактику М 32...

— Что ж это у вас, вроде тренажа для звездолетчиков? — осведомился вдруг Емельян, не отрывая глаз от бассейна.

— Думайте как вам угодно. Но перед вами — истина, явь. Именно в эту минуту Святослав Шервинский осуществляет свою заветную мечту: он странствует среди звезд. Как истинно и то, что вы — единственный земной свидетель картины его странствий.

— Пусть так. Принимаю вашу оптическую игру. Но где же сам странник? Шервинский — где?

— Вот он! — И я подсветил серебристо-фиолетовым космомедузу.

— Внутри корабля?

— И внутри, и снаружи. Корабль — это и есть сам Шервинский. Превращенный в живой корабль размерами с земную Луну. Каким образом, поинтересуетесь? С помощью п р а н и в е л л ы, дорогой мой исповедник „Протея“. Пранивеллы, о чьих свойствах земляне, к счастью, не догадываются... О, не беспокойтесь за судьбу Шервинского. Еще сегодня, двадцать шестого октября, он вернется на родную планету — целым и невредимым. А по последствиям нашей с вами беседы отвечать придется не ему, счастливейшему из смертных.

Я в ы к л ю ч и л звездное виденье. Мой собеседник долго еще всматривался в глубину своего бассейна и молчал. Наконец, откашлявшись, он сказал:

— Реквизит у вас отмененный. Теперь ответьте, если захотите, на главный вопрос: зачем преобразились именно в моего двойника?

— Чтобы остаться вместо вас здесь, в заточении. А вы сейчас же...

И опять он недослушал меня, перебил.

— И я смогу проникнуть к пультам? Вы и разрешение Председателя Сената подделали? Извините, я хотел выразиться, сымитировали.

Я ответил:

— К „Протею“ проникнуть невозможно, даже с письменной санкции Председателя. Председатель обязан устно подтвердить разрешение, причем в присутствии не менее двух третей членов Сената.

— Как же нам действовать? — спросил он с наивностью младенца.

— Как упомянутый вами граф Монте-Кристо, — улыбнулся я. — Мне надлежит напялить ваш балахон и остаться здесь. Вы облачаетесь в мою униформу, проходите силовой барьер, садитесь в элекар, спускаетесь до Кульджинского тракта и, достигнув Чилика, на втором километре после моста через реку сворачиваете в горы. Не беспокойтесь, программа в элекар заложена. В горах вас ждет мой космозонд. Он доставит вас на наш корабль вместе с элекаром. Чтоб следов не оставалось.

— Однако вы решительно переоцениваете мои возможности, — сказал Емельян, чуть побледнев. — Единственный, кто мог бы помочь плазменно-биологическому „мозгу“ вашего корабля — это академик Карамышев, Смерч, Див. Больше из землян никто... Может, обратиться все-таки в Сенат?

— При чем здесь Сенат? — сказал я. — С вашей помощью наш „мозг“ задействует „Протея“, а „Протей“ восстановит наш „звездный код“.

— Значит, и это он предусмотрел, — почему-то вздохнул Емельян. — Предположим, я соглашусь вам помочь. Но что станет с вами?

— Вы имеете в виду — с вами, Емельян Иммануилович? У вас, собственно, две возможности. Одна — возвратиться сюда, в этот пожизненно цветущий сад. Другая — останетесь, если понравится, у нас. В той же должности, Главным оператором, у нас все операторы — Главные.

— Без возврата на Землю? — спросил он.

— И без сохранения земного облика, — ответил я. — Но зато практическое бессмертие. Если не случится когда-либо катастрофы на уровне гибели звезды. Такая вероятность примерно нулевая... Надеюсь, обойдемся без рекламных картинок в недрах вашего бассейна.

— Практическое бессмертие — в таком во. обличье... — Он опять приблизил ладонь к ячейкам моей груди и

наблюдал, как вихри гуляют на тыльной стороне его длинной ладони.

— Не обязательно именно в таком, — мягко сказал я, снимая куртку униформы. — Я уже говорил: для нас, космопротидов, проблемы подобию не существует в принципе. Как и фактора времени. Для лучших из вас, оно — неутрачивающий ветер. Для всех нас, время — былинка, миндаль, сломанная ветка, горное озеро, астероид, живые облака Галактики, даже воспоминание о них, даже пранивелла, когда-нибудь вы узнаете и о ней, Емельян, во всех подробностях.

Он тоже начал стягивать свой зеленый земной балахон, но, перед тем, как протянуть руку к моей куртке, спросил:

— Если я соглашусь... то есть я уже, конечно, согласился... то не захотите ли вы вероломно всех землян сделать такими? — И он ткнул указательным пальцем по направлению моей груди.

— Слишком большая честь для мгновенно живущих, — отрезал я. — Вы же не прививаете бабочкам-однодневкам человеческие сроки жизни...

... Прежде чем проотиться, он, уже в униформе, взволнованный тем, что ему предстояло свершить, спросил, едва не стуча зубами:

— Но как же я минову силовой барьер? Там надо вбивать в щель электронного стража ваше сенатское удостоверение. А на фото ваше прежнее, а не мое лицо.

— Полный порядок, — ответил я ему, застегивая балахон. — Взгляните на себя, хотя бы в этот изящный бассейн под жасмином... Не робейте, Емельян. Сделайте шаг к бассейну, вот так... Теперь наклонитесь, можете даже присесть... Взглянули?

Он взглянул, но сразу закрыл глаза.

— Узнаете Старшего Инспектора Сената Святослава Шервинского?

Он молчал.

— В третий раз повторяю: проблем подобию для нас не существует. Для нас, космопротидов...

И долго, долго вглядывался он, встав на колени перед обаятым жалостью жасмином, в лицо бывшего и будущего капитана „Обимюра“.

3

Из сообщений Сената Планетарной Безопасности: „Среди чрезвычайных происшествий Сенат ПБ отмечает и загадочное оживление в период с 27 по 29 сентября 2086 года деятельности Самоорганизующейся Плазменно-Биологической Системы „Протей“, законсервированной после „Большого затемнения“, в котором, как выявило следствие, решающую роль сыграло попустительство бывшего Главного оператора Разина-Шиллера Е. И. Соответствующая сенатская подкомиссия ведет расследование.

4

Из сообщений Сената Планетарной Безопасности: „В среду, 6 ноября 2086 года, непривычно крупный метеорит уничтожил силовой барьер и разрушил до основания виллу Сената на ледяном плато Туюк-Су над Алма-Атой. В вилле содержался в одиночном покое Разин-Шиллер Е. И., бывший Главный оператор Самоорганизующейся Плазменно-Биологической Системы „Протей“, сыгравший, как установило ранее следствие, решающую роль в „Большом затемнении“. Расследование затруднено из-за последствий мощного взрыва, приближающегося к термоядерному, но без вредных лучевых выбросов. О результатах расследования будет сообщено дополнительно“.

5

Из Вестника Космофлота:

„Капитан Святослав Шервинский с борта летающего астероида „Обимур“ передает: „... вчера за орбитой Урана экипаж „Обимюра“ стал свидетелем космического миража. На протяжении полутора часов в космическом пространстве слетались стаи огненных птиц, напоминаю-

щих земных журавлей, с угловыми размерами в размахе крыльев до шести градусов, что по самым скромным подсчетам соответствует восьмидесяти тысячам километров, хотя достаточно точное расстояние до миража определить не удалось. Предполагаю, что мираж мог быть вызван ионизацией космической пыли, хотя самое загадочное в том — и это зафиксировано видеомагнитофонами „Обимюра“, — что огненная стая являла собою строфу стихотворения неизвестного автора:

В СИНЕВЕ, У ПРЕДДВЕРЬЯ БЕССМЕРТИЯ,
СТОРОЖАТ ОДИНОЧЕСТВО ГОР
ВРЕМЯ — НЕУТИХАЮЩИЙ ВЕТЕР,
НЕУСЫПНЫЙ ОТШЕЛЬНИК — ПРОСТОР.

ЛЮБОВЬ К ПАГАНИНИ

Рассказ

Еще с вечера Мерва не покидало ощущение чего-то мерзопакостного, гадливого, предчувствие неких грядущих каверз. Тревога сквозила в мерном подрагивании листьев гиперхвощей и дубо-яблонь в саду за окном. В упорядоченном строю сиреневых, рыжих, фиолетовых квазиоблаков определенно таился подвох. Часам к десяти стал накрапывать дождь, и его шепоты и шорохи будоражили изощренный слух Мерва. Как и всякий законченный холостяк, МERV опасался превратностей судьбы: новых знакомств, внезапного закабаления женщиной, приглашений к полетам на другие планеты, равно как и самих полетов, а еще всего — инспекторов Лиги Умственного Трудя. Эти твари, подобно микробам, проникали во все щели бытия, и ухо с ними надлежало держать востро.

Мерв включил видеатор кругового обзора, искусно сработанный под древнюю японскую вазу. Картина на экране была вполне заурядной. Пара авизток вспахивала ночные небеса. Стая перелетных эвкалиптов кружила над уродливым небоскребом Марсианской Конфедерации. Вскоре крылатые деревья опустились среди зарослей Висячих Садов. На улицах среди муравьиного потока мобильных, пневмодилижансов, гравикарет, элекров сиротливо кувыркались автоперекати-поле.

„Странно, откуда же повеяло бедою? — размышлял Мерв. — А что, если затаиться, отложить нынче ночное бдение... Или махнуть на денек-другой на Землю, в Тибетский заповедник, к примеру, а то и подальше куда. Или, как в прошлый раз, на пляжи старушки Луны...”

Порассуждав таким образом, Мерв все же решил не придавать значения смутным ощущениям, тайным предзнаменованиям и предчувствиям.

И, как выяснилось довольно скоро, тут он и дал промашку.

К десяти часам Мерв вывесил на флаштоке своего бунгало три светящихся шара — красный, голубой, белый. Пусть знают, что и он, Мерв, как и положено добропорядочному поселенцу, участвует в лотерее Невиданных Радостей, а главное, во Всемарсианской Спевке. Затем Мерв замкнул на пневматические присоски окна и двери, погасил везде свет и потайным ходом из спальни ринулся в святая святых — лабораторию, днем замаскированную под чулан, который был битком набит старьем. Тут громоздились допотопные реокраны, псевдоинтеграторы, гравиякоря, нейрозашелки, торчал заржавленный остов психотрона, висело чучело двуединого с Плутона, тускло мерцали реторты невообразимых форм, размеров и расцветок. И вся эта рухлядь была увита проводами, обрывками биоканатов, мнемощлангами, утлой паутиной в палец толщиной, непрерывно творимой парой прирученных альдебаранских пауков, беззлобных тварей, чем-то смахивающих на двух престарелых вепрей.

Оказавшись в чулане, Мерв нажал одну из панелей на блоке управления — тотчас все чудесным образом переменялось. Реторты, якоря, нейроприсоски, вепреобразные пауки провалились в бункер, а на их место явились приборы и аппараты, совершенству которых мог бы позавидовать кое-кто даже из Института Обратимых Пространств. Эх, кабы тамошние горе-академики сочувственно отнеслись в свое время к его, Мерва, идеям, многое изменилось бы нынче в Солнечной системе, а может, и не только в Солнечной.

Тяжкое воспоминание об Институте Обратимых

Пространств надолго лишило Мерва привычного спокойствия духа. Склонившись над проектом коренного преобразования климата на Нептуне, изобретатель времени от времени на огромном листе фольги делал пометки цветными мини-лазером (собственной конструкции) и бормотал не без тайного злорадства:

— А вот горный этот краж мы перетащим сюда!.. А сию бомбочку взорвем здесь, да-с, дабы льды расплавились и море явилось, а точнее же — океан! Тут вот лесостепь запланируем, там муссончиков подпустим, смерчи взрастим океанские!.. А проектик-то — анонимно — в Звездную Конфедерацию и пошлем. И поглядим, как вы тогда запоете, поборники непрерывного отдыха!.. А проектик-то нептунианский замуруем для нашего архива, под номером девять тысяч сто двадцать девятым пойдет проект.

Было далеко за полночь, когда Мерв увидел божью коровку, медленно ползущую по краю стола. Несколько последних ночных бдений он порою замечал это крохотное насекомое, однако не придавал ползучей твари никакого значения. Теперь его заинтересовал идеально правильный геометрический узор на крыльшках. Вот завершено создание матери-природы, рассуждал Мерв. Тут ни прибавить, ни отнять, ни-ни, пустая затея, как говорится, миллиарды лет эволюции.

Коровка божья между тем остановилась, потопталась на месте, двинулась дальше. Справедливости ради следует упомянуть, что Мерв не очень-то обожал животных, растения, а тем паче насекомых. И тому наличествовала причина. Давненько, в пору изобретательских безумств юности, он, помнится, предложил какому-то ведомству один из своих первых проектов — микротелерадиоинформатор, сработанный под божью коровку. И что же! Ему показали от ворот поворот: это-де и нефункционально, и нецелесообразно, и оскверняет наши устоявшиеся представления о живой природе. „С вас, моя милая, с вас начались мои мытарства, — шептал Мерв. — Целых два месяца угрожал тогда на вашу милость; ловил в лесу, в трубе аэродинамической продувал, узор крыльев разглядывал в лупу... Эх, пролетели веселые годы, как пучок протетел позитронов”, — вспомнился припев из давно забытой студенческой песни.

Умиленный Мерв извлек из ящичка сверхувеличительное стекло и склонился над божьей коровкой, любясь совершенством природных форм. Вдруг он оторопел: под линзой отвратительно шевелила усамантеннами и переступала манипуляторами — будь ты трижды проклята — механическая дрянь! Вместо головы в гостю был вмонтирован кристалл, он монотонно вспыхивал еле заметным пламенем.

„Все кончено. Пойман с поличным за очередным изобретением!” — безошибочно оценил обстановку Мерв за секунду до того, как схватить полипинцетом микроинформаторшу и швырнуть ее под ультрапресс. „Крыгг-крагг-крыгг!” — заскрежетало внутри ультрапресса.

— Не делайте глупостей, поселенец Мерв, — услышал пойманный с поличным довольно-таки внятный голос невесты откуда. Он огляделся. В полуметре над столом висела еще одна псевдокоровка. Голос явно исторгался оттуда, из нее.

— Спокойно, поселенец Мерв. Говорит старший инспектор Бинк. Вас застали на месте преступления. Не пытайтесь скрыться. Бунгало накрыто бронированным колпаком. Все три подземных хода перекрыты. („И о ходах подземных проникли, дьяволы”, — выругался про себя Мерв.) Не поможет и ваш пресловутый механический крот, на котором вы улизули от закона

в прошлый раз: под бунгало подведена ферритовая плита. Время на размышление — пять минут. Добровольная сдача в руки властей намного облегчит вашу участь. Повторяю: время на размышление...

Не выпуская из виду коровку-вещную, Мерв пятился к двери. Он нащупал ручку, легонько повернул, выскочил из лаборатории вон. Теперь осталось сделать то, что он предусмотрел на случай „провала” — уничтожить вещественные доказательства. Он представил себе чулан со всем его воистину бесценным содержимым, которому суждено было в мгновение ока обратиться в молекулярную пыль, и тут же бестрепетно задействовал субстерилизатор...

Когда четверть часа спустя старший инспектор Бинк с двумя дюжими молодцами помоложе одолели, наконец, все пневмо-, электро-, фото и прочие затворы в бунгало и нагрянули в спальню Мерва, последний беззаботно почивал среди своих многообразных холостяцких причуд — дестабилизаторов меланхолии, воспроизводителей озонированного воздуха, распылителей лунного света, имитаторов океанической зыби и тому подобных устройств, о назначении и принципе действия (и воздействия) коих можно было строить самые отчаянные гипотезы.

— Подымайтесь, Мерв! — устало выговорил Бинк. — Довольно комедию ломать.

Мерв раскрыл глаза, потянулся, как кот, насильственно зевнул, пробубнил:

— Убирайтесь вон! Мне осточертели бесконечные провокации вашей Лиги. Я свободный поселенец Марса, а потому буду на вас жаловаться, хотя от природы и не склонен к доносительству.

Старший инспектор Бинк извлек из довольно объемистой сумки, висящей у него на плече, две стереографии и небрежно протянул Мерву.

— Любуйтесь. Изобретатель Мерв собственной, так сказать, персоной. В частной, следовательно, запрещенной законом лаборатории. Перед одним из своих многочисленных проектов. Заметьте: многочисленных, между тем как Марсианский Кодекс допускает для каждого поселенца не более одного проекта либо изобретения на протяжении целой жизни. Ко всем прочим преступлениям, вы позволили себе заниматься интенсивным умственным трудом на протяжении четырех с лишним часов. Хронологическая микросетка видна довольно четко, не правда ли, Мерв? На этом вот снимке отсчет времени 22.36, а вот тут — 03.18. Секунда не в счет, зачем мелочиться? Столетие, год, месяц и число прибор зафиксировал на обороте снимков.

Мерв так и заскрипел зубами от бессилия. Впрочем, зубовой этот скрежет был принят как должное Бинком и его быстроглазыми подручными.

— Теперь, поселенец Мерв, разблокируйте уникальный ваш чулан. Внутри его порхают два приборчика из тех, что так не понравились вам. С божественными пятнышками на спинках.

— Там не может быть никого. Даже самой завалюющей бездельницы, — угрюмо ухмыльнулся Мерв.

— Опять ошибка, гражданин Мерв. Они там. Целехонки. Они скрупулезно засняли процесс преступного разрушения вашей уникальной лаборатории, обращения всего ее содержимого в молекулярную пыль. Разумеется, засняли с разверткой во времени. Не делайте удивленное лицо, поселенец Мерв. Им ваши ультрапрессы и субстерилизаторы ниποчем. Как теплый июльский дождичек для их живых сестичек — божьих коровок. — Бинк провел рукой по сплывшимся глазам. — Кстати, я забыл вам предьявить разрешение на доскональный — и, разумеется, добровольный с вашей стороны — осмотр бунгало мною и моими двумя экспертами. Извольте полюбопытствовать. Сегодня же вами займется Верховный Эмиссар нашей Лиги.

Небо на востоке расцветало огнями побежалости, чем-то напоминающие работающие дюзы межзвездного лайнера. Угас Знак Всеобщего успокоения — зеленый мерцающий нимб над стреловидным небоскребом Конгресса Всеобщего Блага. Многоцветные жилые дома и виллы, стадионы, храмы Красоты, дворцы Элегических Раздумий медленно, торжественно поднимались на гра-

витационных платформах, кружились в небе, дабы опуститься на новое место. Каждое утро лик города преображался до неузнаваемости. **ДЕНЬ ПОЧИТАНИЯ СОСЕН** — обозначились в небесах письма километровых размеров — название очередного обязательного для всех праздства. Пройдет несколько часов — и счастливые, довольные собою поселенцы выпорхнут на просекты, площади, скверы. Город затопит кипящая вода карнавальных шествий, хоровых распевов, танцевальных братаний, речитативов во славу изящных чувств.

С высоты двадцать третьего этажа Мерв с опаскою наблюдал, как внизу выхлестнула на площадь многотысячная демонстрация Поборников Культуры Плоты. То были мужчины и женщины, даже подростки, которые искусными упражнениями, долгим сном (иногда под гипнозом) и непомерным питанием доводили свои тела до идеальных, с их точки зрения, форм. Ноги, руки, шеи атлетов являли подобие бревен, на спинах перекачивались шары мышц; чемпиона-супертяжеловеса с гривой рыжих волос ниже плеч везли в шестиколесной коляске на пневмоходу четверо его учеников, тоже молодцев не из малокровных: учитель давно уже не мог ходить самостоятельно, поскольку довел себя до восьми с лишним центнеров, замыслив одолеть рубеж в тонну живого веса. „Куда же мы катимся?” — недоумевал Мерв про себя. — Сколько можно петь, плясать, сибаритствовать, клясться в застольях (где вместо здоровой природной пищи поглащаются эрзацы, суррогаты), что смысл бытия — в производстве и перепроизводстве этих эрзацев в суррогатов... Может, и впрямь некто с тщательно скрытыми под ермолкой рожками и запрятанным в штанах хвостом отыскал способ воздействовать на мозговой центр удовольствия под черепушкой каждого из нас, так что в погоне за наслаждениями собратья-марсиане и не замечают, как перестают быть народом, а обращаются в толпу, в стадо, в чернь...”

Из безрадостных размышлений его вывел шепоток за спиной. Краем глаза Мерв наблюдал: трое молодых людей, видимо, появившихся после него в Зале Предварительных Размышлений, о чем-то переговариваются, время от времени яростно жестикулируя. Вот один из спорящих отделился, приблизился к Мерву, и, акуратно кашлянув, проговорил:

— Э-э-э, простите меня и моих друзей...

Мерв крутнулся в кресле, глянул на незнакомца из-за нависших бровей, ответил, как отрубил:

— Простить — за какую провинность?

— Простите, — повторил нелепо юноша и облизнул сухие губы, — вы, если не ошибаюсь, тот самый легендарный Мерв?

— В каком смысле легендарный?

Юноша приблизился. В знойных его глазах метался неподдельный восторг.

— Мы знаем вас и ваши великие проекты, — заскулил он. — Мы молодые, но, как и вы, решительно не принимаем эти пляски, коллективное обжорство искусственной пищей, социальную спячку. Даже если нас сегодня осудят, мы продолжим ваше великое дело изобретательства. Позвольте пожать вашу руку, руку борца против рутины и застоя.

Ладонь скулящего была холодной и влажной. Мерв помахал рукою двум другим мыслителям. Те стремглав кинулись к нему и застыли, испепеляя восхищенными взорами.

— За что вас сюда приволокли? — поинтересовался Мерв.

Тот, что постарше, с жидкими усиками и волною иссиня-черных волос, ответил баском дребезжащим:

— Да понимаете, мы всю сегодняшнюю ночь, и всю вчерашнюю, и позавчерашнюю, ломали голову над одной древней проблемой. И вроде бы нащупали тропку...

— Какова же проблема?

— Проблема машины, управляющей погодой. Во всепланетном, всемарсианском, как говорится, масштабе. — Черноволосый свершил в воздухе ладонями закругленное движение, будто лаская незримый глобус. — Мы счастливы, что стали первопроходцами... что наше начинание... несмотря на препоны властей...

— Да, впервые в истории цивилизации, — поддержал черноволосого третий изобретатель, с короткими ручка-

ми и непомерно большой головой, уже начинавшей лысеть.

— Полегче на поворотах цивилизации, отважные первопроходцы, — улыбаясь Мерв. — Лучше послушайте приятный для вас текстик. Вниманию, цитирую:

„И надобно, чтобы была такая машина, которая брала бы всякую силу на земле, и в воде, и в воздухе, и в небе, и у солнца, всякую силу, которая даром...

И побольше работы ей: чтоб не было песчаных степей, ни соленых пустынь, никакой бесплодной земли на лице земли; покрывать лицо земли плодородной землей; и делать равнины и долины, как нужно, и холмы и горы, как нужно, и бросать воду под облака дождем; и сосать воду из облаков, чтобы не было лишнего дождя; и дуть ветром, как нужно, и ставить до облаков загородки от ветра; и делать ветер в тихую погоду, как нужно; и наводить облака, чтобы был вид земли, какой нужно, и почва земли, какую нужно, и дождь, и ясная погода, как нужно”.

После долгого молчания большеголовый поскреб пухлыми пальцами макушку и сказал:

— Вот, значит, как обернулось с первопроходчеством. Обошли вы нас, глубоководный.

— Да не я, обшел, не я, — хохотнул Мерв. — Проекту этому лет триста, не меньше. И сочинил его один узник, теперь это словцо давно забыто. Для наших времен оно может звучать так: отдыхающий во дворце Восторженного Смирения...

— ... куда нас упекут сегодня же, — опять заскулил юноша, тот, что жал Мервову руку.

— Никуда вас не упекут. Для начала отчитают — и под зад коленкой. Катитесь на все четыре стороны, куда вас не накрукот с чем-нибудь посерьезней. — Мерв зорко огляделся. Кроме него и первопроходцев, в зале Предварительных Размышлений не было ни души. Мерв понизил голос и сказал: — А когда выйдете отсюда чистенькими, не худо бы заняться одним проектом. Разработайте-ка его в деталях, да и перепульните в Марсианскую нашу родную Конфедерацию, лучше всего анонимно. Обещаете исполнить? Или кишка тонка?

— Обещаем! Клянемся! — жарко задышали на Мерва юные энтузиасты.

— Тогда я научу вас, как перепархивать вольготно от звезды к звезде. — И начал во всех подробностях объяснять принцип гравитационных качелей.

Верховный Эмиссар Лиги Умственного Труда — пожилой, дочерна загорелый, с благородной проседью в висках — восседал в старинном кресле под чрезмерных размеров стереокопией боттичеллиевской Венеры. Пред ним на овальном столе покоилась пухлая грудa документов. То были черные папки с золотым тиснением на корешках, копии проектов и изобретений, микростереофильмы, донесения информаторов — короче, все то, что именовалось „делом Мерва”.

— Располагайтесь поудобнее, Мерв, — негромко произнес Эмиссар и указал на роскошный диван, инкрустированный драгоценными камнями. — Разговор предстоит долгий и, как вы сами понимаете, последний. Вы уже давно, точнее — с юношеских лет, противопоставили себя обществу, и вот печальный итог — теперь вы законченный рецидивист.

— Выбирайте выражения, Эмиссар. Я не рецидивист. Я законченный изобретатель, если угодно, — огрызнулся Мерв, не подымая глаз.

— Это одно и то же. Как еще называть того, кто, пренебрегая законом, беспрестанно бомбардирует общество проектами, предложениями, изобретениями. Вспомните, с чего вы начали. — Эмиссар раскрыл папку, пошелестел бумагами. — Начинали вроде бы невинно, благопристойно... Лунная катапульта... Трубозаградитель для самумов... Трансформатор ядовитых выхлопных газов и ароматические углеводороды...

— Углеводы, — поправил Мерв, любивший точность.

— А дальше — прямо оторопь берет... Джомолунгмоход-коляска для массовых экскурсий... на высочайшую вершину мира... Выпрямитель полупараллельных миров... Поглотитель почти всех веществ...

— Кроме радиоактивных. Однако впоследствии я разработал приставку, которая позволила...

— Индикатор инвариантности пространства, — перебил Мерва Эмиссар. — Реализатор сновидений. Чего только ни рождалось в вашем разнузданном воображении. Вас уговаривали, увещевали, предостерегали. Вы дважды побывали в долгосрочном отключении — сначала на Полуострове Непрерывных Радостей, а потом в Оазисе Поголовых Удовольствий. Однако ничто не помогло. Это по вашему наущению летучие механизированные банды юнцов по ночам расковыривали бетонные автострады, а на их месте высевали цветы — лютики, незабудки, васильки и эти... как их... одуванчики.

— Не только лютики и одуванчики! Люцерну сеяли, рожь, сверхскороспелую пшеницу, — опять уточнил Мерв. — Движение за всепланетарный перенос дорог возникло стихийно, я всего лишь идею подытожил, не более. Поймите, дороги занимают теперь около половины всей Марсианской поверхности. Почва, столетия лежавшая под ними, плодородна, как на Земле во времена Адама и Евы. В прочих, же местах она истощилась неизменно, засорена удобрениями. Какой смысл закупать хлеб и мясо на Арктуре, Альдебаране? Достаточно перенести дороги на новое место — и, пожалуйста, получай рекордные урожаи!

— „Рекордные урожаи”, — презрительно хмыкнул Эмиссар. — Чем альдебаранская снедь — мукa, или мясо, или яйца — хуже наших? Ничем не хуже. Доставка продовольствия с ближайших к нам звезд отнюдь не обременительна для общества. Ко всему прочему, торговые налаживаются контакты, это кое-что значит. А вот ваша деятельность, Мерв, обрекает планету на бесконечную, бессмысленную реконструкцию. Дай вам волю — и все будет тотчас перерыто, перекопано, переставлено, передвинуто, перепланировано, переделано. Давно, давно пора было остановиться, Мерв!

— Остановиться в развитии равнозначно гибели, — процитировал Мерв любимую фразу. — Закон диалектики. Неукоснительный.

— Именно поэтому и обнародовали вердикт о строгом ограничении изобретений, — парировал Эмиссар. — Не мне объяснять вам, что законы природы в конечном счете исчерпаемы. Сейчас на Марсе шестьдесят миллионов свободных поселенцев. Если каждый, подобно вам, начнет измышлять прожекты, даже гениальные, потомкам нечего будет изобретать. Позаботимся же о них, как пеклись о нас невежественные предки.

— Любопытствую, как они пеклись, предки-то невежественные?

— К примеру, возьмем древние Афины. Там каждый, кому заблагорассудится, мог выйти на центральную площадь и перед всем честным народом предложить любое нововведение, любой проект. Одобрили всегласно — получай в награду из рук верховной жрицы золотой амфут, знак высшего общественного признания. Отвергли проект — сие же мгновение вкуси яблока отравленного... Пораскните умом, Мерв, много ль находилось в древних Афинах охотников изобретать?

Эмиссар замолчал. Его взгляд как бы пробурывал толщу времен, устремляясь туда, в дремлющую древность, к городу над благодатным морем, который уступами сбегал с гор среди зарослей лавра и мирта, среди апельсиновых рощ, к городу, нареченному „оком Эллады”, где пред храмом Афины-Градозащитницы неведомый смельчак ожидал сейчас решения земной своей участи: величие или смерть.

Молчал и посрамленный прожектёр. Неожиданно блоститель закона вновь заговорил:

— Архимед, Кеплер, Ньютон, Менделеев — в глубокой древности на той же Земле каждый обогатил науку одной-двумя великими идеями, не больше. А могли бы, ох как могли. Да не прельщались, видно, гении количеством. О качестве перво-наперво помышляли. И низкий поклон им: кое-что оставили и нам, грешным, над чем стоит голову поломать.

Мерв отвечал, почти не размышляя:

— Не на одних Кеплерах да Архимедах свет клином сошелся. Случались и многогранные творцы. Герон Александрийский. Неттесгеймский Агриппа. Парацельс. Сансеверо Сансеверино. Леонардо да Винчи.

— Грешно не знать историю! — сурово отрезал Эмиссар, так что не должно было остаться сомнений:

уж кто-кто, а он историю знает. — Да будет известно, что большую часть своих гениальных догадок Леонардо укрывал от современников, возможно, не желая отбивать у потомков хлеб насущный. Сколько уж веков минуло, а вот поди ж ты; историки то и дело натыкаются на проекты Леонардовы. Тут тебе и обводные Сахары, и плазменный генератор, и подземный бунер — всего не сочтешь. Хотите последнюю новость из Академии Леонардо? — Эмиссар провел ладонью по сиреневой панели сбоку стола, и сразу же металлический голос завершал как бы ниоткуда:

— Позавчера, 23 июля, неизвестный автор прислал в Академию электронно-оптическое устройство, которое позволяет проникнуть за горизонт картин Леонардо да Винчи. Не вполне понятным способом итальянский мастер сумел на своих полотнах добиться пространственного эффекта. Он запечатлел пейзаж на несколько километров за черту горизонта.

Эмиссар движением руки укротил металлический голос и произнес с оттенком безразличия:

— Очередное анонимное устройство. „Неизвестный автор прислал“ — и все тут. Знаем мы этих неизвестных, ниспровергателей законопорядка, недовольных и временем, в котором живут, и Марсом, на котором обитают. Затаялся такой в щели, как змий, и ну проектками дичайшими бомбардировать белый свет.

Мерв опустил глаза.

— И чего некоторым не хватает? Мы вернули Марсу почву и атмосферу. Искоренили болезни. Продлили жизнь человеческую до трех-четырех столетий, дальше уж некуда. Из обширного Марсианского Кодекса ныне действуют всего-навсего несколько законов. А пока что из-за таких преступников, как вы, Мерв, и подобных вам эксплуататоров собственного мозга нам приходится содержать ораву экспертов, общественных информаторов, механических осведомителей.

— Наподобие тех юнцов, что вы подсунили мне в Зале Предварительных Размышлений? — спросил осторожно Мерв и впервые глянул прямо в восточные усталые глаза Эмиссара. В глубине томных этих глаз на миг вспыхнуло, задрожало изумление и немедленно погасло.

— Полагаете, ребята из наших? — быстро спросил Эмиссар.

— Кто же еще способен провоцировать свою жертву разглашением о такой рухляди, как машина, управляющая погодой... Кстати, поостерегитесь включать в реестр обвинений против меня еще и идею гравитационных качелей. Она ведь также принадлежит Леонардо, не правда ли? При необходимости я легко докажу это пред судом Конфедерации.

Эмиссар астал, оперся растопыренными пальцами левой руки на стол; кистью правой руки он, рассекая слова, совершал отрывистые движения, как бы прикасаясь к кнопкам, от нажатия которых зависело существование других планет, а то и миров.

— Вы опасный фанатик, Мерв. Опаснее, чем я предполагал. Никакого суда не будет, суд отменен еще в прошлом столетии. Потрудитесь выслушать наше высочайшее решение. Властью, вверенной мне Лигой Охраны Умственного Труда, я осуждаю вас как рецидивиста к пожизненному пребыванию в Долине Неотвратимых Наслаждений. — Эмиссар нанес рукой последний невидимый мазок, после чего сел и сказал на удивление ласково: — Отныне и для вас, Мерв, настала эра многообразных развлечений, чувственных усад. Там, в Долине, у вас будут все возможности для наслаждения красотой бытия. И лишь одного вы будете лишены — возможности изобретать, переинventing все вверх дном... Порханье стрекоз, песня иволги, пугливые стайки рыб в сонных заводях, мазурка Шопена в потоках лунного света — это ли не счастье? „Открылась бездна, звезд полна, звездан числа нет, бездне — дна“.

— Ваше решение бесчеловечно, — прохрипел Мерв, чуть растягивая слова. — Но я не в обиде на вас. Вы — отражение столь же бесчеловечной эпохи, где изобретателя нет места. О, родился я в другое время — да в три дня прославился бы на века.

— В какое такое другое время? — сощурился Эмиссар. — В тех же древних Афинах? При Атилле? При

Джордано Бруно? При Галилее?

— Например, в двадцатом веке, особенно в его конце. Тогда число изобретений удваивалось каждые десять лет. Вот где был истинный рай для изобретателей. Да, они жили, как ангелы в раю. И никто не смел устраивать на них охоту наподобие той, что вы измышляли сегодня ночью... Эх, в двадцатом веке благодатная нива изобретательства взращивала такие плоды, что...

— Довольно, Мерв, разглагольствовать! — загремел Эмиссар. — Для фанатиков, подобных вам, смысл истории сокрыт за семью печатями. Но я помогу вам прозреть. Предлагаю пари. Сейчас 8.40. Ровно в полдень мы телепортатируем вашу особу в конец двадцатого века. Испытаете, легко ль прославиться на века. Итак, если там, на Земле, в течение трех дней заинтересуются хотя бы одним вашим проектом, считайте себя здесь свободным. Если нет, то интенсивность Неотвратимых Наслаждений в Долине будет увеличена до верхнего предела. Решайте!

Мерв не раздумывал ни секунды.

— Я выиграю пари, — выдохнул он. — И первое, что сделаю, когда снова стану свободным, — предложу проект реконструкции вашего кресла. Слишком прямая спинка. Слишком жесткая конструкция. Все это затормаживает умственную деятельность. Пагубно влияет на течение мозговых процессов.

Эмиссар расхохотался.

— На сей раз вы правы. Это точная копия кресла, в котором всю жизнь просидел философ Кант. И потому ничего не мог изобрести, — отвечал Верховный Эмиссар Лиги Охраны Умственного Труда.

День первый

В полдень Мерв обнаружил себя стоящим на обочине шоссе, по которому с жутким ревом неслось неукротимое стадо автомобилей. На юге, километрах в десяти, утонул в сером тумане город, хотя на небе не было ни облачка. Несколько раз Мерв выбрасывал вперед руку с растопыренными пальцами, пытаясь привлечь к себе внимание водителей, — безрезультатно. Так прошло полчаса. Наконец ему повезло: грузовик притормозил, свернул на обочину, и шофер, приоткрыв дверцу, крикнул:

— Эй, ты, чудо-юдо, садись, подвезу.

Кабина дышала зноем, как металлическая печь. Пахло бензином, отработанным маслом и еще черт знает какими гнусостями. Мерв указал на туман, объявивший город, поинтересовался:

— Почему выключили там ультрапоглощители?

Шофер, молодой, небритый, в кепочке набекрень, изумленно воззрился на него.

— Ультрапоглощители, которые уничтожают отработанные газы над городом, — пояснил Мерв.

— Да ты, кажись, с Марса свалился, браток, — обиженно сказал шофер. — Ни о каких ультра-мультра я и слыхом не слышал. А между прочим, кое-что в технике кумекаю, да и журнальчики кой-какие почитываю.

Далеко не все понял Мерв из слов попутчика, однако счел нужным заметить:

— Если их еще нет, надо немедленно изобрести. Отработанные газы ядовиты. Кому можно предложить проект ультрапоглощителей?

Тот, в кепочке, недоверчиво покосился на Мерва, переключил скорость, обогнал несколько грузовиков и лишь тогда ответил:

— Эти штуки по части Бюро Изобретений. Оно в центре, рядом с универмагом. Как раз мимо будем проезжать, я тебя и сажу, коли не шутишь. Ты, сдается мне, не здешний. Промежду прочим, психушка оттудова как раз недалеко, рукой подать.

Возле Бюро Изобретений, серого пятнадцатизатяжного здания, взору Мерва явилась внушительная очередь. Человек эдак сто двадцать, не меньше, определил он на глазок. И, как выяснилось вскорости, жестоко ошибся, ибо в очереди он оказался пятьсот тридцать седьмым. Именно это число вывел на ладони Мерва химическим карандашом благообразный старичок.

— Дождись следующего очередника, мил человек, и ступай изобретай себе дальше, с богом. Проверка

очереди по вторникам и субботам. Соображаешь? — складно, как по-писаному, бубнил старик.

— Да сколько ж это надо ждать? — так и ахнул Мерв.

— Месяц, а то и два, если заявка и документация в порядке. Что ты на меня уставился, будто я по-марсиански заговорил? Документация, понял? — И старик, загибая пальцы, начал перечислять: — Заявление по сути изобретения, отпечатанное на машинке, описание изобретения, чертежи в трех проекциях, справку с места работы, справку с места жительства, уведомление о...

— Какие справки, какие такие уведомления! — возмутился Мерв. — Да я изобрел установку, нужную позарез всему человечеству. Тут каждый день промежуток стоит жизни десяткам, сотням тысяч биомассы. Если сегодня же, сейчас же не уничтожить смог над всеми городами Земли, это поведет к чудовищным мутациям рода человеческого в будущем. — Мерв поднял со скамейки прут и начал чертить на песке проект ультрапоглопителя.

Старик, вначале принявший самое живое участие в проекте, под конец Мервовых объяснений начал вести себя довольно-таки странно. Сначала он тер виски, вслед за тем несколько раз высморкался в клетчатый платок, покуда наконец не достал из кармана пузырек с таблетками, отвинтил крышку и проглотил сразу три таблетки.

— Ничего не попишешь. К примеру, Архимеда или Эдисона из тебя не получится, факт. Слаб в инженерии, да и по математике на обе ноги хромаешь... Поддайся, ты сперва, мил человек, в институт. А еще полезнее — в техникум. Подучись как следует, а уж там изобретай. Дело наше основательных знаний требует, иначе пропадешь. Я вон не чета тебе и по разумению и по годам, а уж три десятка лет мыкаюсь туда-сюда, изобретение пытаюсь пробить, среди секретарш давно уж свой, а все не получается.

— Что вы изобрели? — угрюмо спросил Мерв.

— Вечную спичку. Даже заядлому курильщику такой одной спички на всю жизнь хватило б, ручаюсь! Пошевели-ка мозгами, сколько деревьев под топор не пойдет, если спичка вечная в каждом доме. А вот, надо ж, тридцать уже годочков пробить изобретение не могу, — вздохнул старик, видимо, в состоянии сильного душевного волнения.

Точно ветром сдуло Мерва от серого пятнадцатизэтажного здания.

День второй

Второй день был затрачен без остатка на хождения по учреждениям и инстанциям самых различных наименований. В частности, Мерв посетил:

- 1) НИИ очистки атмосферы континента от вредных примесей и газов;
- 2) санитарно-эпидемиологический центр;
- 3) суперфирму „Дымприборэлектротягой“;
- 4) завод „Автопыльцемент“.
- 5)
- 26) Банно-прачечный трест.

Везде его выслушивали со вниманием, идею одобряли в принципе и, глянув на часы или сославшись на занятость, вежливо рекомендовали, куда именно и к кому именно мог бы он еще обратиться со своим новшеством. В том, что ультрапоглодитель позарез нужен человечеству, не сомневался никто. Однако...

День третий

Третий день оказался совершенной копией дня второго, с той лишь разницей, что на сей раз Мерву удалось посетить двадцать девять учреждений. По большей части то были НИИ, расположенные довольно кучно в пределах Академгородка.

Везде его выслушивали со вниманием, идею одобряли в принципе и, глянув на часы или сославшись на занятость, вежливо рекомендовали, куда именно и к кому именно мог бы он еще обратиться со своим новшеством. В том, что ультрапоглодитель позарез нужен человечеству, не сомневался никто. Однако...

Незадолго до полудня рокового, последнего, дня Мерв, обманув бдительность секретарши научно-популярного журнала „Химия — сила молодежи“, ворвался в кабинет главного редактора. Он дважды повернул торчащий в двери ключ, затем ключ вытащил и зажал в кулаке. При виде подобного самоуправства редактор и бровью не пошевелил: он и не такое выдвигал на долгом своем веку. Не отрываясь от чтения гранок очередного номера, он снял телефонную трубку и сказал:

— Розалия, у меня когда сегодня коллегия? — после чего, видимо, выслушав ответ Розалии, распорядился: — Машину пусть подадут в четверть первого... В вашем распоряжении, — тут редактор впервые посмотрел на Мерва, и Мерв заметил, что редактор чем-то неуловимо смахивает на Верховного Эмиссара Лиги Охраны Умственного Труда, — а в вашем распоряжении не больше десяти минут. При условии, что ключ водворите на его законное место.

Мерв глянул на часы. Было 11.53.

— Я посланец другого мира. Точнее, мира будущего, — сказал твердо Мерв и поразился густому тембру собственного голоса.

— Занятно, занятно, — потер переносицу редактор. — С изобретателями гравипланов и вечных двигателей беседовать доводилось, притом многожды, да и не только в этом кабинете. А вот с посланцами из будущего... — И он развел пухлыми волосатыми руками, выказывая не то сожаление, не то радость.

Мерв достал из бокового кармана пиджака сложенный вчетверо листок бумаги, подошел к столу и протянул листок. То был схематический чертеж ультрапоглопителя и краткое его описание. Редактор минуты полторы-две изучал документ, потом откинулся на спинку кресла и с шумом выдохнул из себя воздух.

— Занятно, занятно. — Его пальцы бегали по столу, точно по невидимой клавиатуре. — Честь и хвала потомкам, присылающим нам, грешным, такие подарки. Для трибуны смелых идей вполне могло бы подойти, можно опубликовать. Если, конечно, имеется справка из Бюро Изобретений.

— Справка?!

— Справка о том, что это, — редактор помахал чертёжником в воздухе, — не является изобретением. В противном случае надо ультрапоглодитель запатентовать. В Бюро Изобретений.

Круг замкнулся. Было 11.57. Мерв слышал, как пульсирует кровь в ушах. Уже понимая, что все конечно, что он обречен на путешествие в Долину Неотвратимых Наслаждений, он сбивчиво заговорил:

— Не удивляйтесь, я скоро исчезну, как бы растаяв в воздухе... Но до того мгновения я бы хотел высказать идею... Как помочь делу изобретательства? Генерирование новых идей невысказано в сутолоке и стрессах современной вам жизни. Гениальные открытия — удел одиночек, плоды напряженных раздумий в тишине. Тут в полном смысле потребны годы одиночества... И вот я слышал, будто существуют такие люди, которые... в силу определенных причин... как бы это выразиться поточнее... устранены от общества... обречены, так сказать, на одиночество.

— К сожалению, такого рода личности пока еще есть и у нас. Пережитки прошлого. Некоторые из этих граждан пользуются одиночеством и тишиной довольно длительное время, иногда свыше десяти лет, — вздохнул редактор.

— И славно, и славно, — потирал руки Мерв. — Поверьте мне, существует замечательное средство двигаться цивилизацию вперед, я имею в виду нацелить таких людей на изобретательскую деятельность. У них же идеальные условия!

Мерв схватил лежащую на столе ручку и начал быстро испещрять чистый лист бумаги письменами. Впоследствии редактор не раз и не два перечитывал этот документ, пока не заучил его наизусть. Документ представлял собой таблицу из десяти пунктов.

Суть потребного изобретения	Срок умаления одиночества
Активизатор вкусовых ощущений	1—2 года
Макрорегулятор уличного шума	2—3 года
Преобразователь выхлопных газов автомобилей в ароматические углеводы	3—4 года
Препарат против облысения	До 10 лет
Теория единого этно-исторического поля	5—6 лет
Выпрямитель полупараллельных миров	До 10 лет
Диспергизатор причинности	5 лет
Таблетки от женской ревности	Досрочное прекращение одиночества
Формула бессмертия	Досрочное прекращение одиночества

В этот замечательный день редактор первый и последний раз в жизни не поехал на коллегию, ибо ровно в 12.00 загадочный посетитель исчез, как бы растаял в воздухе.

В полдень Мерв обнаружил себя в роскошно обставленной гравикарете, скользящей по извилистой дороге к Долине Неотвратимых Наслаждений.

... И когда тяжкие чугунные ворота с литыми вензелями в духе викторианской эпохи захлопнулись за его спиной, прямо над собою он узрел материализовавшиеся из ничего письма. В целебном воздухе Долины, над

лавровыми и миртовыми зарослями, над благоухающими апельсиновыми рощами, пылало неоновым мертвенным светом будущее Мерва. Впоследствии Мерв не раз и не два перечитывал этот странный документ, пока не заучил его наизусть. Документ представлял собой таблицу из десяти пунктов.

Суть потребного наслаждения	Срок умаления одиночества
Взращивание и воспитание собаки	1—2 года
Чтение древних авторов в подлиннике	2—3 года (за 1 автора)
Изготовление скрипки (то же альт, контрабас)	3—4 года
Ежедневная пастыба стада (за каждый год пастыби)	До 10 лет
Постройка ветряной мельницы	5—6 лет
Посадка и взращивание дерева (за каждый год взращивания)	10 лет
Регулярное пение в хоре (за каждый год пения)	5 лет
Разведение певчих птиц (за каждые 100 штук)	3—4 года
Вскапывание рвов вокруг собственного жилища по способу древних римлян (за каждую вскопанную милю)	До 10 лет
Торжественная клятва о пожизненном отказе от изобретательской деятельности	Досрочное освобождение

И лизала обросшее лицо его лягавая, и горланили приручаемые дрозды на ветках шелковицы, и барашки блеяли, вторя пастырю, распеваящему басом романс „Среди миров незнаемых“, и текла беседа со стариной Еврипидом возле мельницы ветряной, самолично возведенной пустынножителем, время от времени прерываемая звуками скрипичного чародейства.

С Еврипидом они сошлись на любви к Паганини.

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА «ОСКАРОВ»

Рассказ

Светлой памяти кинорежиссера Михаила Барковского, без вести пропавшего в 198... году.

Я сидел за столом диковинной овальной формы, чем-то смахивающей на орбиту с двумя солнцами. Таких столов в ресторанчике было шесть, но мой располагался удобнее прочих. Во-первых, потому, что рядом дремала в деревянном бочонке довольно-таки симпатичная, хотя и чахлая, пальма, а я люблю комнатные растения. Во-вторых, я видел всех входящих и выходящих. В-третьих, я мог беспрепятственно любоваться панорамой предзакатного моря. Я созерцал, как зарождается волна, как она растет, поднимается, выбрасывает белый ослепительный гребень, докатывающийся до прибрежных камней и разбивающийся об их твердь.

Мне впервые довелось побывать здесь, на Черном море. После наших холодных северных рек и озер здешняя вода показалась мне неестественно теплой, как бы искусственно подогреваемой. Вернее, само море представилось мне теплокровным живым существом, и я, по правде говоря, так и не решился за эти два дня поплавать хотя бы возле берега.

В ресторанчике было пусто, в этот час отдыхающие еще дремлют на раскаленных камнях или вяло перекидываются в картишки, убивают время дикарскими играми наподобие подкидного дурака. Хмельное веселье придет попозже, часов с восьми-девяти, а пока за столом слева старичок пенсионер разгадывал кроссворд, изредка прикладываясь к рюмочке с коньяком, а за столом справа, у раскрытого окна, молодая пара, несомненно, влюбленные, перешептывалась и вдруг взрывалась раскатами смеха.

Новый посетитель проследовал прежде всего к буфету, где, даже не поморщившись, проглотил три четверти стакана кодвы. После этого он уселся за последний столик — лицом ко мне и спиной к морю — и стал дожидаться официанта. Тут наконец я смог его рассмотреть. Волосы у него были черные, курчавые, от макушки до лба сведены на нет проплешиной. В карих навывае глазах, живых, беспрестанно перебегающих с места на место, порою мелькала отчаянная тоска. Портрет дополнялся тонким носом с горбинкой, пухлыми малиновыми губами и неестественно оттопыренными ушами. Оттопыренные эти уши создавали комичное впечатление: казалось, их владелец то и дело ко всему прислушивается.

Появившемуся официанту он что-то коротко шепнул на ушко, и вскорости перед ним красовалась запотевшая бутылка в обрамлении какой-то закуски. Минут через десять, весь раскрасневшийся, разомлевший, он разминал пухлыми пальцами сигарету и спрашивал меня через стол:

— Часом, прикурить не найдется?

Я молча ему кивнул. Он подошел, прикурил и, после того, как выпустил облако дыма, сказал:

— Зажигалочка у тебя классная. Суперлюксовая. Прямо атомный примус. Другой такой и не сыщешь. Прямо скажу, подфартило тебе, дружище... Ничего, что я без спроса переехал на „ты“?

— Ничего, — отвечал я. — А зажигалочка титановая.

— Одобряю. Любо-дорого. Металл дефицитный. Краем уха слышал, будто из него батискафы клепают, скафандры варят космические и все такое прочее. Ну и коронки ставят, вечные... Я гляжу, ты не пьешь, лимонадом спасаешься. Может, слегка вспрыснем знакомство, а?

Пока я раздумывал над его последней фразой, он исхитрился и бутылку запотевшую и закуску переметнуть на мой столик. От коды я наотрез отказался, тогда он выпил за нас двоих.

— Да, зажигалочка — загляденье, — говорил он, медленно жуя колбасу. — Чудная больно только. Семь кнопок на ней, для чего ж столько?

— Не семь, а восемь, — улыбнулся я. — Смотря кто прикуривает. Эта вот кнопка, желтая, для холостяков. Красная для женатых. Зеленая для разведенных. Серебристая для футбольных болельщиков. И так далее.

В улыбке рот его разошелся до самых ушей, от чего уши оттопырились еще больше, и тут он стал похож на летучую мышь.

— А ты шутник, дружище. Сразу видно, человек искусства, богема, так сказать. Курточка у тебя что надо, одних „молний“ штук двадцать, не меньше. Небось где-нибудь за кордоном отхватил, а? — Он откинулся картинно на стуле, сощурился. — Хочешь, угадаю, чем промышляешь? Киношник... Не угадал?.. Тогда телевизионщик... Опять промахнулся? Радиопостановочки варганишь. Снова нет? Значит, журналист. Пресса!

— Я занимаюсь изучением древних народов и рас. История, палео-этнография, палеоконтакты. Если непонятно, поясню: проблемы взаимного общения в историческом аспекте, — сухо сказал я.

— Выходит, Крым для тебя суший клад! — обрадовался он. — Тут недалеко, под Алуштой, нынче крепость сверхдревнюю раскопали. Представляешь, целехонькая вся, стены в вышину метров пять, дворцы, статуи, фрески — загляденье!.. Сам-то, небось, не здешний, а? Из Москвы? Из Киева? Из каких краев отдыхаешь?

— В командировке я здесь. В археологической экспедиции. Сам же родом оттуда. — Я неопределенно махнул рукой в сторону буфета. — Из заполярных краев. К нам добираться довольно трудно.

— То-то, гляжу, бледный ты весь, ровно покойник, ха-ха. На севере все такие, я знаю. Ну ничего, здешнее солнышко быстро тебя поджарит. Как на вертеле. — Он проглотил очередную рюмочку и сказал вкрадчиво, точно прислушиваясь сам к себе:

— А я Жилевин. Представь себе, тот самый, Илюша Жилевин. Так что тебе, ученый жук, повезло.

— Довольно редкая фамилия, — сказал я как можно более учтиво.

Он весь буквально закипел от возмущения.

— И ты хочешь сказать, что не знаешь ничего об Илюше Жилевине? И после этого называешься культурным человеком? Ты и о Мише Барковском, может, слыхом не слышал, а?

— Фамилия Барковский встречается чаще, особенно на Украине, — сказал я.

Он закрыл свои жгучие глаза, охватил голову ручонками и закачался из стороны в сторону.

— Этот гражданин чокнутый. И зачем таких берут в науку? Он сидит в ресторане, весь бледный, как покойник, пьет лимонад и не знает лучших людей в обществе. Но я помогу этому психованному выздороветь. — Он перестал раскачиваться, раскрыл глаза. — Миша Барковский — режиссер „Десанта на Сатурн“. Всемирно известного фильма. Того самого, который получил тринадцать „Оскаров“. Только не говори мне, будто ты не знаешь ничего насчет „Оскаров“, а то я умру от смеха.

— Не умрешь, — сказал я и после некоторого молчания добавил: — Я последние пять лет был в экспедиции, городище древнее откапывали на Севере, поэтому не

знаю многих новостей. Что касается имени Оскар, то оно встречается довольно...

— Довольно! Довольно! — перебил он меня умоляющим движением руки. — Всякий ребенок знает: „Оскар“ — это же премия, притом знаменитая на весь белый свет. В Голливуде ежегодно „Оскаров“ дают самым наилучшим киношникам: Феллини получил, Антониони, Бергман, Лиза Минелли, Пол Скофилд. А Бюньозль, промехду прочим, сразу четыре „Оскара“ взял: два за „Гаргантюа“, а два за „Пантагрюзля“. Исключительно ему удалось отобразить Рабле. Так вот. „Десант на Сатурн“ забрал все „Оскары“ на три года вперед — тринадцать золотых статуэток привез Миша Барковский, смекнул? Чертова люжина. Весь мир до сих пор балдеет, хотя уж времени сколько пролетело. — Он привстал, перенулся ко мне через стол и понизил голос до шепота: — А на самом деле все премии нужно было б вручить — отгадай кому? До старости не угадаешь. Мне! Илюше Жилевину, провались я в тар-тарары, коли вру.. Давай пропустим по маленькой, а? Я еще закажу бутылочку, будь другом, за компанию, как говорится.

И вторая запотевшая посуда моментально украсила наш стол диковинной овальной формы, чем-то смахивающей на орбиту планеты с двумя солнцами. — Жаль, не пьешь ты, бедолага, — горевал умиленно Жилевин. — Хотя я тебя понимаю, свои слабинки у каждого. Я, честно говоря, лишь в последнее время начал зашибать по-крупному, особенно всю эту неделю, ну, после разговора с Барковским. Нескладный вышел разговорчик с этим сукиным сыном.

— А что за разговорчик вышел? — вяло поинтересовался я.

— Сложная история. Ну да уж коли на то пошло, выложу тебе все по порядку. Чем-то ты мне симпатичен, хотя и не употребляешь. Только вот подсяду к тебе поближе, не возражаешь? Как говорится, и стены имеют уши... Теперь застынь. Поведаю все как на духу. Душа жаждет выговориться, может, и полегчает потом.

Так вот. Я с детства наделен талантом к иностранным языкам. По всем остальным предметам с троек на четверки перебивался, а как дойдет до английского или французского, учителя на меня не могли нарадоваться. Прирожденный полиглот, можешь не сомневаться. К десяти годам я одолел легко шесть языков, перед институтом знал уже около тридцати, не меньше. На руках меня все носили, перед симпозиумами международными как диковинку выставляли. А мне что? Мне язык выучить — раз плюнуть. Услышу пять-шесть фраз на любом наречии, и тут же у меня в голове, вот здесь, гляди, где шишка выступает, начинается слабое потрескивание, будто компьютер работает. Щелк, щелк — и уже усек новый язык, основу, конечно, а уж тонкости дело наживное... Ты, конечно, думаешь, заливаю тебе Илюша, байки рассказывает. По глазам вижу, не веришь. А ты проверь меня. Проверь! Раз допотопными народами и расами заведешь, стало быть, хоть один язык древний разумеешь. Вот и скажи слов двадцать-тридцать, на пробу, мы ж ничего не теряем.

Я улыбнулся и начал читать на эпическом санскрите любимый отрывок из „Махабхараты“:

... Ночь наступает,

Завтра тебе расскажу я

все по порядку, царевич.

Мир тебе, бодро вставай,

вспомни родителей, верный.

Ночь наступила

и скрылся Владыка света.

Выпадет ночная нежить,

страшная чарами злыми,

Слышно шуршание листьев,

звери в лесу шевелятся.

Завыли на юго-запад

ужасные злые шакалы,

Они своим воем

тяжко мне сердце тревожат...

Я прочитал главу из „Супружеской верности“ до конца и посмотрел на Жилевина испытующе. Он сидел с полужакрытыми глазами, будто задремал. А когда

ответил, я, признаться, поразился.

— Этот язык я не знал. Он есть глубокая древность, — отвечал он тоже на санскрите, притом, и это главное, на санскрите эпическом! Он делал ошибки в произношении, он не совсем правильно построил фразу, но чудо свершилось: он говорил на языке, который мало кто знает из людей планеты Земля.

Я бросил ему несколько фраз из „Гильгамеша“. И через несколько минут убедился: этот захмелевший человек способен был заговорить на языке древних шумеров!

Я не бог весть какой знаток языков. Но отрывки из древних документов, естественно, знаю наизусть, в конце концов, это моя профессия — знать историю лучше других. Я зачитывал ему допотопной давности тексты на буанском, кельтском, арамейском, гиндукушском, ольверском, татранском наречиях — и он, с честью выходил всякий раз из испытания. Наконец, уязвленный, я обратился к нему на столь древнем и сложном говоре, что он и для специалистов показался бы сущей абракадаброй. Этот текст я обнаружил при раскопках северного городища и сам, признаться, только-только начал его расшифровывать. Однако Жилевин и тут восторжествовал, довольно точно переводя текст, вплоть до последней, несколько загадочной, фразы: „Правильно ль ты поступаешь, светоносец премудрый, путешествуя по всей Галактике? Столпу разума, как ты, надлежит открывать миры внутри себя, а не искать себя в мирах“.

— Убедился? — печально спросил он. — Дар божий. Тут ни прибавишь, ни убавишь, как говорится. Да только из-за этого проклятого дара жизнь моя и покадилась кувырком... Еще аршин заглочу, — он ткнул пальцем в до краев полный стакан. — Не возражаешь, а? Ух, хорошо сверлит, проклятая...

Так вот. Учился я на третьем курсе. В мае, перед самыми каникулами, заявляется к нам Барковский, он еще не такой знаменитый был, хотя уж и сорвал в Венеции „Хрустальную звезду“. Заявляется он к нам и давай меня заманивать к себе. Выяснилось, что нужен я ему позарез. Он тогда снимать „Десант на Сатурн“ только-только начал, журналы, радио, телевидение на сей счет прямо захлебывались. Неужели не вспоминаешь? Странно... Суперколосс! Научная фантастика! Восемнадцать миллионов рубликов было на него отпущено, копейка в копейку. Одних статистов свыше шести тысяч! Актеры — из двадцати с чем-то стран. Барковский меня и звал на лето к себе, не хотелось ему возиться с целой бандой переводчиков. А я, дурак, клюнул на посулы, хотя, сказать по правде, платил он мне прилично, даже не стану говорить — сколько, все равно не поверишь. Да и белый свет повидал... Ты по заграницам тоже, небось, шастаешь, брат-археолог?

— Раньше приходилось чаще, чем теперь. Хотя скоро собираюсь в Париж, — сказал я.

— О-ля-ля, Париж! — всплеснул руками Жилевин. — Да я туда катался разок двадцать, не меньше. Но это уж потом, на следующее лето. А для начала мы с Барковским в Австралию слетали, там сняли кое-что, натуру, как говорится. Через неделю уже в Тибете очутились, храмы шелкали буддийские. А там Гонолулу. А там Южная Америка, Куско, империя древних инков. Барковский, он же дитя природы, весь опутан, как любовями, замыслами, ассоциациями. Сегодня подай ему Гренландию, завтра Японию, послезавтра... В общем, попался я в его сети, как золотая рыбка в сказке Пушкина. Заграница! Дорогие отели! Визиты! Коктейли! Интервью!.. Пришлось брать академический отпуск, настолько пристрастился к проклятому кино. Ну да ладно, всего не перескажешь, теперь подхожу к самому главному.

Слушай меня внимательно. Только поклянись, поклянись, что никогда никому ни слова, ни полслова! Клянешься? Ладно, я тебе и без клятв верю, чем-то ты мне симпатичен, хотя и не пьешь.

Снимали мы, стало быть, здесь недалеко, под Судак, километрах в десяти-двенадцати, в ущелье, возле моря. Заглавный снимали эпизод — высадку землян на Сатурн. Ну, что такое киноэкспедиция, ты наверняка знаешь, а если не знаешь, не беда. Представь себе

довольно широкое ущелье, речонка журчит, море прибоем играет. На холме треть планетолета выстроена, для съемки и трети достаточно, остальное — дело операторов. Возле берега растения чудные из полиэтилена понатыканы. Большую же часть ущелья занимают макеты убогих хижит сатурнианцев. По замыслу сценариста, земляне туда прилетают, а там вроде бы каменный век. Дикость, борьба с чудовищами, туземки в повязках набедренных, зритель такой антураж обожает до беспамятства, верно я говорю, а?.. Для вящей убедительности наши декораторы создали макет поселения дикарского по картинкам из „Истории Африки“ Гордона Уайлза, есть такой знаменитый на весь мир цветной атлас. Взяли и передрали один к одному хижины, костюмы, оружие племени нгала, что в Южной Африке обитает. Не удивляйся, кино — сплошная мистификация...

Как сейчас помню, не шел эпизод. За две ночи семнадцать дублей намотали, а Барковский все недоволен: и это ему не так, и то не так, он когда на съемочной площадке, то прямо как чокнутый. Все с ног валится от усталости, а ему хоть бы что. У меня от перенапряжения левый глаз дергаться начал, видно, подскочило давление.

Вечером перед третьей ночью решил я малость поспать. Договорился с Барковским, что меня разбудят ровно в полночь, когда уже и свет будет установлен, и грим наложат, — короче, к самому началу съемок. А спать я наловчился — отгадай, где? В жизни не отгадаешь. В астроотсеке нашего планетолета. Диваны там мягкие, как перина, приборов немислимых рой, ночью проснешься — луна за прозрачным колпаком, звезды огромные южные, будто в другой мир попал. Главное же, крики с площадки не слышны, хоть и здорово надрыдается Барковский, глотка у него прямо-таки луженая, а я сплю в спокойствии да тишине.

Я проснулся будто по наитию. Точно меня током дернуло или тварь какая укусила. По привычке посмотрел на часы — полдвенадцатого. Тут яркий сиреневый свет прокатился по колпаку астроотсека. Неужто, думаю, наши осветители решили меня разбудить таким макаром: они у нас любят повыпендриваться. Поднялся я с дивана, подхожу к колпаку — глазам своим не поверил. Висит над ущельем бандура, круглая, вроде медузы, метров двести в поперечнике, вся огнями испещрена разноцветными. Висит — и заливая ущелье сиреневым светом. Сознаюсь, я спросонья не сразу допетрил, что к чему, даже мыслишка мелькнула шальная. Неужто, думаю, сумел Барковский с кем надо договориться и такую штуковину для съемок заграбастать? И тут я похолодел. Было абсолютно тихо, я даже слышал тиканье своих часов. Вот от тишины-то у меня мороз по коже и прошел. Чтобы таких размеров аппаратик висел в небе без грохота и рокота — до этого твоя земная наука еще не доскакала, шалишь, брат-ученый. И другое меня поразило в самое сердце: свет тот дьявольский вообще не давал тени. Правда, пластмассовый колпак немного искажает перспективу, так что глаз мог и ошибиться. Открываю люк, высовываю до пояса наружу. Так и есть: парит в воздухе голубушка медуза, притом в абсолютной тишине, даже движок дизель-электростанции замолк. И, конечно, ни единой тени. Чего это глаза у тебя холодные, точно ледышки? Не веришь? Думаешь, рассказы, пьяный бред? Погоди, ты сейчас не такое услышишь, главное впереди...

Я внимательно изучал Жилевина. Руки у него исходили нервной дрожью, на лбу выступили бисеринки пота, а левый глаз начал заметно подергиваться.

— Да, главное впереди. Главное в том, что зря я высунулся по пояс из люка, зря. Они меня, видать, заметили, и сразу же острый желтоватый пучок света уперся туда, откуда я высунулся. Не спрашивай, как, но оказался я вытянутым из астроотсека, точно щупальца невидимые присосались, и прямо по воздуху — представляешь! — прямо по воздуху поплыл к медузе. Желтый луч всасывал меня в себя, как труба. Другой на моем месте тут же рехнулся бы, во всяком случае, сознание потерял наверняка, а мне хоть бы что. Какая-то холодная ясность была в мозгу, как при бессоннице. Веришь ли, я все замечал: и как ночные бабочки, залетев

в желтый луч, увязали в нем, словно в липовом меду, и как луч кончался на мне, а позади меня все удлинялись тьма, пустота, тишина... Но самое невероятное оказалось внизу, в ущелье. Знаешь, как в сказках злые волшебники погружают целые королевства в сон? Точь-в-точь такую картину я увидел под собой, пока плыл к медузе.

Внизу, как по мановению волшебной палочки, оцепенела вся наша киноэкспедиция. Оцепенели в самых невозможных позах главные герои: Бурвиль так и не допил свой любимый оранжад, Пол Ньюмен сидел с приподнятой шляпой, Ален Делон зашнуровывал скафандр. Катя Паскалева о чем-то шепталась с Джинной Лоллобриджидой, Банионис, Грегори Пек, Мастроянни и Автандил Лежава резались, как всегда, в преферанс. Дублеры, сотни статистов — все, буквально все замерли, как статуи. И не только люди. Приблудный пес Казбек, добродушный увалень величиной с телят, как перепрыгивал через речку, так и остался висеть в воздухе. Над кроной тутового дерева распластались две совы, будто наткнулись на невидимую преграду. Сиреневый свет накрыл все как колпаком... Смотри, у меня мурашки по коже пошли, жутко вспоминать, а тогда, можешь верить, бровью не повел. Погоди чуток, горло немного промочу, запершило опять...

Так вот. Подплываю к медузе, ближе к ее верхней части. Луч спокойно протаскивает меня сквозь стену. Верить ли, как сквозь ряску болотную. Р-раз! — и сомкнулась ряска, ничего вроде бы и не было, а на ощупь стена под стать броне, я успел рукой провести.

Очутился я внутри этой штуковины, гляжу, длинное помещение. То ли коридор, то ли черт знает что, запомнил только, как по стенам фиолетовым искры мельтешат. На себя поглядел: руки-ноги целы, слава богу, а сам я как бы внутри желтого воздушного шара. Оболочку видеть, а пальцем ткнешь — пусто, ничего... Такой, брат, фокус.

Тут возникают в конце коридора две фигуры. Приземистые, коротконогие, как таксы, ростом метра полтора от силы. И в плечах ровно столько же, хочешь верь, хочешь нет. Приблизились они ко мне, вижу, оба в скафандрах, лиц не видно, только щелочки для глаз. А на ногах какие-то колесики, вроде наших роликовых, я толком не рассмотрел. На колесиках этих они довольно ловко семенят, хотя для постороннего взгляда и непривычно.

Подкатили они, руками машут: изволь, мол, пожаловать вослед за нами. А мне что, мне терять нечего, одну надежду лелею: возможно, я все еще сплю и снится сон, я подчас и похлеще сны вижу.

Шел я с ними минут пятнадцать, не меньше. Опять сквозь стены проламывались, поскольку дверей там нет ни одной, на тележках тряслись, поднимались куда-то, опускались, даже голову во вниз шествовали — фантастика, да и только. И вот пока мы так пробрались внутри медузы, начал я прислушиваться к их разговору, и вдруг слышу у себя в голове, вот здесь, где шишка, слабое такое пощелкивание, потрескивание, Эге, думаю, заработал мой компьютер! Щелк-щелк, и — будто из пелены прорезался для меня их говор, чувствую, начинаю понимать, о чем толкуют мои „таксы“...

Ты, дружище, не поверишь, какие случаются подчас совпадения. Слушай меня внимательно и удивляйся. Оказывается сюда, на Землю, нагрянула киноэкспедиция с другой планеты! В прошлом веке ихние предки посетили дикий того самого племени нгала, что в Южной Африке, я тебе говорил. Вот они и вознамерились снять о том посещении грандиозный фильм, вроде нашего боевика. На натуре, как говорится. Однако, еще не долетев до Африки, заметили они весь наш реквизит в ущелье: и хижины заметили дикарские, и самих нгальцев, размалеванных, топориками бешено потрясающих, боевой отплясывающих танец.

Конечно, заинтересовались они, откуда в здешних краях нгальцы ни с того ни с сего объявились, если в прошлом веке обитали они в Африке? То ли сами добровольно переметнулись, то ли загнали их сюда лютые племенные враги? Одним словом, решили разузнать,

что к чему, опустили и усыпили всех туземцев на некоторое время. Они сначала всегда так поступают, прежде чем вступить в контакт с низко развитыми цивилизациями. Проверяют, нет ли у туземцев всякой там чесотки, трахомы, дизентерии — в общем, зловредных микробов. За детали ихнего разговора не ручаюсь, однако смысл уловил более-менее верно, ты уже убедился, как у меня по части древних и всяких языков обстоит...

Шли мы, значит, шли коридорами и, в конце концов, очутились перед стеной. Гладкая такая, вся зеленая, то ли пленка, то ли стена. И снова сквозь нее пролезли, как сквозь ряску болотную. А едва пролезли, я весь так и обомлел. В огромном сферическом зале побивалось „Такс“ видимо-невидимо, штук сто пятьдесят, если не больше. Скафандры у всех золотом отсвечивают, я даже зажмурился от нестерпимого блеска. Какие там устройства обалденные! Какие экраны! Глянешь — ужас и восторг в душе, не знаешь, в рай попал или в ад. По потолку фиговины всех цветов радуги ползают, одни на лягушек смахивают, другие на ежей, третьи на бабочек, четвертые вообще ни на что не похожи. Какие-то загогулины, посудины прозрачные с растениями внутри, если это, конечно, растения, в чем я крупно сомневаюсь. Начни я подробно описывать все тамошние чудеса, недели не хватит на описания. Да ты и не поверишь до конца, все ученые занудством страдают, сухари все до единого, верно я говорю, а?

Жилевин достал несвежий скомканный платок, высморкался, вздохнул и продолжал свою исповедь:

— Все „таксы“ сидели, вернее, полужелили в креслах, чем-то смахивающих на те, что у дантистов в кабинетах. А один стоял на возвышении. Я сразу признал в нем главного и окрестил про себя Капитаном. Капитан был раза в два выше и толще других, представь себе громалу ростом метра два с половиной и в плечах столько же. Пусты такого на хоккейное поле — да он один всю канадскую профессиональную лигу разматает, мокрого места от ихних драчунов не останется... Ладно, не буду отвлекаться.

Поворачивают они свои кресла в нашу сторону, а Капитан-верзила строго эдак спрашивает у моих проводников. Так, мол, и про этак, почему вышла наклад-ка, почему этот дикий неусыпленный вместе со всеми дикарями оказался? В общем, честит их в хвост и в гриву. „Таксы“ мои оправдываются как могут: никто, мол, не предполагал, что я в планетолете недостроенном на холме затаился, а когда заметили меня, перенастроить машину усыпительную было поздно, целиком была она задействована на нашу несчастную киноэкспедицию. Объявил он им по выговору в сердцах, а после и говорит:

„Ладно, — говорит, — нет худа без добра. Возьмите, — говорит, — туземца, уж коли он здесь, и исследуйте на предмет болезней, инфекций и всякой прочей нечисти. Усыпить, — говорит, — туземца в операционной, живот взрезать, печеньку-селезенку и прочую требуху доподлинно изучить, черепушку вскрыть, насчет мозга полюбопытствовать, а потом все снова собрать и память насчет событий нынешней ночи стереть“.

Во как распорядился, живодер инопланетный, я до сих пор, едва вспомню его рыло, весь прямо передергиваюсь... — При этих словах Жилевина и впрямь передернуло. — Вот она, вся наша наука! Лягушек скальпелями полосуете, собакам головы приживляете, свинок морских заражаете чумой. На благо, так сказать, прогресса. А тут я сам вроде свинки морской угодил в подопытные твари. Чтобы мне, Илюше Жилевину, распластали брюхо и черепушку сняли — нет, я еще за себя поборюсь, решил я втихомолку.

„Братцы, — взмолился я весь в слезах, — драгоценные братья по разуму! Помилосердствуйте! Не исследуйте меня, Христа ради! За что ж такое надругательство над неженатым еще человеком!“

Я, между прочим, кое-чему на съемках научился, азы актерского мастерства немного постиг, дело это нехитрое. Брякнулся я на колени, белугой реву, бью им поклоны до земли, рубаху на себе рву. И вдруг почувал неладное: смолкли промеж ними разговоры. Капитан в кресло опустился, а оба проводника мои

метров на двадцать от меня деру дали, как корова их языком слизнула. Гляжу, повертел Капитан на скафандре рычажок — и перенесся я в пузыре своем воздушном прямо к нему, на возвышение. Спрашивает он меня строго-настрого: откуда, мол, язык ихний мне знаком. А мне чего таиться, мне терять нечего, я и поведал все чистосердечно: так, мол, и так, врожденный дар к языкам... Скажу тебе прямо: не сразу они поверили, даже экзаменовали меня: принялись, как ты сегодня со своими царевичами, владыками света, ужасными злыми шакалами и прочей белибердой. Чем экзамен кончился, ты, конечно, догадываешься?

— Догадываюсь, — сказал я.

— Ну, рассказал я им подробнейшим образом про житей-бытие на матушке-Земле. Про нашу экспедицию все описал, загадку нгальцев объяснил. Однако и здесь дал промаху. Черт меня дернул сболтнуть, что по сценарию наши дикари и есть коренные обитатели Сатурна. Что тут началось среди них — ни в сказке сказать, ни пером описать. Шум, грохот, вопли, крики возмущения, „таксы“ из кресел повскакали, скафандрами грохочут, даже чем-то паленым запахло, как если бы проводка перегорела... Ты, дружище, не поверишь, какие случаются совпадения: Слушай меня внимательно и удивляйся: оказались мои „таксы“ — кем бы ты думал? — сатурнианцами. По глазам вижу, не веришь, а?

Желевин залпом опростал стакан и запил моим лимонадом.

— На Сатурне жизни нет, — сказал я твердо. — Там такие разреженные газы, что...

— А я тебе говорю: сатурнианцы, даже не спорь! — нервно крикнул Желевин так, что за столиком справа оглянулись. — Из-за них-то пошла моя жизнь кривь и вкось. Ты дальше слушай, самое главное опять впереди.

Кричат они, возмущаются, кое-кто даже грозит все ущелье в пух и в прах разворотить, с лица земли стереть друзей моих, товарищей за клевету на планету и всю их благородную цивилизацию. Еле-еле восстановил Капитан порядок.

„Погодите, — говорит, — высокоумные сатурнианцы, расправиться мы с туземцами всегда успеем, да только сперва поглядеть надо, чего они там уже наснимали“.

Тут я им и поясняю: не готов еще фильм, три эпизода не отсняты, трюки не смонтированы, звук не наложен, и все такое прочее.

„Ничего, посмотрим, что уже отснято“, — отвечает Капитан и допытывается: где коробки с отснятой пленкой.

„Где же им еще быть, — говорю я, — кроме сейфа Мишки Барковского, он с этим сейфом днюет и ночует. В палатке главного режиссера, — говорю, — отснятая пленка, под нами, внизу“. И тычу пальцем в пол. Чудно, но пол вдруг стал прозрачным как стекло, и опять увидел я под собою все наше сонное королевство.

„Покажи палатку“, — велит Капитан.

„Вон там, — говорю, — рядом с речушкой, возле обрыва, крыша драконами размалевана“.

Я еще и рта не закрыл, а уж лучик мой желтенький к палатке протянулся, заграбастал сейф и в медузу тем же макаром, что и меня, поволок, а в сейфе, между прочим, центнера два с гаком, не меньше, его обычно вчетвером на машину вваливают. Я оглянуться не успел — а уж стоит броневичок рядом со мною.

„Ключи, ключи, растапы, забыли!“ — опять тычу, я пальцем в пол, а пол на глазах мутнеет и стал как прежде.

Какие там ключи! Один из них по знаку Капитана к сейфу подсеменял и лапы внутрь сквозь стенки — нет, ты только представь: сквозь лобовую танковую броню! — просунул. Вытащил он все девять коробок с пленками и сразу с ними смотался из зала. Тут свет померк, и прямо над собою, словно в воздухе, я увидел, как вспыхнули кадры „Десанта на Сатурн“... И давай глазеть „таксы“ на нашу продукцию, все посмотрели, правда, время от времени гвалт поднимался невообразимый, это когда шли сцены на Сатурне, сам понимаешь. А когда прокрутили последний эпизод, там, где

Катя Паскалева с Мастроянни поцелуй играют, выдворили меня „таксы“ из помещения. Я так понял: теперь будет решаться наша судьба. Сажу в коридорчике среди огней, по стенам прыгающих, зуб на зуб не попадает, такой озноб охватил, все тело ходит ходуном, подошвы чечетку бьют.

Не помню, сколько пришлось ждать, наконец потащил меня пузырь воздушный обратно в зал. Там теперь было пусто, сидел на своем возвышении Капитан, а с ним пять-шесть „такс“, вот и вся компания. И возещают, стало быть, мне свою резолюцию. Во-первых, все сцены на Сатурне они постановили изъять и забрать себе, не знаю уж, для каких целей. Во-вторых, вместо забранной пленки вложили они в коробки несколько документальных видовых фильмов о всамделишной сатурнианской жизни. Это, значит, чтоб земляне, хоть они в полное доверие других миров еще не вошли, начинали помаленьку понимать, с какими не такими уж дикими цивилизациями доведется им встретиться. Понятно, в будущем, не сейчас. Чтоб психика землян настраивалась в нужную сторону. В-третьих... это меня касалось. Пересмотрели мое дело, пожалели потрошить, как лягушку, разжалобил я их, видно, мольбами. А под конец Капитан и говорит:

„Не будем мы, — говорит, — Илюша, мозг твой облучать, память об нынешнем нашем знакомстве стирать. Боимся, не рассчитаем чутко, заденем ненароком место, где дар твой бесценный затаен. Ты, — говорит, — Илюша, единственное разумное существо в нашей системе солнечной, а может, в целой Галактике, с таким даром к языкам. Ты, — говорит, — себя теперь береги. Как наши экспедиции станут впредь к вам прилетать, а они время от времени прилетают, будешь ты у нас вроде переводчика, толмача, если нужда, ясное дело, возникнет. Только уж, чур, давай договоримся по-джентльменски, — говорит Капитан. — Обо всем, что видел-слышал, никому ни гугу. Поклянись самой страшной клятвой, что тайну неукоснительно соблюдешь. А коли заикнешься кому, тогда на себя пеняй, больше ни на кого. Дара речи беспощадно лишим да вдобавок выведем из человеческого облика“.

Ты представляешь, дружище, так и пригрозил: мол, из облика человеческого безапелляционно выведем, каков фокусник, а?

„Быком, — говорит, — вмиг обернешься, либо козлом, либо собакой, либо еще кем придется. Нам, сатурнианцам, перелицевать твою обаятельную внешность — раз плюнуть“.

Почесал я затылок в раздумье и, сам понимаешь, поклялся. Куда деваться, на что хочешь пойдешь ради спасения собственного обличья... Пожалуй, я еще закурю, поднеси огонька, дружище. Классная, говорю, у тебя зажигалочка, знаток за такую сотню целковых отвалит, глазом не моргнет. Титановая, говоришь?

— Титановая, — подтвердил я, а Желевин, глубоко затянувшись сигаретой, продолжал:

— Остальное уже не так интересно. Улетели они в Африку, к настоящим нгальцам, фильм свой кропать, я даже название запомнил: „Высадка на Землю“. Если скажу, сколько у них на съемку всего фильма уходит, ты опять не поверишь. Одна-единственная ночь, понял? Сотни камер сразу задействованы, павильонов съемочных под сотню, не чета нашим киностудиям. Ничего не напишешь, далеконько шагнула техника ихняя, куда угнаться землянам...

Так вот. Отволол меня луч в астроотсек — батюшки-светы, каким же убогим он мне показался! Я как будто из Петродворца в барак съехал. Люк я для видимости, понятно, захлопнул, но к щелочке глазом прикипел, любопытство разбирает, как дальше все закончится с медузой. Замечаю, ослабевает сиреневый свет, ослабевает. И огоньки, что по медузе перемигивались, вроде бы потускнели, пока вовсе не пропал корабль сатурнианский, будто его и не было. Вдруг — как выключателем кто щелкнул — ожило наше заколдованное королевство. Движок дизеля заработал, свет везде вспыхнул! Барковский, как обычно, рупором размахивает, нгальцы в гнусной своей пляске трясутся, репетируют эпизод.

Выкарабкался я из планетолета, с холма единым

махом скovyрнулся, подбегаю к Барковскому — все честь по чести, все на своих местах, будто и не было ничего. Заглядываю тайком в палатку к Барковскому — сейф цел-целехонек.

Через несколько дней Барковский в Москву ненадолго смотался. И коробочки с пленкой — заметь! — с собою увез, наткнулся, видимо, на подарочек инопланетный. А когда возвратился из Москвы, объявил всем громогласно: я, мол, способ особый изобрел для съемок натуры на Сатурне, что-то вроде сверхблуждающей маски, поэтому хижины к черту размонтировать, статистов разогнать, экспедицию свернуть, остальное доснимем в Москве, в павильоне.

В общем, к маю „Десант на Сатурн“ был готов. Жаль, ты его проморгал, обязательно посмотри. Фильм шесть часов идет, а не оторвешься. Какой там Сатурн! Какие дворцы летающие! Какие подводные съемки! С чудовищами многоглавыми, с русалками, их на Сатурне тьматьмущая, со схватками хищников, каждый метров по сто пятьдесят. А города-какие! Дома наподобие деревьев из почвы вырастают, километров на десять в высоту! Сатурнианцы как стрекозы в небе порхают! Рай, да и только, разве что ангелов не хватает, а так условия просто райские.

К осени Барковский все главные премии у нас в стране уже сорвал: и в Ташкенте, и в Новосибирске, и в Кишиневе, и на Московском международном — везде. Послали „Десант“ в Канн — полный триумф! В Венецию — и тут Барковский всех обскакал, и Феллини, и Бюньозя, и Бергмана, будь покоен. Из Триеста привез в том же году „Бриллиантовый астероид“, с Филлипин — „Золотой лотос“. Как Барковского везде принимали! Какие речи говорили! Патриархом современного кино с чьей-то легкой руки начали величать, хотя какой он патриарх в свои сорок семь с хвостиком, верно говорю, а?

Я, понятное дело, везде с ним катался, везде порхал, и на меня отблеск его славы, как говорится, пал. Он на телевидении — и я на телевидении, он ручку жене президента целует, и я прикладываюсь, а как же иначе, личный переводчик, без меня ему шагу ступить некуда, он в иностранных языках был ни бум-бум... И вот наконец сваливаются на него все тринадцать „Оскаров“ разом — представляешь, что это такое?

Из актеров трое получили: Пол Ньюмен, Филипп Ноаре и Катя Паскалева, красивая такая болгарка, она еще в „Козьем роге“ прогремела, наверно, знаешь. Сценарист получил, оператор, художник-декоратор, художник по костюмам, даже звукорежиссеру не пожалели золотой статуэтки, никогда такого не было за всю историю кино...

И закатали же нам встречу на родной земле по возвращении из Голливуда — не буду описывать в подробностях, все равно не поверишь. Целых два года катались мы как сыр в масле. Буквально все — от кинопередвижки до академике — стелились перед Барковским. Герой! Член всех международных жюри! Президент Всемирной академии киноискусства! Жену с двумя детьми бросил, на французенке женился, это высший шик у наших киношников, да не только у киношников... Я тоже на свой институт рукой махнул, и без диплома не последний человек на Земле...

Когда главные пиршества отгремели, объявил Барковский о новой своей затее. Решил на сей раз в историю податься, соорудить очередной суперколосс. „Зеркало Атиллы“ называется. С фантастикой решил он пока повременить, хотя предложения были головокружительные. „Мне, — говорит, — нужно отдохнуть, в себя прийти после „Десанта“. Все с ним соглашались, конечно, но я-то понимаю, что к чему, однако держу язык за зубами... Смотри-ка, вторая бутылка ополовинилась, а ни в одном глазу. Это все обида меня грызет, не могу простить Мишке Барковскому подлых его художеств, оттого и не берет хмель.

Слушай меня внимательно. Теперь начинается самое печальное. Последние полмесяца мы с Барковским болтались здесь, в Судаке. Опять международный симпозиум. Опять Мишку до небес превозносили. Чего-то вручали, у него этих премий хоть пруд пруди. А в прошлую субботу зашли мы сюда, в этот кафе-

шантан, клюкнуть по маленькой, как говорится. Здесь уютно, народу днем почти нет, а главное, столы здесь из реквизита „Десанта на Сатурн“, видишь, какой они заковыристой формы.

— Их форма напоминает орбиту планеты с двумя солнцами, — сказал я.

— Наверно, так оно и есть, — согласился Жилевин. — Вам, ученым, виднее. Эти столы у нас стояли в какой-то компании планетолета. Уговорил нас тогда продать здешний директор, ужас как приглянулись ему эти столы... Ладно, не о том речь.

Сидим мы с Мишкой, потягиваем коньячок, и представь себе только, какую он речь заводит, мерзавец.

„Кончились, — говорит, — для тебя, Илюша, золотые деньки, отъездил ты со мною по заграницам. Я, — говорит, — теперь в иностранных языках и сам поднастроился, без тебя вполне обойдусь. А главное, — говорит, — неудобно мне стало с тобою, Илюша, в высшем свете фигурировать“.

„То есть как неудобно? — удивляюсь я прохвосту Мишке. — В пятидесяти двух странах вместе побывали, целый пуд соли съели, везде верою-правдою тебе, как собака, служил, и вдруг — бац! — неудобно“.

„А потому, — говорит, — неудобно, что супруга моя теперешняя Брижитт вида твоего не выносит. Ты, между прочим, на себя в зеркало лишний раз оглянись. Нос, как слива, глаза и впрямь собачьи, уши торчком, лысина до затылка, хоть у сапожника чисти“.

Ну и взяла ж меня тут злость, даже удущье охватило! Ах ты, думаю, лауреат фиговый, из-за смазливой бабенки предаешь друга своего закадычного, да что там друга! Слугу! Раба!

„Может, лысина у меня и до затылка, — спокойно так отвечаю, — зато совесть перед зрителями чиста. На хлебах ворованных не жирею, как некоторые другие гении-лауреаты-президенты-патриархи“.

„Какие такие ворованные хлеба инкриминируешь?! — шипит Барковский, а сам по сторонам оглядывается. — Ты, — говорит, — плешивый, ври-ври, да не завирайся“.

Дружище, можешь себе представить, он меня сам, самолично, обозвал плешивым! Молиться ему на темя это надо, а он...

Сжал кулаки я под столом, молчу, от обиды губу в кровь прикусил, а в мозгу будто дятел колошматит клювом: плешивый! плешивый! Я, понятно, не Марлон Брандо и не Ален Делон, но тоже кое-какое имею о своей особе представление. Без уважения к себе не то что человек, даже зверь жить не станет, верно я говорю, а?

„Ах ты, тварюга, — говорю, — Мишка! Ты мне ноги должен умыть за „Десант на Сатурн“, за то, что из семьи торговцев да барышников в люди выбился. Забыл, как за творческую несостоятельность хотели тебя с третьего курса вытурить, как папаня твой, директор комиссионки, мощной тряс, сына спасая. Как говорится, из грязи — да в князи прополз...“

В общем, помутился у меня разум, запомнил я клятву мою страшную инопланетянам, про все на свете забыл. И выложил Барковскому правду-матку насчет сатурнианцев. Все выложил, ничего не прибавил, пусть, думаю, хоть правдой подавится, шельмец.

И что ты думаешь, друг ты мой душевный? Он спокойно до конца все выслушал, даже бровью не повел, а после поднялся и говорит:

„Ты, — говорит, — спятил. Чокнулся натуральным образом. Все это глупость несусветная, бред больного воображения. Тебя, — говорит, — в сумасшедший дом поместить надо, причем пожизненно, и я, — говорит, — при желании позабочусь об этом. Впредь ты мне, — говорит, — хорека плешивый, даже на глаза не попадайся!“

И ушел, предатель, в тот же день упорхнул в Москву, а оттуда в свой Париж, к Брижитке размалеванной. Ну я и запил от обиды, стыда и огорчения...

Жилевин вытер платком слезы и горько вздохнул: — Взойдет же на ум такая ерундовина: уши, мол, и впрямь собачьи...

— Не стоит расстраиваться понапрасну, — сказал я. — К примеру, у древних иранцев собака была посвя-

щена верховному богу Ахурамазде и почиталась как священное животное.

— Спасибо, братец, утешил, — сверкнул глазами Жилевин. — Э-эх, пропади он пропадом в своем Париже. А ты, дружище, коли туда и впрямь собираешься, всенепременно полюбуйся на мерзкую харю Барковского. Не знаю, на кого похож я, а этот двурушник — вылитый шакал, ужасный и злой, тонко об этом сказано в древнем стихе, что ты читал.

— Обещаю тебе полюбуйся на шакала Барковского, — улыбнулся я, и в ответ получил жалкую его улыбку.

Я осмотрелся. Старичок, разгадывающий кроссворд, исчез. Влюбленные сидели к нам спиной, обнявшись, и смотрели на заходящее солнце. Буфетчица дремала у стойки. Больше в рестораничке не было ни души.

— Но хоть ты-то мне, дружище, веришь? — заискивающе спросил Жилевин и потянулся за очередной сигаретой.

— Верю тебе, — сказал я. — Верю, что именно так все и было. Как ты описал. Но одна деталь для меня не совсем ясна. Как ты решился нарушить клятву? Не боишься, что они исполнят свою угрозу?

Жилевин почесал возле уха и ответил:

— Честно говоря, побаиваюсь. Но уж коли грех на душу взял, никуда теперь не денешься. Я так рассудил. Даже если они за мной и следят, допустим, то все равно с Сатурна меня козлом не сделаешь, расстояния больно велики, миллионы километров. Надо сюда им опять добираться. А здесь меня на мякине не проведешь, стреляный воробей. Я теперь за город, или в рощу, или в парк ни за какие коврижки не подамся. Буду жить в самой гуще народа. Сам понимаешь: над Москвой или даже над Судаком медуза ихняя не станет торчать, не такие они дураки.

— Ты прав, — сказал я. — Всем инопланетным экспедициям наверняка запрещено демаскировать себя подобным образом. Однако существует другой путь. Они смогут зависнуть на орбите, а к тебе командировать специалиста по преобразению личности.

— Наивный ты человек, дружище, — широко улыбнулся Жилевин. — Допустим, пришлют они кого захотят. Теперь рассуди: неужто он может объявиться в людном месте? Я ж тебе говорил, они на такс похожи, уродливы до неимоверности, я по сравнению с ними красивей Жерара Филиппа. Да появившись такое чучело в золотом скафандре, допустим, на пляже, или в магазине, или еще где — ты представляешь, какое начнется столпотворение? А если все же ихнему преобразителю удастся, не приведи господи, меня схватить и силком потащить к медузе, живым ему, паскуде, не уйти, будь спокоен.

— Не заблуждайся относительно их уродства, — сказал я. — Скорее всего, ты имел дело с роботами. Истинный облик тех, кому ты давал клятву, тебе, может быть, вообще не знаком. Кроме того, никто им не мешает для командированного сюда специалиста изготовить скафандр, внешне абсолютно копирующий человека. Ты меня прости, я ученый, привык к логическому мышлению.

— Слаба твоя ученая логика, дружище, — отвечал не раздумывая Жилевин. — А машину для усыпления и переименования меня злодей за собою, что ли, поволокет? Машина эта в кубатуре больше нашего ресторана в пять раз, ученая твоя голова. Я ж видел эту машину на медузе.

— Техника совершенствуется не только на Земле, — сказал я своему удивительному собеседнику.

— Дай-ка мне еще прикурить, — попросил после некоторого раздумья Жилевин. — Гран мерси, как говорит эта перекрашенная выдра Брижитт... И все-таки классная у тебя зажигалочка. С ума можно сойти. Надо же: титановая...

— Ты прав, она титановая. Сконструирована на Титане, обитаемом спутнике Сатурна. А на самом Сатурне жизни нет, — сказал я и нажал четыре нужные кнопки на зажигалочке.

За мгновение до того, как Жилевин залаял.

Елена ГРУШКО

ЦВЕТИЦА

П о в е с т ь

Посвящается МАШЕ

Она горит, твоя звезда, природа,
А вместе с ней моя душа горит.

Н. Заболоцкий

Жила-была одна женщина, и не было у нее детей. А ей очень хотелось маленького ребеночка. Вот пошла она к колдунье и сказала:

— Мне бы очень хотелось, чтобы у меня была дочка. Не скажешь ли ты, где мне ее взять?

— Почему не сказать, — ответила колдунья, поднимая рассеянный взгляд от больничной карточки. — Почему не сказать? — повторила она, погружая взор в глаза Майи, и та подумала, что врач, конечно, поймет ее беду и поможет.

— Все проходит, — сказала колдунья как бы между прочим. — Ты об этом знаешь?

— Слышала, — коротко ответила Майя.

— Слышала? — Брови колдуньи приподнялись. — А ведь ты уже далеко не девочка. Прописные истины по-

ра поверять собственным опытом.

Майя только плечом повела.

— Да, да. Как это ни печально, ничто не вечно под луной.

Майя невольно глянула в окно, до половины прикрытое белым шелком шторок. Известно, что никогда закату не настичь рассвета. Но есть при угасании дня особая пора — встречи бледной, еще немощной луны и уже усталого солнца. Как раз настал этот миг, и Майя подумала: „Зачем вообще встреча, если она кончается разлукой?“

— ... мы все одинаковы, — встряхнул ее голос колдунья. — Это тоже истина, к которой рано или поздно приходит любая женщина. А потом, можно ведь зажмурить глаза и представить, что с тобой именно Он, а не просто какой-то мужчина.

— Сердце-то не зажмуришь, — хмуро ответила Майя. — Я никогда не выйду замуж, потому что не могу забыть Его. Объятия другого мне отвратительны.

— Не зарекайся.

— Это — истина для меня. Но выходит, что я зря обратилась к тебе? Ты не в силах мне помочь?

— Почему же? Вот тебе зерно. Это зерно не простое, не такое, какие растут на крестьянских полях и какими кормят кур. Посади это зернышко в цветочный горшок...

— Я правильно поступаю?

— Верю тебе!

— ... потом увидишь, что будет.

— Спасибо! — вскричала Майя, легко и радостно вставая, и выскользнула в коридор консультации, стиснув зернышко.

Душа ее сияла в этот миг. К тому же оказалось,

что на дворе весна. Проклонулась трава, первые одуванчики уже сигналили солнцу. Майя мигом сняла шубу и шапку — когда она шла к колдунье, дорогу заметал январь, — и ускорила шаг, надеясь добраться до дому прежде, чем станет невыносимо жарко в рейтузах и сапогах.

„Пожалуй, это конец апреля! — весело подумала она. — Или даже начало мая. Самое время сажать зерно!“

И она пошла еще проворнее, твердя про себя: „Время сеять и время убирать. Время сеять!“

Однако она не утерпела и позвонила из автомата подруге. Ту не зря звали Умной Эльзой — сразу начала мудрить:

— На твоём месте я не очень доверяла бы какой-то там колдунье. Хотя проверили, зерно всхожее? Или... Вообще ты представляешь, кто родится в цветке?! Дроймовочка! Это только звучит красиво. Дюйм — по-нашему два с половиной сантиметра. Представляешь — дочка?! Как ты ее покажешь людям? А вообще-то зачем тебе ребенок, с твоей зарплатой?!

Бросить трубку было нельзя — Эльза обиделась бы навеки. Майя еле дождалась, пока разумные доводы подруги иссякнут. Наконец она простилась с Эльзой и уж со всех ног бросилась домой, потому что зернышко в кулаке, казалось, шелестит и стрекочет от нетерпения прорастить.

Дома Майя посадила зернышко в цветочный горшок. Только она его посадила — семечко сразу дало росток, а из ростка вырос большой чудесный цветок, совсем как тюльпан, только не красный и не черный даже, а нежно-сиреневый, невиданного, тревожного оттенка. Но лепестки его были прочно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой прелестный цветок! — сказала Майя и поцеловала красивые лепестки.

И как только она поцеловала лепестки, там, внутри, в бутоне, что-то щелкнуло — и цветок раскрылся.

Собственно говоря, именно этот миг Майя пропустила. Вот уж, действительно, умудриться проворонить самое главное, сказала бы Умная Эльза. Но лишь коснулась Майя губами цветка, как за ее спиной резко шумнуло, будто яблоко упало в траву.

Какое яблоко, какая трава?! Привычка за спиной, ничего более. Привычка комната, привычка одиночества, привычка жизнь... Но эта комната вдруг наполнилась голосами. Кто-то смеялся и плакал, звонко распевал и скрипуче бранился, торжественно клялся и издевательски хихикал... Однако в том-то и дело, что голос был один. Это был, без сомнения, женский голос. Или детский. Ну, в крайнем случае, мужской. Но уж конечно — человеческий. А может быть, и нет.

Майя снова приблизила лицо к цветку. Но сердцевинки его — обычной сердцевинки с пестиком, тычинками и пушистой пылью — не увидела. Там что-то струилось и поблескивало, и все это было сиренево-серебристое, с опаловыми облаками. Мельканье все ублажало, оттенки веселились. Но это уже от усталости в глазах рябит, подумала Майя.

Между тем поблекла за окном улыбка заката, на землю обратила свой печальный взор луна. Майя с трудом оторвалась от созерцания удивительного цветка. Пора спать! Она побрела к постели, и одежда сыпалась с нее, будто переспелые яблоки с утомленной яблони. Простыни холодно мерцали. Майя зябко свернулась, стараясь не глядеть в сторону сиреневого сияния, прикрыла ладонями глаза, призывая к себе сон, и наконец то уснула, и всю ночь на нее смотрели лица то ли людей, то ли звезд, то ли трав, но были те травы высоки и заглядывали в комнату снисходительно, как звезды. Иногда Майя просыпалась и видела, что луна не отходит от ее окна и настойчиво смотрит в сонное лицо цветка, стоящего на подоконнике. Ночь бежала мимо дома, не сменяя трав. А на рассвете Майя услышала торопливо удаляющиеся от своего крыльца шаги, бег, скок и трепет листьев.

Ах, как чудесна была та беспокойная ночь! Но утро завистливо изгнало ее, и над землей задрожал зыбкий зимний рассвет. Да, опять пришла зима, от вчерашнего

апреля-мая не осталось и следов: все их замело. Сопки вдали, за рекой, были похожи на большие синие сугробы.

Майя, подняв от холода плечи, подошла к окну. Цветок поблек. Сейчас он напоминал озябшего котенка. Цветок и цветок, ничего особенного!

Раздался отдаленный рокот, засветилась молния. Среди зимы? Не к добру это. Быть беде!

У ворот, закачавшись, как от последней усталости, остановился автомобиль, и кто-то черный проскользнул в подъезд.

„Конечно, все это очень мило со стороны колдуньи, — сердито подумала Майя. — Ложь во спасение. Гомеопатия, траволечение — как это называется? Лучше бы мне сразу обратиться в Дом ребенка. Но мала у меня зарплата, могут не дать мне дитя на воспитание. Так и останется мое одиночество...“

Одиночество неслышно прильнуло к ней сзади, грустно дыша в затылок: „Привыкай, зная, судьба...“ Майя досадливо отстранилась и взяла телефонную трубку. „Позвонить колдунье. Нет ли еще какого средства? И Умной Эльзе. У этой везде блат. Может быть, и в Доме ребенка тоже?.. Я больше не могу, не могу, мне нужно любить и беречь, иначе сердце остынет во мне и я умру“.

Оказалось, зимняя молния накликала-таки неприятность: телефон не работал.

Майя заметалась по комнате. Воспоминания начали нанизываться, как петли на спицы, и вот уже протянулось целое полотнище... Ведь так уже было в ее жизни — не работал телефон. Тогда она ждала звонка и не могла понять, отчего его нет. От ожидания она обесилела, словно от потери крови. А потом оказалось, что звонили ей, звонили! Однако предатель телефон затаился и промолчал. А заговори он тогда, отзовись... Может быть, Любимый остался бы жив? Может быть, Майе удалось бы уговорить, умолить, уплатить его отказать от бредовой мысли — заглянуть в глаза Природе? Нет, Любимый не поговорил с ней и уехал без ее слез и благословений — так бессвязно далеко! Сколько писем улетело вслед легким клином сизокрылым! Ответа Майя так и не дождалась. Только тучам оставалось молиться; „Уходит облако — потемневшее, отяжелевшее. Оно словно бы впитало в себя мои слезы. Где устанет оно носить их над землей? Они прольются, люди скажут — дождь. Коснется ли хоть одна капля твоего усталого лица?“ Теперь-то она поняла, что когда человек пребывает долгое, долгое время лицом к лицу с Природой, в море ли, в тайге, среди полей или хребтов, — он уверен, что остается самим собой. Но это невозможно, нет, он уже не прежний! Он дышит воздухом Природы и думает ее думу, и эта дума начинает кружить ему голову, и он решает остаться с Природой навсегда — чтобы всегда присутствовать ей в глаза. А говорят — запутался в тайге, утонул, упал со скал... какая глупость! Он все там, самозабвенно рыщет среди деревьев, волн, камней, но не найти ему дороги назад, да и не ищет он ее...

И вот снова не работает телефон. Кто знает, что скрывает его молчание на этот раз? Нет, надо немедленно позвонить от соседей и вызвать мастера.

Майя вышла в подъезд. В стекло било холодное раскаленное солнце, черный силуэт маячил у двери напротив. Майя обогнула его, притронулась к кнопке звонка, но дверь не открывалась: очевидно, соседки-старушки не было дома.

— Нет ее, нет, — подтвердил мягким баритоном черный силуэт. — Я тоже ее жду. Вызвала телефон отремонтировать, а сама ушла. Забыла, вероятно.

— Вот повезло! — сказала Майя. — Может быть, вы заодно и ко мне зайдете? У меня тоже сломался телефон.

Солнце ушло из окна, и у силуэта образовалось лицо. Ох, задуматься бы Майе: что же это за человек, лицо которого видно лишь во мраке, а на свету оно пропадает? Но она отметила лишь, что это — красивое лицо.

Мастер что-то говорил, но его губы не шевелились. Казалось, рот его сжат навечно, и не только словом, но и поцелуем не разомкнуть его. Еще бы! Так он

скрывал, что вместо языка у него — змеиное жало. И Майя не увидела жала и впустила незнакомца к себе в дом. А то был Змей. Надо сказать, он действительно был славен своей красотой, и уж давно люди знали его силу. Сколько бедных женщин он погубил на своем веку, и даже Ева была не первой среди них. Искони предостерегают женщин от Змея: „Не любя полюбишь, не хваля похвалишь такого молодца; умеет оморочить он людей, душу красной девицы приветями; усладит он, губитель, речью лебединою молодую молодницу; заиграет он ненаглядную в горячих объятиях, растопит он, варвар, уста алые. От его поцелуев горит красна девица румяной зарей; от его приветом цветет она красным солнышком. Без Змея красна девица сидит во тоске, во кручине; без него не глядит она на белый свет, без него она сушит, сушит себя!“ Но Майя не знала этого, и теперь пришла ее очередь. Змей опасен, потому что он всегда является именно тем, кого хочет видеть женщина, будь то прекрасный юноша, или мудрец с яблоком познания в кармане, или телефонный мастер. Он почуял в Майе ожидание весны, а ведь именно в пору ожидания весны пробуждаются змеи...

Телефон, однако, он починил мгновенно, как будто вступил в сговор с медной проволокой. Майя благодарно улыбнулась Змею и тут же оцепенела под его взглядом. Слово за спасением, подошла она к окну. За стеклом клубился морозный туман, и дома напротив были похожи на затонувшие корабли. Головы прохожих плыли отдельно, а тела растворял туман.

— Как уныла, черно-бело-однообразна зимняя толпа. И только женские лица оживляют ее, словно розовые цветы болиголова. Не правда ли?

Над ухом Майи словно сквозняк просвистел. Она повернула голову, чтобы возразить: болиголов цветет белым, но тут Змей стиснул ее в объятиях и ужалил в рот. И сразу стемнело — ведь страсть всегда рыщет впотьмах.

Отравленная, Майя упала бы, но он держал ее не только руками, он окольцевал ее всем телом. Она задыхалась, но губы онемели от укусов Змея и не давали прорваться столам. Она сама себе показалась змейкой, которая линет, потому что одежда сползла с нее, как узорчатая кожа, и тело стало гибким, бесконечным, их языки свились, будто разогретые жаром ртов змеи, и ноги, и руки, и тела переплелись, и Майя перестала дышать...

Наконец она почувствовала свободу и смогла впустить воздух в омертвелую грудь. Змей уже стоял у двери, косясь на Майю золотистым глазом.

— Слышу, пришла твоя соседка. Надо оправдать вызов. А тебя я еще найду! — Он провел рукой по косяку и выскользнул из комнаты.

— Почему ты не дала мне спасти ее?

— Во-первых, я не сразу увидела железную булаву в косяке. А потом — от чего спасти?

— От этого ужаса.

— Это не ужас. Это жизнь. Иначе Майя умерла бы с тоски.

— Зачем тогда я?

— Ты еще скажешь свое слово. И очень скоро.

Майя сидела на полу, прижавшись спиной к батарее. Подкрался с улицы Поземщик, обнял ее колени, приник очами к очам, велел: „Стынь!“ Она покорно застыла, и с этим холодом не справиться было отопительной гармошке.

Сколько уж сидит Майя вот так, на полу? Заря не мигая смотрит в окно, но скоро солнце снова уйдет из города, да жаль, что не навсегда, а только на ночь. Уйти бы вослед за солнцем и луной! Холодно, холодно. А когда-то она засыпала, и Любимый убаюкивал ее, еле слышно целуя в голову. И не было тогда рядом, конечно, Поземщика, весь мир грел ее. Слово „тепло“ было равнозначно слову „любовь“.

Но что это? Отопления прибавили, что ли? Волны приятного жара поплыли по телу. Отпрянул от коленей Поземщик, испарился из комнаты. Можно расправить ооченевшее тело, открыть растаявшие глаза.

Все ласково и тепло кругом, но кто сделал это? В комнате пусто, темно... Нет, не темно. Льется с подо-

конника серебристо-сиреневый свет. А, цветок!..

— Ты снова раскрылся, цветок? Ну что же, сияй, если не умеешь ничего другого. Но... где же раньше было твое сияние, бездушное и бездумное создание? Тебя дали мне на утешение, на спасение моей охолодавшей души, но вспомни, как ты утешило меня? И глаз своих сиреневых ты не открыло, чтобы спасти меня, увидеть этот кошмар!

— Я видела. Глаза — они не все увидеть могут. Я видела — иначе, может быть, но ничего не скрылось от меня.

— Ох, видела она! Да чтоб тебе иссохнуть! Чтоб вверх корнями прорасти тебе, вонзился венчик в землю!.. О боже, что я говорю? Прямо шекспировская героиня. Да и цветок... Чревоушатель!

— Не обижай цветы убожеством подобных мыслей. Одумайся, взгляни: не зря мороз, волшебный живописец, рисует на стекле не очи жаркие людей, не лики скорбные животных, а мир цветов, диковинных, магических растений. Ну и звезды, ведь без звезд нельзя никак. Что? Призадумайся!

— Мороз рисует нам на стеклах только мир растений, потому что... Ох, привязался этот стиль! Да, так вот: что мы хотим увидеть, глядя на морозное стекло, то и видим.

— Быть может, это так. Но значит, что хотите видеть вы одни растения — цветы и травы?

На это ответить было нечего. Да и что мог ответить бедный, свернувшийся в клубочек от одиночества разум Майи? Хотелось только слушать и слушать этот голос. Голос? Слова? В них, казалось, поют все ветры мира, а разве ветры поют словами? Они непостижимы, как звездный свет, неуловимы, как волна.

— Кто ты? — спросила Майя.

Молчание.

— Не умолкай, не оставляй меня! — Она подошла к окну.

Играли звезды в середине цветка, будто пылинки в солнечном луче, складываясь в неведомые созвездия и снова распадаясь, взрываясь, превращаясь в смещение лиц, городов, крыльев, полей... Перед глазами Майи складывались странные картины: над одуванчиками таяло солнечное марево, птица заката роняла перья-облака, а сколько картин неопишуемых, чуждых уму, непредставимых — неземных, можно сказать!

— Вселенная — в горшке цветочном? Вот так диво!

— Нет, человек стоит лицом к лицу с собою — вот в чем диво.

Это было именно так. Смотреть в цветок и разговаривать с ним... Майе казалось, что ее душа имеет лицо и смотрит на нее же.

— Как тебя зовут, цветок?

— Что имя? Людям надо непременно заклеить названием явление, будто это вещь, что им принадлежит от века. Все, что существует, носит ваши клейма. Не проще ли ощущать и сострадать, не называя слова?

— Да. Но ты — цветок. Вселенная. Ты вихрь мете-лей междוזвездных. И вновь цветок. Не человек. Страдание неведомо тебе.

— Ох, ваши истины смешны — и так верны порою! Кто не живет — лишь тот и не страдает. Кто не страдал — тот не изведаль жизни.

— Страдала ты? Ты — женщина... цветка, звезды?.. Цветунья?

— Цвет... как меня ты называешь?

— Цветунья? Нет. Цветида? Нет... Цветица!

— Ты только что усмехалась над страстью людей всему давать названия. А теперь и у тебя есть имя. Ты не протестуешь?

— Но ведь так хотелось Майе.

— Ты будешь покорна всем ее желаниям? Всем?

— Что тебя волнует?

— Ну хорошо, не будем забегать вперед.

В саду облаков и звезд цвела планета. Люди ее и растения пели одну общую, ладную песнь до той поры, пока людям не показалось, что голос растений слишком звонок и вообще — они занимают чересчур много места. Люди попросили соседней потесниться. Странна была эта просьба. Ведь не зря говорят мудрые: украсить землю

цветами — все равно, что украсить ее любовью. Но как не ответить добром на доброе слово? Погоревали цветы, посоветовались со звездами — цветы и звезды прекрасно понимают друг друга, ведь они вечно глядят друг другу в очи, — и отправили многих детей своих в дальние дали, на попечение знакомых звезд. А на самой планете новых растений, молодых и сильных, становилось все меньше. Однако они по-прежнему нежно обращали взоры на людей.

Но людям этого показалось мало. Они перестали просить — они начали требовать все больше свободного места, чтобы украшать все новые и новые пустоши горами камней, морями вонючей жидкости и собственными отходами.

Цветы любили людей. Однако нельзя до бесконечности испытывать любовь.

И все же растения не озлобились — они затаились. Перестали приветствовать людей и отвечать им, даже сделали вид, что забыли их язык. Они много знали о планете и ее тайнах, но перестали верить эти тайны человеку. При всем своем терпеливом могуществе, они начали провидеть разрушительную опасность, исходящую от человека, который, вечное дитя, очаровывается поддельным больше, чем истинным, и дело рук своих тщится сравнить с изделием Природы, заранее готовый присудить победу себе.

... Летел, летел в небе, исчерченном созвездиями, удивительный живой корабль. Путь его был прекрасным и бесконечным. Но экипаж его в безумной самоуверенности начал постепенно разрушать свой корабль, систему его жизнеобеспечения, рассчитанную на длинный, длительный полет. Корабль заболел. А потом началось его медленное умирание. Однако он был еще жив и, выполняя извечную программу, продолжал оберегать своих обитателей — своих разрушителей. А они не сомневались, что по-прежнему властны над собой и кораблем. Однако странно, странно! Медленное убийство корабля стало их медленным самоубийством. Сначала погибла жалость; потом занедужила память о прошлом; угасла благодарность родному кораблю, столь долго и верно несшему их по вселенной; захворало преклонение перед Вечной Красотой; тяжело бредила ответственность перед грядущим; уродливо нарывала созидательная сила... Иные здоровые голоса были слишком слабы, бессильны перед общей тупой, надвигающейся, прогрессирующей болезнью. „Мы летим! Мы долетим!“ — еще мечтали в своем самодовольстве обезумевшие люди, но куда? как? Накормит ли их метеоритный рой, напоит лед абсолютного холода, согреют косматые солнца, утешит чернота межзвездных провалов? У вселенной времени сколько угодно, а у человека?

... По умирающей планете, населенной умирающими растениями, бродили умирающие люди, уверенные, что идут твердой поступью к счастью. Но только призраки памяти о прежней красоте и согласий витал над останками растений. Их становилось все меньше и меньше. И, наконец, последний цветок, умирая на обломках корабля, уничтоженного своим же экипажем, взяла погибающую планету под защиту. Он разметал семена свои в небе, потому что на земле уже не было для них места — взойти. Пыль семян смешалась с межзвездной пылью. И в иные ночи она достигала дальних миров, оставляя на них всходы странной, фантастической жизни. Каждое из семян — такое малое — унесло в себе родную планету — такую огромную — прежней: цветущей и живой. В каждом из тех семян — память о счастье дружбы людей и растений, горечь смертельной обиды — и вечное стремление простить эту обиду, возродившись в мирах иных, вновь оживив в себе свою планету — цветов и людей.

Цветица закончила свой рассказ. Закатный розовый туман, висевший за окном, сменился ночной тьмой. И засветила свои недолговечные огни маленькая вселенная города.

— Ты думаешь, Майя поняла, кто ты?

— Да, я верю.

— Уж слишком все это... непривычно нашему разуму.

4-8240

— Природа бесконечно изобретательна. Где объять это разуму человека. Иной раз вера нужнее понимания.

— Хорошо, тогда поясни мне...

— Тебе? Тебе, которая создала все это?!

— Да, да, мне, которая... И сама великая Природа не все понимает в созданиях своих. А я всего лишь... Ну, не о том речь. Неизвестно, есть ли на других планетах люди, но цветы есть. Они это заслужили! Но почему же ты носишь людей, тех, кто сгубил твою планету, в себе, как мать носит дитя во чреве своем? Почему не даешь им погибнуть? Разве мало тебе хранить поля, реки, леса и небеса далекой родины? Зачем тебе люди?

— Никто так, как человек, не умеет радоваться красоте цветка.

Прошло некоторое время, и вот однажды в автобусе, повернувшись, Майя увидела рядом колдунью.

— Ой, здравствуйте, дорогая колдунья! — вскричала она. — Я все хотела зайти к вам.

— Вас что-то беспокоит? — профессиональным голосом спросила колдунья.

— Нет, разве что невысказанная благодарность беспокоит меня! Я так счастлива благодаря Цветице... Целый мир теперь мое дитя.

Колдунья будто и не удивилась, только дрогнул в улыбке уголок рта.

— Да, я понимаю. Счастье... Давно не слышала я этого слова о настоящем. Все больше произносят его с глаголом „были“ или „будем“. Ну что же, я рада за тебя. Лови свои счастливые мгновения. Ты увидела ленту золотую в нечесаной косе сероволосых буден. Смотри же на нее и глаз не отводи.

Майя радостно и непонимающе рассмеялась.

— Ну вот и моя остановка. Но я не прощаюсь с тобой надолго, — сказала колдунья. — Имей в виду, завтра у меня прием с восьмью утра до двух. — И спорхнув на асфальт, она понеслась к избушке на курьих ножках с надписью „Поликлиника Центрального района“.

„Зачем мне на прием? Странно?..“

Однако вечером она уже знала, зачем ей завтра на прием к врачу.

Возвратившись с работы, Майя зашла в свой подъезд и сразу почувствовала запах... Наверное, где-то жарили лук на растительном сале. Жирные брызги этого запаха усеяли все вокруг, и даже пропитали солнечные лучи, бьющие в окно. И все отвращение, которое Майя когда-либо ощущала в жизни, тяжелым мячом подпрыгнуло к ее горлу. Она перестала слышать, видеть, она еще успела отпереть дверь, но обморока уже не помнила.

... По реке плыла лодка. На ее борту было написано „Катерина-одиночка“. Река светилась от солнца. Какие-то люди стояли на берегу, в густой тени, показывали на Майю пальцами и смеялись. Они отличались от нее только тем, что Майя плыла по широкой реке, а люди стояли на берегу, но не было более чуждых существ в мире! И Майя легла на дно лодки, чтобы эти люди не видели ее.

Это был бред.

Майя оказалась в своей комнате. В незапертую дверь вошли Чужие, стали мучить смехом. Чужие были все разноликие, разноглазые, но все они были на одно лицо, одинаковые, будто покрытые общей оболочкой. А Майя лежала перед ними — одна, особенная, другая — уже не меж деревянных бортов „Катерины-одиночки“, а меж ладоней Судьбы. Сначала они показались теплыми, а теперь медленно остывали.

„Если бы встать, закричать! Если бы помогли!..“

„Если“ стоял среди Чужих и равнодушно смеялся.

„Если“, помоги! Верни время назад! Избавь меня от этого!“

Великий волшебник по имени Если посещает каждого. Сколько он сулит соблазнов! Но это все обман, туман и морок. А время — самое непреклонное, что есть на свете, оно всегда уходит, несмотря на наши мольбы.

„Поземщик! Замети все мои следы и все дороги ко мне в памяти, мыслях и сердце, замети, Позем-“

щик!"

И послушно мело, мело — по оледенелому дворцу тайги, и сквозным коридорам рек, и пустынным залам полей... И над горным озером, которое, промерзнув до дна, лежало в отрогах Сихотэ-Алиня, будто чье-то вынутое и брошенное сердце, мело, мело.

И замело следы Майи, и Чужие заблудились в метели и ушли. Поземщик специально вздохнул и исчез. Его кто-то позвал издали, кто-то страстно мечтал задержать вылет самолета. Поземщик опоздал, самолет улетел. Но это тоже был бред.

Когда Майя очнулась, ночь наводила мосты на землю.

— Цветица! Ох, Цветица, что со мною?

Молчала радость, жившая в цветке.

— Мне худо, успокой меня, Цветица!

Вскипели ветры, звезды заискрились.

— Цветица, это все обман, не правда это! Скажи мне — светом, звуком или цветом! — что я ошиблась, не беда со мною!

Цветок молчал, но звезды все играли.

— Ох, уснула ты меня своею сказкой. Как я могла забыть, что Змей меня погнал! Мне лучше петлю было б свить, чем песни твои слушать, сладенькая лгунья! Нет, быть того не может!.. Избавиться от яда, что набух и мерзко созревает теперь во мне! Зеленоцветный, златоглазый яд — с руками и ногами? Или вечно он на брюхе будет ползать, рот сомкнувши, и лишь единожды его разверзнет, чтоб до смерти ужалить мать свою — меня?

Она уткнула в пол лицо и билась лбом о крашенные доски. И тут Цветица голос подала:

— Всегда в душе у вас, людей... у всех живых таятся в душах змеи. Бывает, ползают они, скрипят своею чешуею — так, что достигает этот скрежет пределов мироздания, которому не найдено пределов — быть может, потому, что не искал никто. Бывает, человек уже насквозь пропитан ядом. Яд в кончиках ногтей и на концах волос. Во взгляде и в походке. Даже платье не скрывает, что из пор не пот, а яд сочится. Вечно Змей над человеком власти ищет, но... не всегда находит. Скрутить в клубок упругий, придать под гнетом доброты тугую змейку злобы, ей зубы затупить, а яд отдать алхимику великому — душе своей бессмертной, чтобы свинцовое безумье злобы в златое милосердие обратить. Так поддержи, о Мать, свое дитя при входе в жизнь. Пусть ласкою, любовью и заботой с первых же часов благоуханья его во чреве, в этой маленькой вселенной, будет обезврежена невидимая змейка.

— Цветица! Мне — любить змеенка?!

— Ни одно дитя, хоть и чужое, хоть и чуждое, хоть с четырьмя руками, шерстью вместо кожи, родителей себе не выбирает. Откуда же у взрослых это право — решать вопрос о жизни или смерти? Вы, люди, — вы Судьбу свою способны хоть на йоту повернуть с ее дороги звездной? А дитя, которое от вас зависимо всецело? Твой вздох, глоток, слеза — его. Жжет его твоя печаль огня сильнее. Крепче яда травит ненависть твоя. Живой воды скорее исцеляет движение сердца: „Там, во мне, святое существо. А я — сосуд всего лишь, охранитель. Мне святость ту беречь, не расплескав ни капли и приумножив благодать, что детям всем даруется от века!"

— Цветица! Но за что в меня вонзился перст Судьбы?

— Чтоб из твоей невинности бессильной, которую разрезал нож распутства, взмошел иной цветок. Цвет беспокойства! Нет в покое света, звука, мысли. Покой и глух, и темен, и безжизнен. Лишь из раскола, муки, боли мысль восстает и чувство. Твое дитя пусть так восстанет в стремление вечном к счастью — не к покою! Узнать он обречен, что к достиженью путь — счастливей достиженья. Узнать — и научить других.

— Но он достигнет счастья?!

— Может быть. Но тут же и отринет его, чтобы не стало счастье надоевшим прошлым. Тускнеет исполнение желаний перед желанием самим. И только это импульс посылает движенью вечному вперед.

— Ох... бедное мое дитя!..

— Его уже ты любишь.

— Мы дышим в лад. И руки равно стынют, и ноги заплетаются, блуждая в болотах чужеродья. Но снова — вздох единый — и снова сердце бьется — одно на нас двоих — и мы идем вперед — одно стремление: вместе, разом — звук и отзвук.

— Ты все поймешь, я знала. Во вселенной мужчинам — биться. Женщинам — жалеть. Цветам — цвести. А детям — нарождаться.

Зеленый луч весны проник на землю и поджег ее. Воскурили туманы свои фимиамы солнцу. Сперва дерзкий подснежник выглянул. Потом, излечивая зимние хвори, давая прорваться застойной крови, Природа выпустила адонис и ветреницу. Наконец сиренью омылась душа, и земля превратилась в одно сплошное поющее горло.

Утром Майю, как всегда, поднял своим подлым звуком будильник. Затревожился сон и исчез. Бросив прощальный взгляд Цветице, Майя поспешила на работу. Она была машинисткой в НИИ Экологии. Но и грохот машинки не мешал ее мыслям возвращаться домой, снова и снова внимать Цветице, до бесконечности спрашивать, каким он будет, ее ребенок... У человека и растения два пути в этом мире, отвечала Цветица, прорасти или погибнуть, но как несведущему невозможно определить по виду семечка, что скрывается в нем, так и нрав новорожденного неопределим. Будет ли он красив, размышляла Майя. Некрасивых детей и цветов на свете нет, утешала Цветица. Будет ли умнее? Взрослые могут только случайно прозреть то, что понимают дети всем существом своим, уверяла Цветица, сияя, как звезда.

„Почему же ты, звезда моя, светила так отродно, когда рвали тело мое и пили душу? Ты знала, что когда-нибудь я, стыдясь себя самой, благословлю и тот день, и твой тихий свет?"

Майе казалось, что Цветица знает больше, чем говорит. Да что! Ей чудилось, что Цветица непонятным образом знает все не только о ребенке, не только о Майе, но даже и о печалих ее матери, и матери той, и той... до печалей Матери изначальной! И Майя смутно чувствовала, почему. В Цветице был воплощен некий общий разум, опыт всех людей и растений, живущих в ней. А Майя была лишь частью, даже частичкой, страдающей от одиночества. Одиночество людей! Майя верила — а стало быть, знала: люди, которых носит в себе Цветица, уже стали иными. Растение передало им свою созидательную силу, и родная планета живет в Цветице по законам добра и красоты. И только память о прежнем циркулирует между мозгом людей — землей — растениями — животными — вновь людьми, и никогда не прерывается этот круг, потому что непрерывны смерть и жизнь.

... Дверь отворилась. Майю позвали в соседний кабинет к телефону. Она шла очень прямо, втянув живот. Живота еще не было заметно, но грудо ощутимо налилась, и Майя чувствовала себя неловко.

Давно она не слышала голоса Умной Эльзы, не видела ее лица. Правда, ей показалось, что Умная Эльза мелькала в толпе Чужих, но ведь это был бред... И Майя обрадовалась подруге.

— Ну, как твоя Дюймовочка? — насмешливо спросила Эльза после многочисленных упреков, что Майя не звонит и не заходит. — Не она ли так отвлекла тебя? — Приходи, посмотри на нее, — загадочно ответила Майя, и что-то словно бы укололо ее: зачем?! — но Эльзе будто только того и надо было:

— Приди! Сегодня же, в шесть. У меня для тебя сюрприз.

Возвращаясь домой, Майя попала под внезапный дождь. Ничто не предвещало его в голубой пустыне неба. Первыми непогоду почуяли деревья. На березе посорились листья — страх перед внезапным дождем нарушил их согласие. И скоро с неба, вспоротого молнией, хлынул ливень.

Майя первым делом сменила мокрую одежду и только собиралась подойти к Цветице, повиниться пе-

ред ней, что позвала Эльзу, как сама Эльза вбежала с веселым смехом: черные волосы, подобно шлему, облегли ее небольшую головку, желто-зеленое платье шелестело. Она была похожа на хорошенькую, ласковую змейку — никогда Майя не видела ее такой.

Следом за Эльзой появился какой-то мужчина. Ни он, ни она не вымокли под дождем. Мужчина, войдя, бросил на Майю тревожный взор.

— Вот! — объявила Эльза. — Это Смок. Извини, дорогая, но он измучил меня требованиями привести к тебе. Я уж и отговаривала, и предостерегала... Ни в какую, а ведь ты знаешь, что я создана отговаривать и предостерегать. Но от него не отвяжешься. Всю душу высосал. На то он и Смок.

Майя смотрела на Смока. Он был светлоглазый, с чеканным профилем и слегка выщипанными светлыми волосами. Он победил под взглядом Майи, и у нее дрогнуло сердце. Это было похоже на столкновение звезд.

— Прекрасное... Почему оно потрясает?

— Ты сегодня очень взволнована.

— Да, трудно оставаться сдержанной, когда заранее знаешь исход — и ничего уже не в силах изменить... А сила прекрасного, наверное, в том, что оно редкостно, а значит, вне обыденности. Оно внезапно! И во встречах с людьми мы ищем того же, и летим на внезапный огонь, думая, что он маяк прекрасного, и чаще всего сжигаем свои крылья.

Смок оперся о косяк, не скрывая волнения. Наконец он заговорил — низким, приятным голосом: — Я принес вам цветы.

Удивительно — минуту назад Майя не видела в его руках букета.

— Они красивы, как вы! — торжественно произнес Смок, водружая чудесные, жаркие розы в вазу. Оказывается, там уже была вода.

Майе показалось странным, что он не отдал цветы ей, а сразу поставил, но тут Смок взглянул на нее — и она вздрогнула от радости, что он принес ей цветы. В его лице было неувольное сходство с тем, кого она потеряла навсегда. Первый мужчина, который напомнил ей Любимого! Глаза у Майи повлажнили.

— Красиво! — с завистью сказала Эльза, расправляя на столике кружевную салфетку. — Ставьте сюда, Смок.

— Нет, — покачал головой Смок. — Лучше сюда. — И он пристроил вазу на подоконник, на котором возвышался сиреневый цветок с плотно сжатыми лепестками.

— Взгляните! — воскликнула Эльза. — Рядом два извечно враждующих рода — роза и лилия.

— Это скорее Тюльпан, — пояснила Майя, которая никак не могла вспомнить, как называется этот цветок и вообще — откуда он у нее.

— Тюльпан — вернейший рыцарь лилии, — провозгласила Эльза, — а значит, роза ему враг.

Смок перевел на все взгляд.

— Да, — внезапно заспешила Эльза. — Извини, Майя, мне пора бежать. Я позвоню тебе, дорогая! Она схватила сумочку, выскользнула за дверь.

— Я страстно люблю тюльпаны, — сказал Смок. — У меня их целый сад. Но такого редкостного цветка я не встречал в жизни своей. — При этом он не сводил глаз с Майи, и она ощутила горячее желание подарить ему этот вовсе не нужный ей цветок такого тревожного, сиреневого оттенка.

Смок подошел к ней. Ощувив внезапный озноб, в замешательстве, Майя сняла с подоконника вазу и перенесла на стол:

— Там солнце опалит нежные лепестки ваших роз, да и здесь, по моему, они смотрятся лучше.

Даже если Смок был недоволен, на его чеканном лице ничего не отразилось. Он просто поставил вазу обратно.

— Я принес вам еще подарок. Вот он. Это древнее украшение.

— О!.. — Горло у Майи перехватило от восторга. Наверное, украшение было золотое, так мягко казалось его блеск. Широкий с черной браслет, от которого тянулись пять ажурных цепочек к пяти перстням —

для каждого пальца — в виде причудливо свившихся змеек и травинок. У всех змеек — крошечные красные камешки вместо глаз. А в браслет вправлен крупный, выпуклый камень тусклого желто-зеленого цвета со змеистыми прожилками. Тревожная, давящая красота была в этом украшении.

— Боже мой, что это за чудо! Какие же это камни?

— В перстнях драконит, в браслете серпентин, — пояснил Смок.

— Я и не слышала о таких, — простодушно сказала Майя.

— Может быть, вам по душе изумруд? — спросил Смок настороженно.

— Ну что вы, эти так прекрасны!

Тогда Смок надел чудесное украшение на руку Майе. Что было холоднее, объятие металла или его пальцев, она не смогла различить. Глаза его были холодны — цвета глубокого льда, но Майе вдруг захотелось, чтобы растаяли они. Если правду говорят, что любопытство, тоска и доверие — триада, которая рождает любовь, то любопытство и тоска снадали Майю. Доверия к Смоку она не ощущала, но... луч заката, что ли, воспламенил ее.

В полях травы к земле прилегли, будто усталые змеи. Серьги Майи прислонились к плечам Смока. Его руки легли на ее тело и...

— Ну, в этом никто не виноват: просто он сам поставил вазу со своей травой слишком близко к краю подоконника.

— Да? А не ты ли слегка подтолкнула его руку при этом?

— А, что скрывать! Такие мелочи я еще могу себе позволить, это не нарушает сюжета. Невозможно ведь равнодушно смотреть на все это.

— Белена и дурман едва не задушили меня. Да еще кругом это железо...

... вдруг с грохотом свалилась с подоконника ваза и разбилась на тысячу кусков. Стебли роз сломались, лепестки были разорваны осколками.

— Ой! — воскликнула Майя, вырываясь из объятий Смока. — Вот горе!

Она склонилась над розами. Но где же они? Где изящные стебли, надменные шипы, бархат лепестков? Острые узкие листья... грязно-желтые, с сетью фиолетовых прожилок и темным зевом, цветки... дурманящий запах... Во что превратились розы?

— Что это? — обернулась Майя к Смоку.

— Белена и дурман, — ответил он.

Он?..

Голос его из низкого, глуховатого стал мягким, вяжущим. Лицо исказилось, исчезла благородная четкость черт, кожа посмуглела, светлые глаза загорелись, даже волосы стали черными! Теперь то он меньше всего напоминал Любимого! Майя узнала ненавистно красивое, скользкое лицо Змея.

— Почему же он назывался таким именем?

— Слово „Смок“ на языках некоторых славянских народов означает „Змей“. А изумруд по древним поверьям — могучий талисман, один вид которого смертелен для ядовитых гадюк.

— Успокойся, — быстро сказал Змей, протягивая к Майе руку. — Успокойся. Я тебя не трону сейчас. Пришло время сказать тебе...

— Ни слова я с тобой не скажу! Вон отсюда! Вот уж воистину: лстец под словами — змей под цветами! — прервала его Майя, но по его лицу проползла улыбка:

— Пословица неплоха. Но вот послушай, какую я тебе расскажу сказку... Однажды некий князь поджег в лесу сухое дерево. А в нем жила змея. Увидел князь, что змея вот-вот погибнет, услышал ее мольбы, пожалел — и выхватил из огня. Змея обернулась женщиной столь дивной красоты, что князь и помыслить не мог ни о чем другом, как только взять ее в жены. Она согласилась — на том лишь условии, что он никогда, даже во гневе, не назовет ее змеей. Иначе...

Князь обещал все, что она хотела, женился на ней, и они жили счастливо. Но вот единожды, осердясь на своевольную, острую на язык жену, он злобно обругал ее: „Змея!“ И в тот же миг она исчезла. Князь все отдал бы, чтобы вернуть ее, да поздно! Так, в горе, дождал он

свой век, не зная, что...

— Что? — с невольным волнением спросила Майя.

— Что жена его родила сына, который обречен нести дар оборотня и предателя как проклятие. Этот сын — я.

— Ты!..

— Да. Но послушай еще сказку, — властно произнес Змей. — Ее рассказывают на далеких южных островах.

Жила когда-то женщина, у которой вместо сына родился Змей. Змей рос и рос. Своим родителям он был противен. Но все же они заботились о нем, ведь это был их ребенок. Когда он вырос, ему построили отдельную хижину. А потом родители решили его женить.

Долго они искали невесту. Наконец, после долгих трудов, нашли девушку, которая согласилась выйти за Змея. Родители предложили ей жить с ними, и только на ночь отправляться к Змею. Но девушка ответила, что раз она вышла замуж, то должна жить с мужем.

Однажды она пошла ловить рыбу. Змей сбросил шкуру и превратился в юного вождя. Когда жена вернулась, она не узнала своего мужа. А тот притворился, будто ищет человека-змея.

Прошло три дня. И женщина начала догадываться: незнакомец — ее муж.

На четвертый день она сказала, что опять пойдет ловить рыбу. А сама осталась дома, нашла змеиную кожу и сожгла ее. Вечером опять пришел юный вождь. Он спросил, где Змей.

— Он здесь, — ответила жена. — Он — это ты!

Все люди узнали об этом. Девушки, которые когда-то не хотели выйти замуж за Змея, горько пожалели!..

Последние слова Змей произнес как бы с ударением и выжидательно посмотрел на Майю.

— Ну и что? — угрюмо спросила она.

— Я прошу тебя стать моей женой, — вкрадчиво прошептал, будто просвистел, Змей.

— Боже сохрани! — со страхом вырвалось у Майи.

— Уж сколько ваших грехов принял на себя бог, а вы все просите его о чем-то!.. Но ты не спеши отказывать мне. Клянусь, жалеть тебе не придется. Мое племя могучее, а я в нем владыка. И в царстве растений... — он бросил косой взгляд на подоконник, где стоял серебристо-сиреневый цветок, и глаза Змея, огненные, колючие, казалось, застыли на миг, — живет моя могучая родня. Ты только послушай, как победно и величественно звенят их имена: Змейка, Змеиная Голубка, Ужевка, Драконова Кровь, Змеиный Язык, Змеевник, Змеевец, Змееголовник, Змеешушник... Их еще много, много. Даже в небе, куда ты столь часто обращаешь свои взоры, — снова косой взгляд в сторону подоконника, — даже там есть могучие братья мои: Змея, Скорпион, Змееносец... А сколько змеиных людей окружает тебя!

— Оставь уговоры!

— Согласись! Совсем скоро, 30 мая, на Исакия, ночь великой змеиной свадьбы. Змеиный праздник! Ежегодно венчался я в этот день с прекраснейшими из земных дев, но только тебя хочу взять в жены не на год — навеки. Вспомни сказку южных морей. Ты не пожалеешь. Другие будут завидовать тебе:

— Но ты мне тошен! Попроси Эльзу — она явно к тебе неравнодушна.

— Эльза! — отмахнулся Змей. — Эльза пуста, будто коробочка дурнишника, из которого ветром выдуло семени. А ты...

Майю словно ожгло, она крест-накрест обхватила руками живот.

— Нет, нет! — шепнула она.

— Да, да! — властно произнес Змей. — Там мое семя, а значит — мой плод.

— Нет, нет!..

— Ты умная женщина, — холодно вымолвил Змей. — Я скажу тебе, зачем мне ребенок. Когда я получу его... с меня спадет проклятие моей матери и всех тех, кто вступал в брак с людьми. Я перестану бояться за свою кожу: ведь если ее сжечь, я не стану человеком — я погибну! Лгут проклятые сказки, не лжет только древняя песня о Змее-женихе!

Глаза Майи блеснули, и Змей заметил это.

— Напрасно надеешься, — покачал он головой. —

Тебе никогда не найти моей кожи. Надежно хранит ее медяница. Да и подумай о ребенке!

— „Ребенку нужен отец“ — так, кажется, говорят в подобных случаях? — ехидно спросила Майя. — Или: „ребенку нужен змей“?

— Легче сосчитать опадающие сентябрьские листья, чем уговорить тебя, — произнес Змей со злой печалью. — Ты — слабая женщина, где тебе справиться с порождением Горечи и Мудрости. Оборотень в мире людей обречен на изгнание. Все вы хотите быть одинаковыми. А тот, кто рознится с вами и превосходит вас, ненавиден вам и гоним вами. И даже если он будет жизнь свою отдавать за вас, вы с благодарностью распнете его, чтобы потом молиться на него, украдкой радуясь, что он мертв.

— Нет, нет! — Майя зажала уши.

— Да! — Голос Змея проникал всюду. — И ему не найти счастья в вашей так называемой доброте. Доброта — жалость... Тому, кто жалеет — других или себя, — никогда не узнать, чью песню поет дерево на могиле, чьи проклятия и обеты звучат в раскатах грома, по кому проливает слезы дождь, кого разит своей беспощадной усмешкой солнце, кого благословляет закат и напутствует рассвет. А я воспитаю ребенка безжалостным и острым. Я воспитаю его душу сильной, стремительной и ядовитой.

Майя, защищаясь от силы его слов, подняла руки к лицу и... еще одно превращение! Не серпентин, драконит и золото, а грубое железо, позеленевшее и проржавевшее, облепляло ее запястья и пальцы! С криком сорвала Майя украшение, отшвырнула. Змей поразительно гибким, бескостным движением нагнулся, подхватил его, пряча, и только тут Майя внезапно вспомнила: „Вечно Змей над человеком власти ищет... но не всегда находит. Скрутить в клубок упругий, придавить тугую змейку злости, ей зубы затупить, а яд отдать алхимику великому — душе своей бессмертной, чтобы свинцовое безумье злобы в златое милосердие обратиться...“

Цветица! Как можно было забыть о ней!

Она метнулась к подоконнику, а Змей скрипнул зубами:

— Да, недаром предписано поверьями белену и дурман срывать лишь ночью! Дневные запахи быстротекучи и слабы. Вот и рассеялись их чары. Но в чем ты ищешь опоры? В хрупком цветке. Наивная! В тени одинокого облака от солнца не скроешься. Не защитит тебя цветок. Смотри — он молчит. Так подумай хорошенько — принимаешь мое предложение?

— Я от тебя не приняла бы и яду, если бы решилась отравиться: вдруг не подействует! — Майя обожгла рот злобой своих слов.

— Ну что же. Я уйду — пока. Я сомневался, что ты любишь этого ребенка. Теперь вижу — ты приняла его в душу свою. Это хорошо. Я сомневался, что ты во власти говорящего цветка. Напрасны были сомнения. Это плохо. Раз так... мне надо подумать. Прощай пока.

Скользкой походкой он направился к выходу. Мягко обернулся на пороге и непонятно произнес:

— А цветок молчит и будет теперь молчать всегда. Цветок — или ребенок? Что выбрать?

Змей исчез. Исчезли белена и дурман. Цветица молчала.

Майя звала — напрасно. Сбрызнула ее водой, отворила окно, молясь свежему ветру, — не помогло и это. И капли горячих слез не разомкнули лепестки.

В отчаянии Майя решила бежать за колдуньей, но оступилась в дверях, подвернула ногу, ухватилась за косяк, чтобы не упасть... и громко вскрикнула: в руку ей вонзилась толстая железная игла, почему-то торчащая в косяке!

От боли снова брызнули слезы. Майя выхватила иглу и вышвырнула в окошко. „Чья это подлая шутка!“

Ладонь ныла. Майя по-детски слизнула капельку крови — и мгновенно забыла о боли, увидев, что Цветица медленно раскрывает лепестки. И, как всегда при этом, Майя ощутила взмахи невидимых крыльев, замирающие вдали раскаты небесной музыки...

— Цветица!!! Что, скажи мне, что с тобою?

— Игла...

— Игла?
 — Игла меня околдовала, усыпила. Запах трав змеиных одурманил. Но я все знаю, что происходило.
 — Цветица! Страшно мне.
 — Ложись. Усни. Забудься. Утром все иначе будет. Майе казалось, что каждый волосок ее плачет от нервной усталости. Она крепко заперла двери и окна и легла, до последнего мига ловя светлый взор Цветицы.
 — Прости меня.
 — Ну что с тобой?
 — Не только Майя полюбила тебя. Я с каждым днем все больше привязываюсь к тебе, и мне горько от беды, на которую я тебя обрекла. А горше всего, что уже ничего не остановить.
 — Что же случится дальше?
 — Змей поставит Майе условие.
 — Какое?
 — Я не могу тебе сказать. Иначе мой замысел рухнет, действие сломается.

— Вот как?.. Ну что же, не мучай себя. Пока Майя не узнала главного условия Змея, давай и мы будем делать вид, что ничего нет страшного. Но расскажи, почему на меня так действуют эти уловки Змея: железо, иглы... это колдовство?

— Да, это колдовство. Ведь у нас, на Земле, в цветах тоже живут дикие существа: феи, эльфы... Как и ты, вырастают они из крохотного зернышка. Замки фей, сверкающие золотом, серебром и драгоценными камнями, кроются в темных чащах. Эльфы живут в цветах. Тем, кто спит среди цветов, навешивают они сладкие сны. На холмах, на лужайках при свете месяца танцуют эльфы. Утром, если присмотреться, можно увидеть на траве следы их ножек. Воздушные эльфы — друзья человека, но бедные, одурманенные Змеем люди верят, что эти дети Природы — их враги, как вообще все непонятное разуму человека.

— Скажи, почему именно в общении с травами, цветами, корнями растений человек особенно склоняется к суевериям и страхам?

— Он полагает суеверием и чудом все, что не умеется в крошечный кузовок его представлений и знаний! Вот и стережется от диаволиного. А знаешь ли, что самое надежное оружие против эльфов и фей — железо? При входе в жилище, где поселились они (как ты поселилась у Майи), надо воткнуть в косяк нож, булаву или иглу — и духи не тронут, не причинят вреда, дадут спокойно уйти.

— Да зачем беречься от чуда?!

— Чудо — дитя не ума, а чувства. Ум человека развивается, чувства его блекнут... Но тише! Ты слышишь? Они идут!

Птица Ночь медленно летела над Землей. Стояло полнолуние. Было так тихо, что можно было слышать, как растения пьют воду.

И в эту самую пору сквозь запертую дверь в комнату Майя неслышно вошли тени вешего сна. Майя заметалась в постели, но тени, став по обеим сторонам дивана, наложили свои бледные руки на ее разгоряченный лоб.

... Снилось Майе лето, цвела тем летом, казалось, только жара. Обмелевший Обимур готов был вот-вот истончиться и умереть.

Но Майе было не до реки — жара томила ее сильнее, чем реку. Раскинувшись лежала Майя среди увядших трав в непостижимо огромном поле, накрытом раскаленно-синим куполом небес. Ей было так больно, словно рожала она не крохотного ребенка, а целую планету, населенную горами, лесами, полями и многочисленными, враждующими друг с другом людьми.

Но вот наконец опал ее живот и дитя легло к ней на руки. Мгновенный теплый дождь ее слез омыл младенца. Он посмотрел на мать зелеными, как молодые листочки, глазами, засмеялся и вдруг быстро побежал по увядшей, растоптанной солнцем траве. Майя, полумертвая от счастья и усталости, приподнявшись на локте, смотрела ему вслепую. И вдруг длинное, скользкое, черно-желтое тело с плоской головой, увенчанной алмазным гребнем, возникло перед ребенком и метнуло в него раздвоенный язык. Дитя с жалобным стоном упало, а цветы, только что вяло лежавшие на земле, поднялись и алчно раскрыли свои лепестки.

Майя взметнулась, отбрасывая простыни, и тут же вновь рухнула на постель, чтобы опять испытать и жару, и блеск небес, и муку, и облегчение, и взгляд своего ребенка, и холодную внезапность змеиного появления... но цветы, которые только что радостно цвели, мгновенно упали, скорчились, закрыли змею дорогу к ребенку. Он бежал по умирающему полю...

— Что это? Я не понимаю! — простонала в забытии Майя..

— Это мое условие, — ответили тени сна голосом Змея.

— Нет...

— Если тебе дорого дитя, если хочешь видеть его живым, уничтожь звездоносный цветок!

Майя всхлипнула сквозь сон. Тени медленно отошли от ее постели.

Прилетели стаи звезд, посидели на небесных качелях, а наутро улетели в другие страны.

И вот пришло в жизнь Майи время выбора. Ну что же, человек обречен всегда жить с необходимостью какого-то выбора. Направо идти — богатому быть, налево идти — друга потерять, прямо идти... А между тем все в мире шло своим чередом. Солнце и Луна сменяли друг друга на небе с такой неумолимой точностью, как будто исполняли некий обет или подчинялись проклятию...

В один из дней, выйдя после торопливого обеда хоть немного подышать солнцем, прежде чем снова сесть за машинку, Майя увидела в сквере у крыльца своего НИИ незнакомую женщину. У нее были выцветшие волосы и светло-серые, будто разбавленные слезами, глаза. Лицо ее тоже было блеклым, даже платье — линялым, не новым, и при этом она была мила своей печальной простотой и невзрачностью.

— Вы — Майя? — сказала женщина. — Я к вам от Эльзы.

Уловив отвращение на лице Майи, незнакомка опечалилась.

— Пройдемся немного. Я вам все объясню.

Как-то очень быстро они вышли из сквера и оказались на набережной, за которой блестела серебряная чешуя большой реки. В этот день была чудесная, неумолимая жара, изредка прерываемая ветром. Облака — листья с небесного дерева — порхали над городом, но они слишком легки, не долететь им до земли, вечно носит их ветер...

На воде у берега качалась лодка — белая, как платье невесты.

— Какая красота! — невольно воскликнула Майя.

— Это моя лодка, — сказала женщина. — Хотите покатайтесь?

— Перерыв заканчивается, — объяснила Майя с невольным сожалением, представив, как вздернет лодка нос на крутой обимурской волне, а ветер заключит ее в свои объятия.

— Пустое! — пожалла женщина плечами, крепко беря ее за руку.

Майя не успела опомниться, как уже стояла в лодке, а так легко отплывала от берега.

— Ну ничего себе! — сказала она сердито. — Сейчас же гребите назад.

Женщина молча опустила глаза, и Майя увидела, что весел в лодке нет. Это была не моторка, а обычная плоскодонка, и она плыла без руля и без ветрил, волны влекли ее вперед, к зеленому облаку леса.

Глупо было бесноваться, и Майя сердито спросила:

— Как же вас зовут?

— Катериной, — покорно ответила женщина. — Ты не сердись ни на Эльзу, ни на меня. Она одурманена, а я... Поверь, сила, которая прикоснулась к тебе, которая нас влечет, неоценима, ей лучше покориться. Когда-то и я была молодой, как ты, только еще краше, и вот однажды ночью на исходе мая непонятный зов завлек меня в лес. Там встретила я своего суженого во всем великолепии его чудесной и чуждой власти. Там прошла наша свадебная ночь. Она была мне страшна и непонятна, но вскоре я почувствовала, что беременна. А мой недолгий муж сперва исчез, потом появился снова. И рассказал, кто он. — Она многозначительно посмотрела на Майю, но та прогнала страшную догадку

резким взмахом руки.

— От этой мысли трудно отвязаться, — вздохнула Катерина.

Чайки летали над ними и громко кричали, широко развевая клювы.

— Птицы просят хлеба, но лучше бы они исклевали печаль мою! — тоскливо сказала Катерина и продолжила рассказ: — Он потребовал у меня ребенка во имя искупления проклятия своего рода. Я отказала, неразумная. Не стану описывать тебе мир ужасов, которым он меня окружил. Слова — лживые тряпки в сравнении с действительностью. Притом для тебя он избрал другое испытание. Скажу лишь, что я скрылась от него в измученном летней жарой поле и там, под музыку цветов, родила ребенка с глазами зелеными, как молодые листочки. От его взгляда весь мир заговорил со мною. Мне показалось, что в этих словах — надежда на спасение. Однако жизнь только молча обещает, а если говорит, то одно лишь слово: „Никогда“. Пока я отдыхала, возник он, отец... Я обманчивым движением схватила ребенка, над которым он уже склонился, и бросилась бежать. Он скользил за мною, но я успела добежать до реки.

Путь назад был отрезан его многочисленной родней, и чудом показала мне одинокая лодка. Я вскочила в нее, радуясь спасению, и лишь когда она отошла от берега, обнаружила, что нет весел. Одной рукой я держала ребенка, другой пыталась грести. А он стоял на берегу и молча смотрел на меня. И вдруг ... его ли взгляд был тому причиной, мое ли неловкое движение... но лодка опрокинулась! Поверь, я долго плавала, ныряла, но не нашла моего ребенка.

Волна выбросила меня на берег, к его ногам. Он посмотрел на меня своими золотистыми глазами без злобы и горя и ушел, оставив меня вечно кататься на волнах, а по ночам дремать, уткнувшись в песок. А на прощанье... на прощанье он проговорил... слова его показались мне непонятными, но теперь я знаю их смысл: „Будет еще один. Последний. И уж тогда я не упущу свой шанс“.

Ты поняла? Он надеется теперь только на твоего ребенка. Это последняя удача для его, больше он не сможет иметь детей, и останется ему вечно ползать и вечно носить проклятие змеиного рода. Он готов на все, лишь бы заполучить ребенка. Ты выслушала меня... не противься ему. Ведь дитя твое останется с тобою — он только один раз коснется ребенка своим ядовитым языком, чтобы переложить на него родовое проклятие. Пусть дитя останется чужим — оно будет жить. Твоей одинокой душе не придется вечно носиться по волнам тоски. Все равно он своего добьется.

Все смерклось перед Майей, а лодка между тем мягко вышла на берег.

— Теперь иди, — устало сказала Катерина, махнув в сторону близко подступившего темного леса. — И помни мой рассказ.

Она облокотилась на борт, а Майя ступила на влажную кромку песка, переходящую в узкую полоску травы. По ней тянулись следы, но чьи — человечесь, птичьих, звериного ли когтя, — различить было невозможно.

— Не мешай! — подтолкнул ее голос.

Майя сделала несколько шагов и оглянулась.

— Иди же, иди!.. — реяло в воздухе, но белой и красивой, как платье невесты, лодки и бледной женщины в ней Майя не увидела. На волне печально покачивалась серая, выцветшая плоскодонка с облупленной надписью на борту: „Катерина-одиночка“.

Никто не нашел бы брода через ручьи и речки, которые пришлось перейти Майе, никто не нашел бы дороги в том бездорожье, какое являла собой ошетиленная темная тайга, но внезапно чья-то расступилась, будто по чьему-то грубому приказу, и перед Майей оказалась россыпь синих камней. Ни солнца, ни луны не было в небе, и чудилось, будто сами камни источают неяркий, холодноватый свет.

Зарокотал гром. „Чьи проклятия и обеты звучат в раскатах громах...“ — вспомнила Майя, и сквозь оцепенение неизбежности прорвался трепет мгновенного ужаса.

Две темные тучи, похожие цветом на лежащие перед

Майей камни, начали сходиться — сперва медленно, а потом с разгону ударились друг о друга, сотрясая мир грохотом и опуская дождевую мглу.

Лес зашумел, трава затрепетала. Майя стояла, не зная, куда идти, слыша, как из тьмы возникают голоса, протяжно что-то напевающие.

Наконец мгла рассеялась, и Майя увидела огромный колодец, из которого клубясь выползли змеи.

Множество змей! Майя сама не могла бы объяснить, почему не бежит прочь с криком. Словно бы кто-то нашептывал ей слова, приказывающие остаться на месте и не закрывать в страхе глаз. И она смотрела.

Среди цветов, подобных которым не встретить ни в поле, ни в чаще, вырезных, тонких, остролистных, узорчатых, цвета старой меди, монотонно звенящих, мерно поблескивающих, на поляне змеились голубоватые, зеленоватые, желтые, черные тела. Но странно — чем дольше смотрела на них Майя, тем отчетливее различала в этом серпантине человеческие фигуры... черты... Женщины, мужчины в самых причудливых одеяниях всех времен и народов, прекрасные и безобразные, старые и молодые. И только детей не было среди них, и в тонких, как ветви, змеенышах, шнырявших в траве, не могла различить Майя человеческих черт, словно дети змей, как и дети людей, еще не научились притворяться, лгать, изменять себе.

Странно! Многие лица были знакомы Майе. Где, когда она видела их? Да ведь это Чужие! Печать смутного, ядовитого сходства лежала на них. И вдруг — лицо Умной Эльзы! Она под... к Майе. Нет, невозможно подобрать слова для описания движений Эльзы, которая не могла подползти, потому что до пояса была человеком, но не могла и подойти, от пояса превратившись в змею. Лицо ее отливало то прежним румянцем, то тусклой зеленью.

— Майя! — радостно взвизгнула Эльза — Не удивляйся. Скоро и ты будешь такой. А без ног вообще-то куда удобнее. Чувствуешь себя такой стремительной! — И она завертелась в немыслимом танце. — Конечно, когда, уже совсем скоро, я вовсе превращусь в змеиху, мне будет еще легче двигаться. Но и сейчас я уже кое-что умею. Смотри! — Она неуловимым движением метнулась к Майе, но та успела отпрянуть. — Нет, я все-таки еще по-человечески неуклюжа, — в искреннем огорчении произнесла Эльза. — Иначе бы я коснулась тебя. Змея должна всегда наступить! А ты напрасно боишься. Я всегда хотела тебе только добра.

— Как же она могла?

— Ты же сама говорила, что вечно змей над человеком власти ищут. Он проскользнет в любую трещинку души. Это древняя и недобрая сила — судить о других по себе, считать свою мерку единственно правильной, тем самым оправдывая себя и в малых проступках, и в злостных.

— Но сегодня ты станешь нашей, — продолжала Эльза. — Не скрою, — перешла она на пронзительный шепот, — здесь многие завидуют тебе. Не слушай их лживых завываний. Зла тебе они не посмеют причинить.

Рядом с ними взвилась тонкая, длинная, желто-зеленая змея. Прекрасная собой женщина, высокая и тонкая, в переливчатом платье, приблизилась к Майе. Ее брови напоминали сомкнутые у переносицы луки, а длинные черные косы змеились до самых пят.

— О, Шемаханская царица! — склонилась перед нею Эльза.

Губы красавицы на миг приоткрылись, выпустив стремительную холодную улыбку, и снова сомкнулись.

— Дева, лучшая дева, звездочка-дева! — негромко произнесла она. — Сейчас мы тебя обрядим, невеста. Ты распусти свои волосы, мы заплетем их по-новому. Помоги ей, Эльза.

Холодные пальцы легли на волосы и на плечи Майи, поползли, повергая ее в оцепенение. Три молодые змеихи в кимоно, с булавами в причесах, держали перед ней огромное медное зеркало, и в нем Майя с ужасом разглядела свое бледное лицо, и гладко стиснутые, перевитые золотыми нитями, русые волосы, в которые была вплетена золотая змейка о двух головах, изогнутая, как полумесяц. Золотой венец с серпентином стиснул ее голову, а от обилия украшений стало тяже-

ло пальцам, ушам и плечам.

— Невеста ждет жениха! — провозгласила Эльза и шепнула по-свойски: — Дурочка, успокойся! Такая безуха бывает раз в жизни.

Длинный, толстый змей выполз на середину поляны. Высокий, крепкий человек в доспехах римского легионера, блестящих золотом, поднял большой, тяжелый лук. Он щелкнул пальцами, и сразу несколько змеенышей взвились из травы, визжа:

— Выбери меня, меня, меня!..

Легионер, показалось, был в нерешительности. Тут незаметным движением приблизилась к нему голубоватая жирная змеиха — напудренная дама в голубом кринолине — и что-то сунула в его толстую ладонь. Глянув искоса и довольно улыбнувшись, змей сунул дар за пазуху и, спросив: „Который из них твой сын?“ — благосклонным жестом подозвал самого неказистого змееныша. Остальные разочарованно зашипели и расползлись.

Змей натянул тетиву и послал тонкую стрелку-змееныша в небо. Стрела вонзилась в тучи, на миг высветив в них очертания высоких скал и глубоких пещер.

Словно что-то жаркое дыхание пронеслось по лесу, клоня вершины деревьев, сотрясая их корни. Распалась туча, оставив на небе только огненный знак молний, который, подобно карающему персту, вонзился в землю, в центр змеиного колодца.

Из зеленой травы поднялся столб синего пламени до самого неба. Золотящийся силуэт сначала смутно, потом все ярче проступал сквозь синий огонь, и наконец на притихшей поляне, среди Чужих, припавших к земле, словно травы, склоненные ветром, возник Огненный Змей. Лицо его светилось, будто полуденное солнце в разгар засухи, он был прекрасен, как пламя, но это опять был тот же самый темный, скользкий Змей, который ужалил Майю.

— Ну, здравствуй! — оживленно сказал Змей голосом телефонного мастера. — На, держи. — Он небрежно сунул Майе невесту откуда взявшийся букет: — Это былина. Полюнь. Вот образец последовательности, а? Она горькая всегда, неумолимо и беспощадно горькая. Своим постоянством она побеждает недругов. Этим она сродни змее, воплощению постоянной ядовитости. Ну что ты на меня так смотришь? — усмехнулся он, ловя оцепенелый взгляд Майи. — Удивлена моими словами? Я много знаю о травах. Это перед вами, людьми, лежит великая книга, в которой вы ничего не можете прочесть. Корни и змеи ближе к земле и друг к другу. Ведь и в вас слиты воедино созидание и разрушение, доброта и злоба. Так и мы с растениями сосуществуем рядом. Но слишком сильны они в борьбе за душу человека, а нам нужна она вся, без остатка. Цветы, травы... сколько мы ни запускали в их стан лазутчиков — цикуту, аконит, дурман, — ничто не поколебало их единства. Сплетение их корней теснее сплетения наших колец. Они вырвали у моего брата Змееносца победу. Теперь результат этой победы цветет у тебя на подоконике. — И ядовитый смехок Змея пошел кругами вокруг Майи. — Неужели ты думаешь, что я могу быть спокоен? Только красота спасет мир, вещают ваши мудрецы. Они правы, к несчастью. На Земле красота живет рядом с ложью и правдой, но вы не умеете брать у нее уроки. Вам достаточно сказать: „Ах, как прекрасно!“ — и отвернуться. Не то, не то... Красота отнимает дыхание и дарит слезу, вот в чем ее сила. Какое счастье для нас, что вы ничего не видите, не слышите, не понимаете! Красота могла бы перекрыть нам путь в ваши души, а вы не прибегаете к ее помощи. Зачем же нам, змеям, посредники между людьми и Природой, которые рано или поздно откроют вам глаза и научат вас разуму чувства? Существа, подобные твоему звездноносному цветку?

Змей умолк. Затая дыхание, словно околдованное, внимало ему собирающе.

— Теперь ты станешь моею. Тотчас после нашей свадьбы ты вернешься домой, и никто из людей не заметит, что вместо ног у тебя — тугой змеиный хвост. Ты придешь домой и переломишь стебель у Цветка.

Иначе... Ты видела Катерину-одиночку. Какая удача, что мне удалось заманить тебя на эту поляну, в эту ночь. Теперь ребенок будет моим всецело.

И, махнув ослепительно сверкающей рукой, он приказал:

— Начинайте обряд венчания!

Чужие с шепотом и шелестом отпрянули на край поляны. Над змеиным колодцем возникла огромная медная чаша. К ней приблизилась Шемаханская царица и спросила, обводя взглядом сородичей:

— Пришла ли полночь?

— Полночь пришла... — пронеслось над поляной.

— Увяли травы с именами, что горчат на губах?

— Увяли... увяли... горечавка... могильник... беле-на... кровохлебка... осока... мать-и-мачеха... черныбыль-ник... спорыш... — зашелестело кругом, и Эльза, совершив круг вокруг поляны, собрала у змеих в золоченое решето увядшие, поникшие травы и с поклоном приблизилась к Шемаханской царице. Та по одной выбрала травинки, побросала их в чашу, накрыла сверху решетом и протянула к Змею руку. Он тоже протянул ей руку, и крошечная золотистая гадючка пробежала от Змея к Шемаханской царице, скользнула по складкам ее платья, коснулась травы и подожгла ее под медной чашей.

— Я больше не могу этого видеть.

— Да. Но уже недолго...

— И что? Она примет змеиный облик? Потом подойдет ко мне как друг и сломает меня?

— ...

— Ты жестока!

— Я?!

— Но ведь это все твоё колдовство!

— Куда же деваться, если такова правда?

— Поднялся ли пар над нашим зельем? — спросила Шемаханская царица, и головы змей потянулись к медной чаше над огнем:

— О зелье... зелье для невесты...

— Нет. Я не хочу. Я не допущу, чтобы Майя была отягощена предательством.

— Но ведь она совершит его ради ребенка!

— Ну что же... Я была первой, кто научил ее любви к этому ребенку. Значит, будет вполне естественно, если я сама прерву свою жизнь ради него. Как друг ради своего друга. Как Природа ради человека, которому она извечно жертвует.

— А теперь подайте мне базилик! — приказала Шемаханская царица, и зеленая рука тотчас протянула ей пучок травы, слегка пахнувшей гвоздикой. Чужие испуганно отшатнулись от чаши с зельем.

— Губить самой целую планету ради...

— Это кажется тебе неразумным?

— Да. Нет. Не знаю.

— Известные вам законы благоразумия ничтожны в сравнении с тем, чего вы не знаете. Не спокойное мудрствование оттачивает разум, а возвышенные тревоги, величавые страдания и благородные радости. Неужели ты думаешь, что спасение жизни и души ребенка даже ценой моей жизни неразумно? Ведь как раз в этом загадка вечного сияния небес: на смену одной звезде приходит другая.

— Но послушай... Сейчас Майя будет обвенчана со Змеем. И ребенок ее останется жив.

— Жив... Но проклят?

— Да...

— Значит, и тебе придется сделать что-то такое, чтобы моя жертва не была напрасной.

— Что ты задумала?

— Переломи мой стебель.

— Я?!

— Ты не хочешь вмешиваться? Предпочитаешь, чтобы я погибла от рук Майи? А потом ты будешь наблюдать за гибелью ее и ребенка? И на этом закончит-ся твоё колдовство?

— Я не знала, я не думала, что ты можешь решить-ся...

— Посмотри! Сейчас ее окропят чародейным зельем — и все, будет поздно!

— Погрузим базилик в землю и совершим обряд!

— О зелье, зелье для невесты!

— Не могу!

— Я на прощанье дам тебе надежду. Ты тени птиц убитых стереги сегодня ночью... Все, базилик над Майей занесен. Еще мгновение — и страшное свершится. Прощу, молю тебя, спаси ее!

— Ну так прощай!

— Звезда Денёб — запомни это имя...

Базилик, роняющий тяжелые капли зелья, выпал из рук Шемаханской царицы, и словно бы тяжесть упала с плеч Майи. Золотой Змей, стоявший рядом, отшатнулся. Его ослепительное лицо увяло, стало серым. Злобное изумление отразилось на нем.

— Опять! — взвизгнул он. — Опять цветок спасает человека! Опять я обезоружен его добротой!

И под разочарованный грохот грома мгла легла на поляну, и в ней растворились змеи, змеихи, змееныши, змеиный колодец, змеиные цветы и сам Змей Огненный.

Майя слепо побрела вперед, натываясь на кусты. Буквально через несколько мгновений она почувствовала перед собой холодную стену. Постаралась взять себя в руки, напрягла зрение и увидела, что стоит, прижавшись всем телом к фасаду своего НИИ Экологии.

Деревянными ногами она прошла через сквер, откуда ее совсем недавно увела Катерина-одиночка, воткнулась в автобус. Дорога миновала, как один миг. Майя словно бы спала на ходу, просыпаясь, чтобы где нужно — повернуть, спуститься по лестнице, войти во двор... Окна ее квартиры ослепли от света заката, и Цветицы не было видно. Майя оглянулась. Казалось, где-то далеко-далеко, уже за горизонтом, цветет огромное поле клевера...

— Как снисходительна, легка и милосердна улыбка заката! А он уходит и безвозвратно уносит с собой день жизни. Нет ничего более жестокого, чем та ласковая улыбка.

Майя вошла к себе. Цветица лежала на подоконнике. Она была как будто прежней — и в то же время другой. Так похожи и отличны друг от друга цветок — и его подобие, распластанное „на память“ между страницами книги.

Теперь Майе стали понятны последние слова Змея.

Она опустилась на колени и склонила голову на подоконник, рядом с Цветицей. Что настало потом? Забыть, бред? Но в стекло настойчиво, словно порывы ветра, бились какие-то серые плоские тени.

Распахнулась, ударила о косяк дверь. Влетела, грохоча каблучками, колдунья. Ее синее платье взлетало над коленями. Словно не видя Майи, бросилась она к окну и растворила его. Серые тени задели поникшие плечи Майи. Колдунья осторожно подняла с подоконника Цветицу, и серые крылья приняли ее. Медленно потянулись тени к быстро темнеющему небу, к далекой, ясной, печальной звезде, похожей на крик птицы.

— Кто это? — с трудом поднялась Майя с колен. — Кто они?

— Тени убитых птиц. Они унесут Цветицу туда... может быть, там она... — Голос колдуньи прервался.

— Звезда, какая это звезда? — отчаянно спросила Майя, как о чем-то жизненно важном.

— Денёб! — донеслось из-за двери, со двора, с дальней улицы, из ночи и темноты.

И тут сон пожалел Майю и вычеркнул ее из жизни. Спи, тоска! Спи, горе! Спи, мечта! До утра, спокойной вам ночи!

Майя проснулась от унылой мелодии. „То ли птица плачет, то ли душа моя меня не отыщет никак?“ — подумала она сквозь дрему. А душа ее всю ночь металась между звездами, тцась настичь тени птиц, унесших Цветицу, но далеко улетели они, далеко был таинственный Денёб...

За окном был сад теней. Только ветер утешал опавшие, примороженные листья. Сухие будылья торчали из сугробов, как тела растений, казненных Зимой. Деревья впади в спячку. Ветер пытался разбудить их, затеяв перестук ветвей. Деревья недовольно отмахивались сквозь тяжелый сон, прервать который было невозможно.

Майя вышла в зиму. Неужели у реки теперь всегда будет это рябое, старое лицо?.. Степенно подошла во-

рона, оставляя на снегу вязь крестов, вспорхнула на ветку вровень с Майей и внимательно заглянула ей в глаза.

Майя стремительно пошла прочь. Ей казалось, что глаза ее поседелели.

А надо было жить. Днём она заглушала мысли грохотом машинки, а утром и вечером, когда волей-неволей приходилось в толпе добираться на работу или домой, думала: „Люди словно бы и не видят зимы. Иногда чудится, будто всем вокруг хорошо, и спокойно, и счастливо, и только твоя одинокая душа то устало бродит, то неистово рыщет, то бестолково мечется по миру. Чего она жаждет? Кто утолит ее печали?“ Теперь во всех встречах она ловила приметы Чужих и порою находила. Даже удивительно: много было их, слишком много, и неужели так будет всегда?

Нет, Майя боялась заглядывать в будущее. Сама себе казалась она недописанной строкой. Следующее слово было неизвестно, впереди лежал белый, как зима, как неопределенность, лист бумаги, ее жизненного пути, над которым мучительно замер сочинитель...

Дни текли, как лунный свет сквозь листья. Снег смело ветром, и планета была пуста, гола, только ковыли вмерзали в пространство. Стало совсем худо, ведь, когда лежал снег, оставалась надежда на дерзость подснежников. А что пробьется сквозь эту стелющую корку, в которой была заключена земля? Летние, отягченные дождями облака блуждали по небу в полном недоумении: их приношения были никому не нужны.

Майя чувствовала себя чем-то вроде этого облака. Ее жизнь была так же никому не нужна теперь. Разве только ребенку, но он лежал на своем месте тихо, словно затаившись или чего-то боясь. И Майя опять начала страшиться его появления на свет.

Через несколько вечеров телефон Майи зазвонил. Она сначала даже не поняла, в чем дело. Отвыкла от его живого голоса!

— Алло?

Странно. Трубка снята, а телефон звонит по-прежнему требовательно, даже назойливо.

Майя постучала по рычажку, положила, потом снова подняла трубку, потрясла аппарат — звенит! Ну что ты будешь делать?

— Ну, я слушаю, слушаю! — крикнула она трубке сердито. — Я здесь! Говорите!

Звонки мгновенно прекратились, но еще отдавались в ушах Майи, и поэтому она не сразу различила голос:

— Ужасно рад, что ты готова меня выслушать спокойно.

Майя застыла, прижав трубку к виску. Снова начался змеиный кошмар! Избавиться от него можно было только одним путем — и она с размаху швырнула трубку. Телефон обиженно взвизгнул, а по комнате прокатился рокошущий смехок:

— О-хо-хо-хо! Да оглянись же!

Оглянулась... Высокий и тонкий черный силуэт прислонился к притолоке.

Майя невольно зажмурилась, вспомнив, как ослепляло ее обличье Змея Огненного, и этот, черный, опять захохотал:

— Полно тебе! Давай поговорим.

Майя по привычке, в поисках защиты, бросила взгляд на подоконник. Змей издал не то короткое шипение, не то ядовитую усмешку, но тотчас же его лик принял темное, почти скорбное выражение:

— Вот-вот!.. Об этом я и хотел с тобой поговорить, моя дорогая. Моя дорогая!.. Ну уж коль ты равнодушна к моим мольбам, не слышишь призывов благоразумия... нельзя же быть такой жестокой к другим людям, ко всем живым существам! Посмотри только, что ты устроила.

— Я? — слабо попыталась удивиться Майя, сразу поняв, о чем ведёт речь Змей. — Но ведь не я же!

— Не ты?! — возмущился он. — Эта твоя... как ее там... — Опять короткое шипение прорвалось из его горла. — Она покончила с собой из-за тебя. Вот и получается: ты во всем виновата.

И впрямь, обреченно подумала Майя и опустила голову. Цветица погибла из-за нее? Да. Вся Краса Земли в трауре из-за этого. Только люди не понимают, думают,

опять чья-то прихоть перетасовала времена года. Дети Природы, однако, были более сведущи, и Майя ловила неприязнь даже во взгляде соседской кошки. Что кош-ка! Чудилось, и звезды отвратили от нее свои милосерд-ные очи. Да и сама она могла смотреть на себя только с ненавистью, понимая, что тот, из-за кого погибло жи-вое существо, достоин казни сам.

— А что? И очень даже запросто тебя могут предать смерти! — сочувственно покивал Змей. — Вообрази, что будет, если об истории с цветком-вселенной станет известно не только кошкам и звездам, но и людям!

В мысли он ее вполз, что ли? Однако поползнове-ния его вполне понятны. Хоть слова „змеи“ и „шантаж“ странно смотрятся рядом, однако что же это, если не прямой шантаж?

Змей нахмурился. Будь у него сейчас хвост, он бы яростно бил им по полу! Но Майя смотрела на него без страха. Прошел первый шок неожиданности, что мог сделать ей Змей теперь, после того, как Цветица по-жертвовала собой? Что может быть сильнее этого стра-ха и горя? Разве что горе земли. О, если бы можно было воскресить бывшее! Деревья — небожители земные; тра-вы, цветы, простые на вид, но не зря уверяют мудрецы, что Природа равную силу прилагает, поднимает ли бурю на море, изукрашивает ли ваши лепестки, — все это принесено в жертву Майе. Не велика ли цена? И не пора ли теперь ей уплатить долг?

Змей так и взвился от нетерпения. Конечно, ему ведь только этого и надо.

— Ну и что? — попытался он прикрыть свой восторг обидою. — Каждый имеет свой расчет. Мне нужно дать благословение ребенку — тебе нужно, вернее, ты должна вернуть живое на землю. По-моему, равный обмен. И вообще, не пойму, чего ты так переживаешь? Не хочешь видеть меня, не хочешь жить среди нас — останешься в этой камерке с малышом. Твое дело, пожалуйста, изоб-ражай мать-одиночку. Другой разговор, что с моим отпрыском хлопот будет много... Но, на худой конец, ты всегда сможешь сплавить его мне. Отец я или нет?

Майя слегка усмехнулась. Всегда, встречаясь с нею, Змей принимал какой-то новый облик. То насильник „телефонный мастер“, то вкладчиво-элегантный Смок, то властный, как молния, Змей Огненный в своей истинной сути. А теперь ведет себя, словно какой-то на-глый забулдыга. Понятно, сейчас-то уж Майю не надо соблазнять. Оттого и утратил Змей блеск.

Однако странно, неужели в эти мысли он не про-ник? Или счел их не стоящими его усилий? О, что таится в этом напряженном взоре? Майя смотрела в темные неуловимые глаза — и наконец начала понимать:

— А что, ты мог бы... в обмен... вернуть мне Цвети-цу?

— Цветицу — нет, — категорично произнес Змей, гиб-ким движением выставя ладонь. — Цветицу — нет. Все остальное вернется само, если ты...

— Если я принесу эту жертву, да? — всхлинула Майя и уже готова была выкрикнуть: „Нет!“, когда в окно вдруг жалобно поскреблась мертвая ветка.

Майя подбежала к окну, распахнула форточку, схватила тополь за руку, сжимала ее, целовала, глади-ла... Нет, ветка была бесчувственна, да и тополь весь не затянешь в квартиру, не отопреешь ни его, ни всей зем-ли уснувшей. А когда-то, совсем недавно, на этом окне жила Цветица. Ее мир! Мир каждого цветка, дерева, листа! И Майя, не выпуская ветки, вдруг вспомни-ла старые, когда-то любимые слова:

Принесли букет чертополоха,
И на стол поставили, и вот
Предо мной пожар и суматоха,
И огней багровых хоровод.
Эти звезды с острыми концами,
Эти брызги северной зари
И гремят и стонут бубенцами,
Фонарями вспыхнув изнутри.
Это тоже образ мирозданья,
Организм, сплетенный из лучей,
Битвы неоконченной пыланы,
Полыханье поднятых мечей.
Это башня ярости и славы,
Где к копыю приставлено копые,

Где пучки цветов, кровавоглавы,
Прямо в сердце врезались мое...

Майя вздрогнула, словно укололась невидимыми копиями.

„Вот, значит, что? — в смятении подумала она. — Как же я не знала этого раньше? Почему об этом не написано во всех тех рефератах и диссертациях, кото-рые я перечитываю целыми днями?“

Она соскочила с подоконника и замерла посреди комнаты, не обращая внимания на притихшего, за-таившегося Змея.

Задиристый мир чертополоха, нерассуждающее сла-дострастие кометы-росянки, алчное солнце тюльпана, коварство метеоритного роя ирисов, наивная откровен-ность луны-ромашки, голубой смех утреннего неба-ва-силька, звезды гвоздик... О боже, так ведь живой мир таится в каждом цветке! И сама Цветица — тому под-тверждение. Да и как можно было не услышать без-молвных уроков цветов, которые сопровождают нас всю нашу жизнь?

Человек, бедный одиночка, лишенный оберегающих и наставляющих инстинктов, он учится на своих, только на своих ошибках, и все для того, чтобы совершать их снова и снова. Мы пришла на Землю последними, и, по-добно неуверенным детям, делаем открытия там, где другим обитателям нашей планеты все давно ясно.

У кого же спрашивать совета человеку? Птица и зверь сторожатся его. А ведь рядом с ним, вокруг него есть другие учителя, молчаливые, но доброжелательные, целая школа мудрости! Человек в своих науках разъял цветок на пестик и тычинки, вычислил траектории поле-та семян дерева, вынул из травы соки для лечения своих хворей — и просмотрел при этом главное: разум и нрав-ственность, чувства растений.

Некто мудрый сказал, что растение в борьбе за жизнь поступает так же, как человек. Ох уж эта вечная страсть к антропоморфизму! А не наоборот ли? Человек уверен, что разумен лишь он. Но нет. Просто разум, который тихо и неприметно сияет во всех формах жиз-ни, ярко и свободно пылает только в человеке. Заслуга ли человека в этом? Или воля Природы была отметить именно его? Воля — или прихоть?.. Так или иначе, но свет разума бросает отблеск и на чувства человека. Од-нако существуют, внешне неприметные, и чувства рас-тений. Деревья, цветы, травы живут и умирают, чувст-вуют, испытывают жажду и боль, страдают, любят, помнят... Только-только новая мысль Майи начала рас-цветать, как голос Змея снова метнулся из-за угла:

— Ну вот, наконец-то ты поняла!..

Да. И Майе ничего не оставалось, как склонить го-лову. Но как, как произнести слова, обрекающие себя? А Змей уже не давал передышки:

— Впрочем, может быть, ты не веришь, что жизнь вернется на землю, если ты согласишься? Пойдем. Я тебе покажу кое-что.

Они спустились с крыльца и пошли по двору к во-ротам. Майя настроенно поглядывала по сторонам, Ну и что? Все по-прежнему пусто, голо.

— Ничего, ничего! — подбодрил Змей. — Сейчас твои сомнения и колебания дадут всходы! Сейчас!..

Неясный шорох послышался позади Майи, словно кто-то бежал вдогонку на цыпочках. Она испуганно обернулась, ожидая подвоха, нападения, чего угодно, — и увидела, что ее следы зарастают крапивой. Вечная спутница бед и разрушений, она первая из растений по-чувяла разрушительную силу тоски Майи и отправилась врачевать кровоточащие следы ее.

Майя смотрела на шевелящиеся, шершавенькие листки как завороченная. Нет, не видела она ничего чудеснее этой воскресшей жизни! И как чудовищна вокруг пустота обмерзшей земли...

— Я согласна! — выкрикнула Майя, не помня себя.

Змей мгновенно исчез. Слово и не было его! Таял в воздухе радостный отзвук его голоса:

— Мы явимся за тобою, когда время придет. Помни наш уговор!

Но Майя едва ли слышала его слова. Потому что, взломав стылую корку, вышел на свет лиловый про-стрел. Звона его пушистого колокольчика никто не слышал, но ему вторили горицвет, и одуванчик, и

кукушкины слезки, и ландыш... Однако Майя, опустившись на колени среди всего этого полузабытого благоухания, поцеловала раньше всего листья крапивы. Боль ожога напомнила ей условие Змея, но сейчас это казалось не такой уж горькой ценой за цветы и траву.

— Цветица. Ты просила меня помочь Майе. А кто поможет мне? Я намеревалась распрощаться с ней после твоей гибели, но теперь не могу бросить ее, иначе твоё самопожертвование окажется напрасным. Я научила Майю увидеть в каждом цветке твоё воплощение, но привело это только к тому, что она сама готова на жертву. Что же мне теперь делать? Кого призвать для спасения Майи? Остались вокруг неё одни Чужие. Они казались ей похожими, потому что их объединяет Зло. А где же единство Добра? Неужели только цветы защитят ее от Змея?

Колдунья понуро стояла перед большим плакатом с надписью: „Астрономический календарь природы“. В верхней его части грубо изображались созвездия Северного полушария. Там, словно оперение стремительной стрелы, была обозначена звезда Денеб.

Колдунья зажмурилась в отчаянии от своей растерянности, от ответственности, которую сама себе взвалила на плечи, и два смутных образа возникли в ее сознании: Любимый и Катерина-одиночка. И едва начали связываться воедино обрывки мыслей, как кто-то тихо постучал в дверь.

Колдунья обернулась, обрадованная и удивленная. Ведь в поликлинике, где обычно шагу было не ступить из-за беременных животов, давно царил пустота. За все долгие дни Белого Траура в городе не родился ни один ребенок, словно матери боялись выпускать детей своих в эту нежить. А теперь, значит, кто-то пришел просить на свет?

Она распахнул дверь — и отпрянула. Это был совсем не знакомый человек! Высокий, в толстом свитере, грубых штанах, кирзовых сапогах, заросший и длинноволосый, он был до того странен среди стерильных стен поликлиники, что колдунья невольно преградила ему путь. Незнакомец вскинул бровь:

— Но ведь ты меня только что позвала!

— Я? — не веря ушам, пробормотала колдунья и, вдруг все поняв, всплеснула руками: — Так ты — Любимый?! Господи, о боже мой! Как же я тебя не узнала?

— Да мы ведь не виделись, — улыбнулся гость, — ты придумала мое отсутствие раньше, чем нарекла меня именем, раньше, чем дала мне облик. Немудрено, что не узнала.

— Так вот ты какой! — ревниво всматривалась колдунья в лицо своей очередной выдумки. — Да. Да. Похож, как же ты похож на... Впрочем, это неважно. Главное, что ты жив. И очень вовремя явился!

— Если бы ты вернула меня раньше, Майя не попала бы в беду, — угрюмо ответил Любимый.

— Если бы я вернула тебя раньше, сказки бы восстали, — рассудительно ответила колдунья.

— Сказка твоя!.. — отмахнулся Любимый и тут же с тревогой спросил: — Скажи, неужто ты вызвала меня из небытия, чтобы снова туда отправить, не дав познаться с Майей? Это жестоко!

— Я не знаю, — искренне молвила колдунья. — На знаю, поверь! Это будет зависеть от того, осилим ли мы Змея.

— Мы? — спросил Любимый. — А вот это ты, пожалуйста, оставь. Достаточно, что в этой твоей сказке и так все добрые дела взысканы на плечи женщин. Гляди, обвиняет тебя в мужененавистничестве! Сиди и пиши — вот твоё дело.

— Конечно, — согласилась колдунья, — но пока ты будешь сражаться со Змеем, я должна найти его кожу, чтобы ты сжег ее, понимаешь? Я знаю травы, среди которых она схоронена, а ты — у тебя сила в руках. И эту силу мы умножим. Не зря же я читала стихи, сказки и старые книги о змеях...

Парила колдунья Любимого в трех водах, в трех щелоках мыла, обдавала отваром чертополоха, разгоняющего вражью силу, и тонкого желтого донника, от-

воряющего вражью кровь. Потом плескала колдунья отвар на лес и на воду, чтобы не было от них подмоги Змею.

Брала колдунья лозину, гибкую, словно змейка, клала ее в новый глиняный чан, колола веткой шиповника, приговаривая при этом:

— Как эта лозина бьется-мечется, так пусть Змей Огненный бьется-мечется, погибая.

Срывала колдунья кору с лозины и кору эту сжигала, приговаривая:

— Как сгорит эта кора, так пусть сгорит и Змеева кожа, лишив его жизни.

Потом брала колдунья рубашку Любимого, разные травы шивала, злые травы, губительные для врага, и первой, среди них была ясень-трава, которой придана сила, опеченная змеей...

А потом разыскала колдунья „змеиную траву“ — так называли древние чеснок, и три дольки его положила в сапог воину, для подкрепления силы.

Не было лишь меча-кладенца... Но знала колдунья, что первое средство от злых оборотней — осиновый кол. Выстрогал витязь себе меч из осины — и отправился на змеиную поляну.

Спешил он, потому что знала колдунья: подходит Майе время родить — приходит время держать слово, данное Змею!

Ох, сколько же сомнений грызло в ту пору бедную душу Майи! Дитя росло в ней — росла и любовь к нему. А день расплаты пришел. „Может быть, Чужие не успеют?“ — торопила Майя боль, но тут же увидела прильнувшее к стеклу зеленоватое, мерцающее лицо Эльзы. Вскрикнула Майя, но в дверь уже ломились Чужие.

Майя не давалась, но Чужие облепили ее холодными, скользкими телами, тугим клубком выкатились из комнаты на лестницу, с лестницы во двор, со двора на улицу, с улицы в чащу, все ближе и ближе к синей груди камней на поляне.

Но там уже ожидал врага воин, и когда, в переливах дождя, пронеслась по небу молния, ударились оземь, чтобы обернуться Огненным Змеем, богатырь встретил эго поднятым мечом. Ткнулся Змей в осиновое острие, повис над ратником, уставил в него свой огненный взор... Тут бы и обратился воин в горяч-камень, да не зря ворожила колдунья.

Смекнул Змей, что лихо ему придется, и решил взять противника подкупом. Махнул он огненным рукам, рассыпал искры, и там, где коснулись они земли, заиграло летучее пламя, отворились клады. На блеском монет манили они — блеском богатств земли. И приковали клды взор Любимого, потому что когда-то, давно, еще до того, как засмотреться навек в глаза Природе, был он искателем сокровищ Земли, геологом.

— Откуплюсь от тебя, чем только пожелаешь! — громыхнуло в небесах. — Бери золото, серебро, каменя самоцветные, змеиное молоко — ртуть, белый свинец — олово, ярую медь и черный уголь!

Поник меч в руке богатыря, но во все века обычаем было у змей вероломство, а потому тотчас обрушился на него дым, пламя, бурные вихри. Ядом наполнился воздух.

А колдунья между тем искала Змееву кожу. Конечно, она должна была быть где-то здесь, неподалеку от поляны синих камней, скрытая в чаще трав, притворившаяся одной из них! И, стоя на коленях в пахучем разнотравье, перебирала колдунья чистотел и медвежье ушко, живокость и лунник, башмачок и дурнишник, белокопытник и журавельник, золототысячник и повилику... Но все травы были теплы, чутки, добры. И вдруг метнулась из земли тонкая медная стрелка... То была трава-медяница, которая зарождается от гниения зло-вредных гадов и охраняет Змееву кожу. Чуть завидит она человека, бросается на него стрелой и пронзает насквозь... Но кружевное опахало папоротника заслонило собой колдунью, когда медяница была уже у самой цели. Упала медяница, и на этом месте увидела колдунья Змееву кожу. Была она гладка, будто вода Обимура, и тяжела, как малахит, и холодна, как промерзшая земля, чудно переливались на ней краски и

сверкал алмазный гребень.

Лишь коснулась колдунья кожи, как распался клубок Чужих вокруг Майи, и, не разбирая дороги, побежала она вперед, оказавшись через несколько мгновений на берегу Обимура, где дремала, уткнувшись в песок, верная Змеем Катерина-одиночка. А позади, прорываясь сквозь сплетение деревьев и трав, ломались опомнившиеся Чужие, и не было возможности обойти их, и один путь оставался — к воде, и заплакала Майя, не желая умирать. От этих слез восторгов лодка, волна ударила в берег...

— Катерина, ты видишь? Бежит в отчаянии женщина, спасая свое дитя, как ты бежала когда-то. И нет ей пути назад, как не было тебе. Одна только утлая ладья перед ней... Все поеторилось, Катерина!

Лодка метнулась к Майе, крепясь, чтобы удобнее было взобраться в нее. Не помня как, очутилась Майя в лодке, и Катерина-одиночка рванулась вперед. Майя зажмурилась от страха и не видела, что сонмище Чужих вдруг замерло, а потом, словно повинувшись некоему зову, опометью бросилось обратно в лес, на ходу сбрасывая человеческие обличья и превращаясь в змей.

Колдунья схватила кожу — и тут же отцвел клад-приманка, рассеялся ядовитый туман вокруг Любимого, а Змей со стоном вонзился в дождевую тучу, но так яростен он был, что туча с шипением иссохла, а Змей вновь грянул с высоты. Там, где опустился он на землю, истлепа трава, но Змей не бросился на противника, а обманым движением обогнул его, скользя к реке. Воин решил, что Змей убегает, но колдунья знала, что, когда кожа Змея оказалась в чужих руках, он внезапно ослабел и начал сохнуть от внутреннего жара, и надо было ему немедленно унять этот пламень, вернуть силу, окунувшись, по обычаю всех змей, в воду. Она сорвала сухих стеблей донника и тонкой горчавки, чиркнула спичкой и бросила огонь на тропу, по которой Змей стремился к Обимуру.

Завыл, закружился Змей, не в силах преодолеть зачарованное пламя, но тут, откуда ни возьмись, Умная Эльза возникла перед ним с чашей парного молока и потайной травой припутником. С шипением припал Змей к чаше, высосал молоко, приложил припутник ко лбу — и силы вернулись к нему. Изрыгая яд, кинулся он к богатырю, не заметив даже, что одна капля яду упала на Умную Эльзу, уничтожив ее на месте... Но сколько он ни брызгал слюной, сколько ни впивался взглядом в богатыря, надежно оберегали того отсушки. А Змей то взмывал к тучам и носился среди них, сам подобный живой, огнедышащей туче, то ввинчивался в глубину змеиного колодца, чтобы набраться сил в объятиях соплеменников, но все Чужие покинули свои норы, когда преследовали Майю, и Змей вновь и вновь обрушивался на врага. Деревянным мечом не мог воин смертельно уязвить Змея, но держался, ожидая колдунью со Змеевой кожей. И тогда, чуя гибель, воззвал Змей к своему племени:

— Все, кто злобен, кто переполнен отравой, кто коварен, вероломен и жесток, все, готовые умножать пороки и поражать добродетели, зловердые и злокозненные, трусливо жалящие сквозь улыбки, все предатели, клеветники, сплетники, доносители, джецы и фарисеи, придите ко мне!

Тогда-то Чужие оставили преследование Майи и устремились к своему повелителю.

Зашипел и заскрипел лес, обвитый ядовитыми гадами, и поняла колдунья, что не добежать ей до Любимого. Она бросила Змееву кожу и торопливо зачиркала спичками. Огонь умирал, едва коснувшись ледяной поверхности. Тогда колдунья подгрела сухие травинки, листья, прутики, заслонила слабый огонек ладонями, волосами его завесила от малого ветерка, но тщетно.

— Ох, Цветица, я бессильна!

Оглянулась колдунья в отчаянии, и взор ее упал на растение с высоким крепким стеблем, с крупными сиреневыми цветками, собранными в тугие небольшие кисти.

— Ясенец!

Головокружительный запах источало растение, и у колдуний потемнело в глазах, но все-таки она чиркнула последней спичкой и поднесла ее к кисти цветов.

Нежно-голубое мерцающее пламя окутало растение, колдунья пригнула его к Змеевой коже... Светлый пламень упал на кожу, она вспыхнула черным огнем. А чудесный цветок постепенно угас, и никаких следов огня на нем не осталось. Ведь не зря зовется в народе ясенец неопалимой купиной.

Молния прошло тело Змея, бешено заметался он, силась оторваться от земли, то скручиваясь кольцами, то обвивая себя руками и ногами, жала сам себя. Он чернел, белел, ослепительно сверкал, горя и сгорая в своем огне, но ничто уже не могло спасти его от гибели. И когда последняя огненная струйка пробежала по сгоревшей Змеевой коже, в предсмертном усилии смог-таки он приподняться над лесом, окинуть его гаснущим взором. И увидел он, что его подданные снова торопливо напаливают обличья людей и разбегаются из заветного леса, чтобы не возвращаться туда до тех пор, пока оскорбленная Природа вновь не породит Змеиного царя на утешение оскорбителю своему — человеку. А еще увидел он опустелый змеиный колодец, богатыря, опьяненного быстрой победой, и Катерину-одиночку, несущую в своих деревянных ладонях Майю и нерожденное дитя, которое уже никогда не будет отравлено змеиным поцелуем. И тогда испустил Змей три предсмертных, самых сильных молнии, против которых нет и не было оберега! Уничтожила первая молния то место, где был змеиный колодец, а вторая испепелила героя и никогда не узнать Майе, что воскрес — и вновь погиб ее Любимый... А третья молния достигла реки, целясь в Майю, но лодка резко качнулась, Майя повалилась на борт, и молния ударила не в нее, а в Катерину-одиночку.

И сгинул Змей.

Закричала Майя, стоя в пылающей лодке посреди реки, но Катерина была еще жива. От обугленных бортов поднимался пар, змеилось по ним жадное пламя, однако Катерина-одиночка пыла. И только на мелководье, выдохнув из последних сил: „Все! Больше не могу!“ — она скрылась, всхлипнув, в волнах Обимура.

Майя побрела по колено в воде к берегу, а в лесу, обожженном битвой со Змеем, залилась слезами колдунья. Плакала, что она — не собственная выдумка, а потому осталась жива, хотя погибли друзья, что нести теперь ей горе вечной разлуки с их светлыми душами, а пуще всего — что сказка уже рассказана, осталась лишь последняя глава.

Никто не заметил, пока длилось сражение, как волшебник закат в одночасье воздвиг терем ночи, а волшебник рассвет так же скоро разрушил его. Измученная Майя повалилась в траву недалеко от реки и закрыла глаза. После пережитого весь мир представлялся ей пустыней, где властвуют Чужие. Ей захотелось стать цветком, родить семена, множество семян, и засеять Землю, чтобы вернуть добро и красоту, но боль прервала ее мысли. Майя открыла глаза и в солнечном небе ясно различила высокую, яркую звезду. Это была Денеб, альфа Лебеда.

— Цветица! — позвала Майя, вонзая ногти в землю. Ей было так больно, словно рожала она не крохотного ребенка, а целую планету — с лесами, горами, морями, цветами и людьми.

... Напрягся, удлинился стебель царских кудрей. Отягощенные семенами стебельки резко изогнулись вверх, придав цветку вид диковинного зеленого канделябра. Солнечный ветер вздохматил луг, и цветок закачался, роняя семена.

Головка мака устало поникла и, послушная малейшему движению воздуха, начала сеять свои черные зернышки.

Набухли семена кислицы и прорвали оболочку, выбросившись на волю.

Распопырились васильковые хохолки, семенам стало тесно в корзинке, и они, опираясь друг на друга, вздыбились, готовые к полету.

Откинулась крышечка подорожниковой коробочки, впуская ветер. С силой расправились тычинки крапивы, поднимая и катапультируя плод...

Майя почувствовала себя равной вселенной — и самому малому цветку. Она услышала ветер, и увидела пенные птиц, и родила ребенка с глазами зелеными, как молодые листочки. Она омыла его своими теплыми слезами и уложила на траву.

Еще одна тайна Природы открылась ей, наполнив душу невыразимым чувством собственного достоинства. Какая беспокойная сила ни гнездилась бы в крови лежащего рядом младенца, он был ее кровинкой, и Майя знала, что путь его будет столь же труден, сколь труден путь растения. А ее, Матери, дело внушить ему благоговение перед уроками Природы. О, если бы это видела Цветица!..

Дитя ее засмеялось, и Майя повернула голову. Недалеке, по прибрежной гальке, катился серый прозрачный шар из прутьев, при каждом обороте равномерно роняя из узких коробочек-плодов по одному семени. Это была верблюдка, перекати-поле.

Дитя уперлось ручками в землю, поднялось и, бросив счастливый взгляд измученной матери, вначале неуверенно, а потом все быстрее побежало за диковинным мячом. Майя пошла следом.

Расступились зыбкие тела белых берез, и перед ними раскрылась долина, словно великолепный влажный цветок. Ветер прошел по траве большими шагами, и след его долго пахнул росой. По этому легкому следу бежал ребенок Майи, и был он не один.

Медленно планировали, описывая причудливые кривые, крылатые дети льнянки. Семена люцерны кружились, словно косматые солнца. Легкие спирали дикого клевера отправились в путешествие. Ряды, словно тончайшая пыль, семена ночной красавицы. Парили парашютики одуванчиков, безостановочно вращались штопоры ковыля. Прозрачные крылатки ясеня порхали, будто стрекозы. Играли с ветром зеленоватые бабочки семян липы. Летающие тарелки ильма спешили следом. Бежало дитя Майи, свободное от темноты матери и

злости отца, а за ним по полям, по пескам, по лесам, по зеркалу вод, спешили, освобожденные от векового проклятия — тупой неподвижности — цветы, травы, деревья, и каждое из них было родиной целой вселенной:

Одуванчик	Алтей
Незабудка	Вейник
Адонис	Мятлик
Гвоздика	Евтерма
Осока	Страстоцвет
Ромашка	Толокнянка
Ирис	Ежа
Тимьян,	Стрелолист
Травенка	Наперстянка
Ветреница	Единобор
Омежник	Йодник
Яснотка	Майник
Заманиха	Очиток
Валериана	Ясменник
Ежеголовник	Душица
Зимолюбка	Уруть
Дремлик	Шалфей
Аконит,	Арника
Первоцвет	Голубушка
Рябинник	Отавник
Истод	Роснянка
Репейник	Иван-чай
Обвойник	Таволга
Девясил	
Аир,	

— Смотри, Цветица! Летят на праздник жизни песенные и полевые, знаменитые и никому не ведомые братья и сестры твои. Ты видишь?

— Да. Я вижу.

КАРТИНА ОЖИДАНИЯ

Рассказ

Сам по себе человек ничто, и все дело только в том, что он умеет любить.

Айрис Мердок

— И это все?! — Инспектор уголовного розыска Ерохин закрыл папку и утомленно помассировал веки. — Не густо!

Шаров прикусил губу. Он был новичком в милиции и частицу „не“ в оценке своей работы воспринимал как суровое обвинение.

— Может быть, вы сами поговорите с людьми? — нерешительно предложил он. — Вдруг с вами будут откровения?

— Свои обязанности я знаю! — Ерохин вцепился в зором в Шарова: — Хочешь сказать, с тобой скрытничают? Это худо, если участковый не может найти пути к душам людей!

— При чем тут души? — с тоской подумал Шаров. — Мне бы до их глаз добраться. Неужто никто ничего не видел? Ведь не собака пропала, не автомобиль, как в кино, не гараж даже, а...

— Слушай, Шаров, — вдруг заговорил доверительным тоном Ерохин, — я в этом районе не часто бывал, как-то неважно все это представляю. Ты мне расскажи толком, что там было-то... ну, в этом месте... И вообще,

почему ты опись похищенного не составил? Это надо знать, это азы нашего мастерства.

— Опись? — Шаров перевернул папку. — Опись была. А вот, она к другому листку прицепилась. — И, словно извиняясь, пробормотал: — Странно, до чего люди невнимательны. Они все время это перед глазами имели, а начал расспрашивать, что же конкретно пропало, так кто в лес кто по дрова... Не совру — человек двадцать опросил, пока не составил более или менее точной картины.

Ерохин взял листок, и лицо его сразу стало тоскливым.

— „Две сопки: одна крутая, горбатая, другая с мягкой покатостью переходит в низкий берег, густо поросший смешанным лесом (лиственница, дуб, береза, липа, бересклет и другие виды кустарниковых)“, — читал инспектор безжизненным голосом. — Этот берег, плавно изгибаясь, вновь переходит в сопку, также поросшую лесом. Между второй и третьей сопками видна р.Обимур. Поскольку уровень воды в реке высокий, левого берега не видно, он затоплен до самых дальних сопки. Над рекой — небо, в воде обычно отражаются облака. Солнце садится как раз между второй и третьей сопками...” Это не опись похищенного, а верлибр какой-то! Сопка с мягкой покатостью переходит! Над рекой — небо! — зло передразнил Ерохин и вдруг издал тихий стон: — Господи... Да какому ж черту понадобилось это красть?

Шаров опустил голову. Он не имел понятия, какому черту мог понадобиться участок реки, и три сопки, и небо, и облака, да, судя по всему, еще и закатная дорожка на воде: кража произошла между двадцатью

и двадцатью одним часом.

— Скажи спасибо, что солнце было еще высоко! — с той же страдальческой ноткой произнес Ерохин. — А если бы и оно попало в эту „серую дыру“?

Шаров, как всякий работник милиции, не страдал отсутствием воображения, а потому тотчас похолодел. К счастью, солнце в „серую дыру“ не попало. Вот и сейчас оно устало светило как раз над пустотой, нежданно-негаданно возникшей вчера на его участке. Верхний край ее проходил чуть ниже солнца, скоро оно должно было сесть за эту пустоту или в нее — таким образом, день укорачивался на добрый десяток метров, кабы не больше.

— Может быть, тут что-то связано с космосом? — пробормотал Шаров, стесняясь сам себя и надеясь, что Ерохин не расслышит.

Но тот расслышал.

— Скажи еще, пришельцы! Или полтергейтс! — зло буркнул он. — Бред это, бред!

— Но мы ведь должны строить какие-то версии, — робко сказал Шаров.

— Версии! Года два назад в профсоюзной газете была заметочка — пассажиры одного самолета видели летающую тарелочку. Ну, а у той газеты, чтоб ты знал, самый большой тираж в мире. Представляешь, какие всюду пошли версии?! А оказалось, — интимно шепнул Ерохин, — испытывали какую-то установку... Понимаешь?... Говорят, в той газете потом всех до вахтера снимали. Может, и тут что-то испытывают?

— А что?

— Какой-нибудь лазерный отражатель, — туманно ответил Ерохин. — Откуда мне знать! Это совсем по другому ведомству.

— Может, туда сообщить? — осторожно предложил Шаров.

— А, надо им! — отмахнулся Ерохин. — Да и нам... Знал бы ты, сколько у нас, по фельскому райотделу, нераскрытых дел!.. Вот потому тебя и подключили так активно: парень ты молодой, энергичный, перспективный. Словом, так: работай самостоятельно. Я тебе доверяю. Побеседуй с народом. Все-таки не колпаки с „Нивы“ сняли, не тонну комбикорма с Чернореченского свиного комплекса увели. Не может быть такого, чтобы никто ничего не видел!

Ерохин умчался в город, а Шаров опять поднялся на взгорок. Перед глазами струился Обимур, плыли облака, золотился закат, потом возникала серая пустота, а дальше опять золотился закат, плыли облака и мягко блестя воды Обимура. В затылок Шарову бил горячий июльский ветер, клонились долу травы, машины, взобравшись вверх, быстро переводили дыхание, и эти мгновения тишины были как вопрос.

— Ну ничего себе! — возопил кто-то вдруг. Рядом с Шаровым замерла „Волга“ с шашечками. Рыжекудрый таксист таранился в окошко, а за дверцу держался высокий светловолосый мужчина средних лет.

— Что это? — невнятно выговорил он.

Шаров дернул плечом.

Светловолосый прошелся вдоль шоссе. Плечи его поникли. Окинув серостью печальным взором, он снова сел в машину, и та, ловко развернувшись, умчалась под вопль таксиста:

— Ну и ведьма!.. А эти куда смотрели?!

„Эти“, тотчас понял Шаров, относилось, прежде всего, к нему. „Эти“, главное!.. Еще хуже другое: пропажа явно не произвела особого впечатления на население пригорода. Пожалуй, высокий мужчина был первым, кто поражен случившимся, да и его изумило, например, не то, куда вливается отрезанный Обимур и откуда он потом, за пределами серости, вытекает, а сам факт исчезновения именно этой части пейзажа.

Шаров повел рукой, повторяя очертания похищенного. Да, вот так, прямо, а потом странный изгиб, и дальше опять ровно и под прямым углом вниз...

— Юрочка! Привет! — нежно вздохнул кто-то у него над ухом, и у Шарова даже фуражка поехала на нос, потому что это была Александра, подруга жены, а раз так, то Маша максимум через полчаса узнает, как он тут

стоял с обалделым видом, в буквальном смысле разводя руками.

— Привет, — повернулся он неприветливо.

Черные глаза, черные брови, даже черная косая челка Александры выражали восторг.

— Да... будто кто-то вырезал, правда? А вон там у него рука дрогнула...

— Что ты городишь! — пренебрежительно глянул на нее Шаров. Нет, нет, он вовсе не был грубияном и о женском уме имел самое высокое мнение, более того — сейчас готов был выслушивать самые фантастические предположения, но от Александры можно было добиться толку, лишь разозлив ее. Тогда она говорила подробно и понятно, а то бросит фразочку, имея в виду интеллект собеседника, а тот голову ломай...

Шаров рассчитал точно. Александра заломила бровь и холодно пояснила:

— Вчера мы с Марией были в кино. Там в фильме есть эпизод, когда вор вырезает картину из рамки ножом — неровно вырезает, часть полотнища остается. И здесь так же. Будто у кого-то в руке был резец, он обвел часть пейзажа, а вот там, видишь, где изгиб, у него рука дрогнула, — продолжала Александра. — И пейзаж вывалился, как картина из рамки.

— Да, а потом он скатал три сопки и кусок реки в трубку, сунул под мышку, сел на „восьмерку“, и уехал в город, — покивал Шаров. — Нормально. Осталось выяснить, почему у него дрогнула рука, да?

Александра дернула углом рта и, не вымолвив больше ни слова, пошла с пригорка. Шаров смотрел ей вслед, гадая, свернет она направо или налево. Налево был путь к Александриному дому, где ее терпеливо ждали муж Вова и два сына. Направо... направо был дом Шарова, где Александру всегда ждала Мария. Увы! Загорелые ноги Александры привычно понесли ее направо, и Шаров подумал, что, зная, судьба ему такая: сегодняшний вечер всецело посвятить работе.

И он посвятил. И устало жевал жвачку вчерашних вопросов, и уже мимо ушей пропускал вчерашние ответы: „Нет, не знаем, ничего и никого...“, но в мозгу отпечатались-таки Александрины интеллектуальные игры, и, неизвестно почему, в одном из домов он задал неожиданный вопрос:

— А скажите... вы не видели, чтобы вчера там, на взгорке, стоял человек и вот этак водил рукой? — Он изобразил прямоугольник, заранее готовый вместе с этими людьми посмеяться над собой, как вдруг хозяин дома хлопнул себя по худым коленям:

— Я видел!.. Она стояла — и делала вот так, точно! — В воздухе возник еще один торопливый чертеж — А тут таксист посигналил, она так и вздрогнула, рука аж подскочила...

— Ну? — застонал Шаров.

— Ну и все. Я домой пошел.

Шаров откинулся на спинку стула... Немного успокоившись, он начал выспрашивать приметы этой женщины, которую хозяин назвал „она“, но толкового ответа не добился: „Вроде, молодая, в синем платье — да я сзади смотрел...“, а в голове суетились мысли о том, что это, конечно, бред, в райотделе с такой версией его просто расстреляют смешками, а получается, Александра опять права, и неизвестно еще, что хуже: не раскрыть хищения или в очередной раз признать перед Машей Александрину правоту, а вообще-то, зачем кому-то что-то сообщать, в райотдел или Маше, об этой женщине и о том, что он намерен делать, тем более, что и сам он этого не знает?..

Ночью ему ни с того ни с сего приснился рыжекудрый таксист, который что-то выкрикивал, кружа возле Шарова на своей „Волге“ с шашечками, то и дело зависая над землей, и если бы Шаров разобрал, какое слово выкрикивает парень, он сразу узнал бы, кто украл реку и сопки, но ревел машина, ревел...

Шаров проснулся. Ранняя заря разгоняла с неба облака. Непривычный гул не прекращался. Шаров вышел на балкон, смутно надеясь, что за ночь все оказалось на своих местах. Нет, пустота не исчезла, похищенный пейзаж не вернулся, а на том самом взгорке, где вчера мучился Шаров, стояло десятка два черных и желто-

синих легковушек, толпились люди в строгих костюмах и форме всех родов войск, над серой пустотой парил военный вертолет, а с обеих ее сторон вставали на дыбы катера.

В три минуты Шаров тоже оказался на месте преступления. Увидев в толпе Ерохина, протолкался к нему. И тот быстро рассказал Шарову, что несколько минут назад завершилось оперативное совещание в краевом управлении внутренних дел, длившееся всю ночь.

Как выяснилось, кража на шаровском участке была лишь фактом в ряду других, с методичной загадочностью происходивших в течение последнего года, но тщательно скрываемых доселе. Ну, предположим, место, откуда исчезло крыльцо обимурской гостиницы „Центральная“ вместе с туго открывающейся стеклянной дверью, можно было обнести забором с надписью „Идут ремонтно-строительные работы!“, а постояльцев гостиницы водить с черного хода, хотя это и создавало определенные трудности для работников гостиничного ресторана. Предположим, можно было закрыть „на переэкспозицию“ зал „Родная природа“ в краеведческом музее, где пропал целый угол. И огородить колючей проволокой и щитами с изображением агрессивного энцефалитного клеща исчезнувший участок Хехцирского заповедника. Не исключено, что творческая мысль обимурских властей изобразила бы нечто подобное и на участке Шарова, однако поблизости, на Втором Воронеже, располагалось десятка два пионерских лагерей, в один из которых проследовал вчера красивый интуристовский автобус с ребятишками и их сопровождающими из зарубежного города-побратима, приехавшими по линии обществ дружбы. Этим же вечером заокеанское радио сообщило всему миру о серой пустоте, образовавшейся в пригороде Обимурска.

На сверхскоростном самолете явились из Москвы руководящие товарищи, из архива были извлечены дела о подобных хищениях, начальники райотделов милиции, допустившие сокрытие, этой же ночью ушли на пенсию по состоянию здоровья. Начальник сельского отделения, попытавшийся успокоить авторитетное собрание сведениями о площади Обимурья, превышающей, как известно, территории Франции, Бельгии, Голландии и государства Люксембург, вместе взятых, задал вопрос: „Потеря ли это в масштабах такого края?“, на что получил пламенный ответ председателя крайисполкома: „Это потеря в масштабах души!“ — и решил, что ослышался. Рассекреченный с июля 1987 года, после публикации в „Литературке“ о серых карлика, ведущий специалист по НЛО признал себя бессильным. Для консультации, на всякий случай, как мастера нестандартного мышления, были доставлены из Ленинграда два знаменитых брата-фантаста, которые в один голос заявили, что этого не может быть. На этом консультация закончилась. И все это происходило в течение одной ночи — той самой, когда рыжекудрый таксист кричал Шарову во сне что-то неразборчивое.

Разумеется, ни о какой „самостоятельной работе“ Шарова теперь и заикнуться было нельзя. Оперативные группы возглавили товарищи из компетентных органов. Легковушки по залитому битумом, раскаленно блестящему под синевой небес шоссе увистели в город, а Шаров, оставивший свои вчерашние догадки при себе, остался стоять на езгорке, опять же глядя в серую пустоту.

Ему не давал покоя сам этот „набор“: участок реки, кусочек леса, крыльцо гостиницы — со стеклянной дверью! — и уголок музейного зала. Судя по описаниям, они были так же „вырезаны“ из окружающего. А если и там побывала та же „она“, неизвестная в синем платье? Но зачем ей зал музея? Крыльцо?

Шаров машинально поднял руку, привычно обводя надоевший прямоугольник, но в это время раздался внезапный, как выстрел в спину, сигнал пролетевшего мимо автомобиля, рука Шарова дрогнула... и он вспомнил невнятное слово из своего сна: ведь его вчера наяву прокричал рыжий таксист, увозя странно-опечаленного пассажира, да Шаров это слово, что называется, в голову не брал, оскорбленный пренебрежительно-обобщающим местоимением „эти“. А слово было — „ведьма“.

Остальное оказалось делом техники. И как бы ни хотелось начать долгое и завлекательное описание того,

как Шаров обошел все четыре городских таксопарка и только в самом отдаленном, с названием „Байконур“, перебирая личные дела водителей, узнал на фотографии эту нахальную усмешку и кудри, а их обладатель потом долго и мучительно вспоминал, кого же он возил на Воронеж третьего дня, — все это будет неправдой, а неправда, как известно, противоположена и детективу, и фантастике. Скажем все, как было: Шарову просто повезло. В воротах ближайшего же таксопарка, куда он наудачу сунулся, он увидел за рулем готовой к выезду машины того самого парня — по имени, как выяснилось, Саша Гребенников, и через две минуты Шаров уже знал, что ведьмой Гребенников назвал жительницу 91-й квартиры дома № 34 по улице Астрономической.

Шаров подивился памяти шофера, а тот смутился: „Причем тут память? Просто уточнил только что в диспетчерской: я же по вызову ее тогда приехал“. Тогда Шаров восхитился интуицией Саши, а тот не стал спорить, только тихо улыбнулся...

По рассказу Гребенникова, жительница улицы Астрономической („Какая она?.. Сам увидишь и поймешь. Словами тут ничего не скажешь!“) позавчера вызвала по телефону такси, чтобы съездить на тот самый взгорок, „поразводить чего-то там руками“ и вернуться сразу домой, бестрепетно выложив за все это десятку. Пораженный внешней бесцельностью столь дорогостоящего путешествия, Саша Гребенников спросил на обратном пути, сгорая от любопытства: „Что там делала? Колдовала, что ли?“ — на что получил рассеянный ответ: „Да уж, конечно!“

Потом, увидев загадочную пустоту вместо реки и сопки, он вспомнил свою странную пассажирку, но, конечно, не всерьез, а так, для хохмы, вот и крикнул про ведьму. Всю дорогу тогда Саша развлекал разговорами о ней того, светловолосого, которого видел и Шаров, и который был так опечален пропажей пейзажа. Однако к концу пути (этот человек остановился в гостинице „Центральная“, и вездесущий Саша открыл ему глаза на внезапность ремонтно-строительных работ на месте гостиничного крыльца) — так вот, к концу пути он повеселел и... Тут таксист скомкал свой оживленный рассказ и спросил:

— А правда, что эта красотка стащила сопки? Куда же она их девала, интересно?

— Наверное, дома над диваном повесила, — отшутился Шаров, потом выразил Саше горячую благодарность и бросился к остановке автобуса, хотя можно было, конечно, воспользоваться по такому случаю и такси. Однако Шаров хотел собраться с мыслями, а обимурский общественный транспорт, как известно, самое подходящее для этого место, потому что медлителен до фантастичности.

Однако сначала автобус припустил вскачь, счастливо минуя красноглазые ловушки светофоров, но не уберется-таки от судьбы и попал сперва в пробку, а потом потащился по главной улице, перегруженной провинциально-неповоротливыми машинами. Водитель, видимо, заскучал и решил несколько разнообразить свое существование. А может быть, он был просто заботливый человек. Или имел своеобразное понятие о юморе.

— Уважаемые пассажиры! — провещал он ласково. — Не забывайте расплачиваться за проезд. Стоимость билета шесть копеек, стоимость бесплатного проезда три рубля.

„Мне надо хорошенько продумать линию поведения“, — решил Шаров.

— Билеты приобретайте в кассах-копилках. Абонементные талоны пробивайте компостером. Просьба абонементные талоны в кассу не бросать!

„Так. Я приеду и скажу ей... А она мне ответит: „С ума сошел?““

— Остановка „Гостиница Центральная“! На выход проходите в переднюю дверь. Просьба заранее готовиться к выходу!

„Неужели я и правда верю, что движением руки можно... Нет, это идиотизм. И нет никаких доказательств. Зачем я еду?“

— Уважаемые пассажиры! Уступайте места людям преклонного возраста и родителям с маленькими детьми!

„Скорее всего, она вызовет милицию, если я ей выложу свои обвинения!”

— Остановка „Речной вокзал”. У водителя имеются в продаже проездные билеты на август и абонементные талоны. Продажа производится только во время остановок!

„Ну, спрошу я: „Не вы, дескать, украли то-то и то-то?” А вдруг она ответит: „Да!”

— Вас обслуживает экипаж первого ОПОПАТ. Просьбы и предложения можете сообщить по телефону 34-35-11.

— Вы выходите?

— Остановка „Астрономическая”! Стоящий автобус обходите сзади! — донеслось вслед благое пожелание. А с мыслями Шаров так и не собрался.

Ну что же, пришлось идти наобум. Вот угол улицы Астрономической, и вот этот дом, и этаж, и...

Дверь квартиры № 91 ничем не отличалась от других. Такая же грязно-голубая, и звонок стандартно курлычет, и черно-бронзовый лев сжимает усталыми зубами кольцо дверной ручки.

На звонок не открывали. „Спешил, летел, дрожал, вот счастье, думал, близко...” — подумал Шаров и разочарованно прислонился к двери. Ничего, он подождет! И сердце его дрогнуло, потому что дрогнула дверь, и мягко поддалась, и, ничего не соображая от волнения, Шаров нетерпеливо шагнул в темноту прихожей и тут же, спохватившись, замер, чувствуя, что у него даже ноги похолодели.

Дверь тихо захлопнулась за ним, но тьму впереди рассеивал неверный, словно бы узорчатый, свет, и Шаров, приглядевшись, вдруг увидел, что это закатные лучи пробиваются сквозь листву, сомкнувшуюся над его головой, а ногам холодно оттого, что они по щиколотку погружены в неширокий, но студеной лесной ручей.

...Шаров приткнулся к заскорузлой коре. Над ним цвела липа, и воздух был густо-сладким, будто наркот. Ноги уже не держали. Шаров вытянулся на траве, глянул на запотевшее стекло часов. Сколько он здесь кружит? Деревья словно бы тасует кто-то, земля поворачивается под ногами, снова и снова возвращая на бережок ручья. И все нет конца пути, и никак не гаснет угасающий вечер, и все шуршит что-то, и мелькает за деревьями, и овеивает взмокшее лицо дальним зовом: „Милый... милый! Иди ко мне, иди!”

Он уж кричал, кричал... Заблудился. Где, как? И что же теперь?

А Маша и не знает, где он, что с ним. Ждет. Болтает с Александрой по телефону. Или шьет, или читает новый детектив. Но никакой детектив не поможет ему выбраться отсюда.

Веют тихие ветры над головой. „Милый, милый! Иди!” Шарову даже послышалось, будто в воздухе пронеслось его имя. Но кто здесь может знать его имя? Почудилось!

И вдруг — совсем другой голос. Не шелестящий, не призрачный — женский, живой, только очень усталый:

— Да отстаньте вы от человека! Это не он. Он не придет, зови не зови. А этот... пусть уходит.

И увидел тут Шаров, что совсем рядом, за ручейком лесным, проступили очертания вешалки, зеркала — а потом и двери. Нормальной двери из нормальной прихожей — той самой, через которую он попал сюда. Выход! Вот и фуражка валяется — а думал, что потерял. Все! Отпустили! Надо уходить, и поскорее, пока не передумали. Пока не передумали... Кто?

Встал с трудом. Застегнул ворот, надел фуражку. Ну, ходу! И... ломанул опять в чащу.

Тихо было. Стояла та вечерняя пора, когда солнце мягкое, и теплый воздух чуть дрожит, и возле каждого деревца, каждой травинки ложится зыбкая тень, и земля словно бы вздремнула под золотистой сетью.

Но вот лес кончился, и Шаров очутился у высокого крыльца. Оно поднималось к бриллиантово-стеклянной двери, аютины глазки темнели в керамическом вазоне, а рядом, прямо на серых ступенях, понуро сидела женщина. Какая-то не то изможденная до крайности, не то совсем уж нереальная, полупрозрачная фигура маячила поблизости, но при появлении Шарова проворно истаяла.

Женщина осталась неподвижной. Было в ее позе что-то сломленное. Спит? И в синем платье. Она!

Шаров замер — вот удача! Но вновь сгустился в воздухе блеклый силуэт, и Шаров решительно взбежал по ступенькам.

При его приближении назойливый призрак исчез. Женщина, однако, по-прежнему не шевелилась. Шаров осмелился осторожно приподнять ее поникшую голову. Вот она. Вот она какая... И что особенного? Бледное утомленное лицо, ресницы сжаты, брови сведены, губы набухли, словно у заплакавшего ребенка. Медленно открылись глаза. Ну глаза, конечно, ничего...

Серые глаза дремотно смотрели на Шарова, на ступеньках спяще нетерпеливо заколыхалась белизна, но Шаров, возвращая себе уверенность и храбрость звуком собственного голоса, спросил:

— Зачем вы это делали?!

Усмешка освежила померкшие глаза, женщина приподнялась, тряхнула головой. Пронесся разочарованный вздох-ветерок — и стихло все.

— Кто это тут был? — спросил Шаров.

— Где? — Она оглянулась. — Ну, должно быть, моя Смерть. Я ведь умираю, молодой человек.

Конечно, она была явно старше Шарова, но уж не настолько же...

— Вы что, больны? Так надо же скорей!..

— Я умираю от любви, — просто сказала она.

— А как же расследование? — обалдело спросил Шаров, невольно снимая фуражку. — Не умирайте, подождите, подождите немножко!

Она улыбнулась, а Шаров покраснел.

— Хорошо. Я подожду. Час-другой роли не играет. Я ведь умираю уже давно-давно, и вот только сегодня, наконец, Смерть пришла за мной. Да тут вы явились. — В голосе ее зазвенела досада. — Зачем? Я же велела вас отпустить.

— Да, кстати, а кто это там мелькал? Звал? — с беспокойством поинтересовался Шаров.

— В лесу? Это мои мечты, — тоскливо глядя на сверкающую дверь, ответила незнакомка. — Мечты, которые никогда не сбудутся.

— Почему? — спросил Шаров.

— Что, вы уже приступили к расследованию?

Все-таки рот был самым выразительным в ее лице. Казалось, он говорил, даже когда она молчала. В уголке его скопилось столько печальной иронии!

— Почему, спрашиваете? Потому что он не придет. Кто он? Тот, кого я люблю. Кого я люблю? Это не имеет никакого значения для следствия. Все? Есть еще вопросы?

Почему-то лишь сейчас до Шарова дошло, что крыльцо и надрванная дверь — пропавшее имущество гостиницы „Центральная”!

У Шарова перехватило дыхание. Так. Получается, что две пропажи уже обнаружены: ведь лес, где он блуждал, конечно же, тот самый!

— Скажите, а сопки, что с Воронежа пропали, тоже у вас? — поспешно спросил Шаров.

Она кивнула.

— И музейный зал?

— Не весь, не весь! — вскинула она ладонь. — Только уголок. А почему вы не спрашиваете про фонарь из Паркового переулка?

Шаров смотрел непонимающе. Тогда она поднялась, поправила волосы — и вдруг прыгнула с крыльца туда, где, оказывается, вздымался из серебристом от изморози столбе тусклый фонарь и темно блестяла ледяная дорожка:

Незнакомка подскользнулась, искры взвились из-под ее взвизгнувших каблучков, но она удержалась и вновь вскочила на крыльцо. Волосы ее замерцали на солнце. Шаров зачарованно смотрел, как на черных туфлях таял снег.

— Вы об этом не знали? — догадалась она.

Он сконфуженно улыбнулся.

— А об этом?

Гостиничная дверь бесшумно приотворилась, и Шаров увидел обычную парковую скамью неопределенного цвета, и низкую металлическую ограду за ней, и нависший куст полуотцветшей сирени. Возле скамьи

дремала тощая некрасивая дворняга.

Шаров невольно свистнул. Собака слегка повернула узкую морду, серьезно глянула на него и опять закрыла глаза.

— Она не пойдет к вам, — предупредила незнакомка. — Здесь все, как было тогда. Вернее, почти, потому что нет того красного „Москвича“ с веселым семейством, которое покатывалось со смеху, глядя на нас. Дело в том, что мы гуляли, гуляли — и устали, и вот сели отдохнуть. Я положила ему на плечо голову, он прижался щекой к моим волосам, глубоко вздохнул, и вдруг голова его отяжелела, и я поняла, что он мгновенно уснул. Мне стало смешно, но я не шелохнулась, а вскоре и сама уснула, да так крепко! Мы ужасно не высыпались тогда... Прошло, наверное, полчаса, как меня разбудило холодное прикосновение к ноге. Открываю глаза — эта вот собаченция тычется влажным носом в мой чулок, словно хочет сказать: хватит народ смешить. Я посмотрела — и правда, кто ни идет мимо, всяк на нас оглянется. Тогда я осторожно коснулась его лица, и он сразу пробудился, поднял голову. А те смотрели на нас из машины и смеялись, и мы тоже стали хохотать. А потом пошли своей дорогой.

— Нет, — сказал Шаров, чувствуя неожиданную нежность к тощей бездомной собаке. — Эта кража в оперативке не значится.

Незнакомка переводила мечтательный взор с заснеженной улочки на музейную витрину, где желтоглазый обимурский тигр словно задумался о чем-то.

Шарову стало понятно многое.

— И крыльцо? — тихо спросил он.

Незнакомка кивнула.

— Ну а лес? И тот уголок на Воронеже? — Ему было стыдно, но он не мог удержаться от вопросов.

— Да, собственно, это не имеет прямого отношения, — виновато улыбнулась она. — И, конечно, если бы он приехал, я бы все вернула на свои места. Он не придет, он даже адреса моего не знает теперешнего, но ведь нет ничего чудеснее ожидания счастья, нет ничего озорнее. Я так ждала его! Изю всех сил! Вот силы и кончились. Боже ты мой! Он мне и на улицах чудился. Нет, нет никого в мире, подобного ему, — опровергла она сама себя, — он истинное явление природы, как ночь, луна, свет. Тысячу раз я в мечтах пережила его возвращение и нашу встречу. И мечтала показывать ему все, что мне мило и дорого. Тысячу раз описывала эти места в своих пламенных посланиях. И вечерние тени, и этот тихий свет, и Обимур меж сопков. Знаете, как в стихах: закат, и облака, и воды...

Она смотрела вдаль, и Шаров посмотрел туда же. Там цвел предзакатный Обимур под ясным, уже чуть-чуть зеленоватым небом, и облака, пока бело-розовые, были слегка тронуты мглой.

Он вспомнил, как составлял опись. Нет, и очевидцы и он ошибались. Вовсе не до самого горизонта простерся Обимур, но изрезал левый берег десятками проток, которые сейчас сверкали, одна ярче другой, а сопки на горизонте были неразличимы, завешены дымкой дальнего дождя. Такое уж тогда было дождливое лето...

— Ох! — сдавленно сказал Шаров. — Да как же вы это делаете? — Он в очередной раз изобразил в воздухе прямоугольник.

Она не то улыбалась, не то подавляла слезы, повторяя его жест:

— Именно вот так. А почему получается — не знаю. Когда дойдешь до такого состояния, до предела... когда умираешь от любви, а ожидания нет конца, тогда получается все. Все! Кроме самого главного.

— Да как же так?! — повторил Шаров, но уже о другом. — Что же, вам ничего не дорого в жизни, чтобы умирать? Вы же где-то работаете, верно? Зачем вы хороните себя среди воспоминаний?

— Да вы садитесь, — предложила она, и Шаров послушно плюхнулся на низкий диван в просторной комнате. У невключенного телевизора был выпуклый злой лик, настороженно смотрели книжные шкафы. Откуда-то пахло жареной картошкой.

— Ну, похороню себя здесь — какая разница? — окинув комнату небрежным взглядом, сказала она. В го-

лосе ее появилась жесткость, и Шаров подумал, что, наверное, эта женщина не любит, когда ей противоречат. — Кстати, увидеть все то удалось вам первому. Вы были настроены встретить нечто необычное, да?

Шаров кивнул, вспомнив таксиста с рыжими кудрями.

— Не буду домогаться ваших профессиональных секретов. Да, я сказала, что вернула бы похищенное, если бы он появился. Но когда я умру, оно вернется на место само собой, вы не волнуйтесь.

Почему-то это уже очень мало волновало Шарова. — Но нельзя же, нельзя быть фигурой в картине ожидания! — страстно выкрикнул он и умолк на миг: вот сказанул! Даже Александре, пожалуй, не додуматься до такого. — Нельзя жить только мечтой! Можно подумать, это первая любовь.

Она пожала плечами.

— Любовь всегда первая. Ну а мечта... Все живут мечтой. Вы, к примеру, — раскрыть невероятное преступление, да? Ваша жена — мечтой, что вы не то чтобы продвинетесь по службе, но вдруг станете похожи на героев-сыщиков всех тех детективов, которые она читает, поджидая вас.

Шаров похолодел.

— Вы не обиделись, надеюсь? — спросила незнакомка. — Не удивляйтесь, что я это знаю. Как-то так получается. Я теперь все знаю, кроме одного: почему он забил меня.

Она достала что-то из шкафа.

— Посмотрите, — на колени Шарову упал ворох материи, — вот моя работа.

Шаров смотрел. Это были вышивки — необычайно модные теперь вышивки „крестом“, как вышивали в старину. Бум на них не проходил уже много лет и даже нарастаю. По ним, знал Шаров, некоторые просто-таки с ума сходили. Модницы, коллекционеры, спекулянты. Возникла даже целая отрасль промышленности. Вышивки, которые он видел сейчас, были очень хороши. Портреты каких-то людей в старинных одеждах, фантастические сценки, былинные богатыри, пейзажи... Он раскладывал вышивки на диване, как вдруг заметил, что на всех изображен один и тот же человек. Со слепым упорством повторялись черты этого худого замкнутого лица. Правда, глаза были то серыми, то голубыми, то зеленоватыми, а волосы светло-желтыми, светло-серыми, совсем уж белыми, — но все был он, он. Кажется, Шаров видел где-то этого человека. Нет, просто лицо окружило со всех сторон и почудилось уже знакомым.

— Память о нем живет даже в кончиках пальцев, и, что бы я ни делала, она проникает в дело рук моих, — тихо сказала незнакомка.

— Как-то все это... слишком красиво, — с досадой сказал Шаров: испуганная обида еще не покинула его.

Она помолчала.

— Красиво? Ох, но меня учили любви строки прекрасных стихов, а не поцелуи после танцев. Я не верю в любовь, если о ней нельзя сказать красиво, если слова о ней линялые, как привычка, или неразборчивые, как знакомство на танцплощадке.

Дались ей танцы!

— А вы с ним где познакомились? — не скрыл Шаров своего любопытства.

Она покраснела:

— Да можно сказать, что на улице. Но важно другое — чем оборачивается встреча! Вы видите, чем. А впрочем, может быть, вы и правы, все это слишком красиво. И, главное, все уже было, было у других. Вот, пожалуйста:

Кто мне откликнулся в чаще лесной?

Утром и вечером, в холод и зной,

Вечно мне слышится отзвук невинный,

Словно дыхание любви непонятный,

Ради которой мой трепетный стих

Рвется к тебе из ладоней моих...

— Но это же стихи! — возразил Шаров.

— Для меня нет и не было никакой разницы между жизнью и литературой. Ни-ка-кой!

Почему-то Шаров почувствовал себя уверенней. Не потому ли, что лицо на вышивках не таило в себе, на

его взгляд, ничего особенного?

— Вот-вот! — наставительно изрек он. — Вы живете в выдуманном мире, оттого вам и не хватает воздуха. — Еще одна фразочка что надо! — А если бы вы вернулись на землю, то поняли бы, что там много таких радостей, которые излечили бы вашу печаль.

Она взглянула на него с изумлением, но тут же улыбнулась печальными губами:

— На землю? Господи! Да вы что, не видите ничего?!

И Шаров увидел кухню. Вот откуда так сладостно пахло жареной картошкой!

Его собеседница теперь стояла возле плиты. Над сковородой плавало облако пара, а хозяйка словно бы не замечала брызг скворчащего жира. Она была в простеньком платье и фартуке, волосы подобраны. Повернулась к зашипевшей кастрюльке — и Шаров увидел ее лицо. Да нет, это вовсе не та, что умирает от любви! Эта старше лет на десять!

Шаров растерянно повел глазами. Да, незнакомка в синем сидит рядом с ним на диване, заваленном вышивками, а хозяйка кухни понуро застыла у плиты.

— Я уж думал, это вы там. Но она по возрасту чуть ли не в матери вам годится, — решил Шаров польстить своей собеседнице. Однако та смотрела с грустью.

— Вы знаете, в ваших словах что-то есть. Я не родилась бы, не будь ее. И вот ее, и ее тоже, и ее...

И увидел Шаров свою незнакомку, которая, в незастегнутом халатике, поверх ночной рубашки, взлохмаченная, стояла перед зеркалом в ванной комнате и торопливо хлопывала кончиками пальцев по лицу, густо покрытому желтоватым, пряно пахнущим кремом, а глаза у нее были не то сонные, не то...

А вот она уже стоит в платье вызывающего вида, что-то такое черно-белое, и волосы подобны пепельному облаку, и надменны яркие губы, и холодно-неподвижны глаза за решеткой ресниц.

И увидел он ее опять, по-домашнему одетой, с вязаньем, в кресле, и спицы постукивали, а глаза смотрели мимо, куда-то.

— Да что они все как мертвые?! — раздраженно воскликнул Шаров.

— Почему они? — пожалла плечами женщина в синем платье. — Это же все я, как вы не понимаете?

— Какая же из них настоящая? — почти с испугом спросил Шаров. Он был почти уверен, что она скажет: „Конечно, я“, но ответ был другим:

— Они настоящие все. Но скоро одна из них — я — умрет. А жизнь других будет продолжаться. Глаза их опустели, потому что они знают: их скоро станет меньше... И это не последняя смерть. Следом, наверное, умрет вон та злая красавица. Потом та, что тщится скрыть под кремом морщинки. А может, наоборот. Дольше других продержится хозяйка у плиты, но и ее пересидит та, что в кресле. Нет, она будет двигаться, одеваться, готовить еду и даже улыбаться, но останется одинока в себе. Вот тогда в женщине совсем умрет Женщина. Она будет ласкова и добра, и окружающие будут благословлять ее за то, что она отдала им всю себя, но...

„Маша! — вспомнил Шаров. — Неужели и тебя тоже — несколько? И твоей Александры? И любой другой женщины? А ты, Маша, умерла ли ты от любви? Или это тебе предстоит еще? А что тогда делать мне? Или я тоже теряю то одного, то другого себя?“

Ах, как мы умеем даже беды других, даже смерти других примерять на себя!.. И Шаров, устыдившись, воскликнул:

— Но как, скажите, как вернуть им цельность? Как сделать их единым существом, чтобы не разбивала их смерть на осколки? Могут ли они быть счастливы все, разом?

— Могут, — мягко улыбнулась та, что носила синее платье. — Вернее, могли бы, если бы вернулся он. Но что толку мечтать о несбыточном?

Она взяла Шарова за руку и повела к входной двери. Пальцы ее были как лед.

— Прощайте. Какое красивое слов, верно? Безвозвратное.

Шаров смотрел, смотрел на ее усталые губы, на уже почти безжизненные глаза.

— Зачем я сюда пришел! — вдруг прошептал он. —

Зачем я вас увидел!

Губы испуганно дрогнули.

— Теперь я буду во всех искать признаки смерти, понимаете? И буду думать: этот человек — таким ли, как сегодня, будет он завтра? Или погибнет часть его души?

— Мой дорогой, — ласково сказала она, снимая с его рукава серую шелковую ниточку, — я виновата перед вами, наверное. Зачем растревожила? Но послушайте меня. Может быть, это и хорошая тревога? Может быть, в том и есть смысл, чтобы сердце успело выгореть все, дотла? Да, да, красиво, я знаю! — улыбнулась она, и Шаров улыбнулся в ответ. — И еще. Никогда не спасайте человека, который умирает от любви. Выжить можно, только озлобясь. А уж лучше гибель.

Она смотрела на него опять с жалостью, и подступило искушение спросить, не известно ли ей, когда это случится с Машей. И кто будет тем человеком, из-за которого... Но он не разомкнул губ, и она одобрительно кивнула:

— Да, да, вы правы. Но уж идите, идите! Все, сил моих больше нет. Идите!

Она торопливо отомкнула и почти вытолкнула Шарова на лестничную площадку.

Он побрел вниз, не разбирая ступеней, и оступился было, да его подхватил какой-то человек, поднимавшийся по лестнице. Шаров кивнул в знак благодарности и машинально пошел вниз, думая, что явно видел его где-то, и это усилие памяти на какие-то мгновения захватило его, и помогло выйти из подъезда, и миновать двор, и сесть в автобус.

И опять потянулись улицы и площади, площади и улицы, и внезапно, словно от толчка, глянув в окно, Шаров увидел, что от входа гостиницы „Центральная“ торопливо убирают щиты. Знакомо сверкала дверь, чернели цветы в керамическом вазоне, только ступени были пусты.

„Все. Значит, все!“

Он знал, знал, что это должно случиться, но так быстро, так сразу? Рванулся было к выходу, толкнул какого-то парня с „фирмой“ на спине, тот угрожающе обернулся, но при виде формы стушевался.

Шаров повис на поручне. „Это мои мечты, которые никогда не сбываются... Нет ничего озорнее ожидания, ничего чудеснее... Всюду мне слышится голос невнятный, словно дыхание любви непонятной... Никогда не спасайте человека, который умирает от любви!“

Все. А он даже не спросил ее имени!

И бесконечно тащился автобус, и чем дальше, тем медленнее, то подолгу замирая, что вновь качаясь почти на одних тормозах.

Шаров глянул вперед. Путь был запружен машинами и людьми. Накронец водитель, молчавший всю дорогу, угрюмо провозгласил:

— Автобус дальше не пройдет!

Да уж!.. Шаров с трудом пробирався сквозь толпу. Зачем? Не все равно ему было — сидеть в пустом автобусе, ожидая неизвестно чего, стоять на обочине, идти? Но он шел, шел, и наконец-то добрался до своего дома.

Вокруг кипела толпа, все смотрели в сторону Обимюра, и когда Шаров тоже посмотрел туда, он увидел... увидел то, чему суждено было отныне и навеки стать главной достопримечательностью Обимурска и всего Обимурского края.

Те три сопки, которые „с мягкой покатостью“... и зелень леса... и блеск многочисленных протоков и дыма дальних дождей... Все это вернулось, „картина“ встала в „рамку“, но... *вниз головой! Все было перевернуто: закат, и облака, и воды.*

И едва Шаров увидел это диковинное зрелище, как вспомнил, отчего ему таким знакомым показалось лицо человека, встреченного на лестнице. Это же самое лицо было изображено на вышивках!..

Шаров отвел взгляд от Обимюра, струящегося в облаках, и тихонько рассмеялся.

ПРОСТАЯ ТАЙНА

Рассказ

Среди ночи под окном вдруг громко фыркнул неведь откуда взявшийся грузовик. Ровный гул мотора наполнял комнату, заставляя дребезжать посуду в шкафу. Хлопнула дверца кабины, и сейчас же кто-то забарабанил в дверь подвала.

„Вот кретин“, — подумал Игорь, вставая и нащупывая ногой тапочки. На балконе было довольно свежо. Ежась от ночного холодка, Игорь перегнулся через перила и громко сказал в темноту:

— Эй, друг! Никто тебе не откроет — здесь подвал! Слышишь? Эта дверь давно заколочена, лет пятьдесят назад, наверное... Так что давай, не топчи своим кабrioлетом траву, а езжай домой и спать ложись!

От двери отделилась размытая фигура и вышла на свет. Это был молодой парень в кепке и расстегнутой до пупа рубашке. Он с интересом разглядывал Игоря.

— Заколочена, говоришь? Вот комики! Что же делать-то теперь? Выдергу бы, что ли... — Парень сдвинул кепку на нос и задумчиво почесал в затылке.

Вдруг раздался скрип, и на ступенях, ведущих к подвальной двери, заиграл тусклый, красноватый отсвет.

— Что стоишь? — прохрипел кто-то шепотом. — Быстро разгружайся!

Шофер кивнул и побежал к машине. Он забрался в кузов и стал скидывать на землю тяжелые ящики. На Игоря он не обращал больше ни малейшего внимания.

Из подвала, между тем, выскочили какие-то люди и утащили ящики один за другим внутрь. Когда работа была закончена, шофер подошел к подвальной двери, и тот же хриплый шепот произнес:

— В следующий раз, как приедешь, сразу начинай сгружать. Ломиться не надо. А тем более болтать.

— Так я ж думал, раз он тут живет...

— Кто живет? Где живет? Ты воображаешь, что говоришь?

— А-а, ну ясно... Только ведь он смотрит. И слышит, наверное. Или ничего?

— Тебя это не касается. Им займутся.

В комнате за спиной Игоря вдруг зазвонил телефон. Кому бы в такое время? Странно. А тут еще эти типы под балконом — о чем они болтают? Игорь нехотя вернулся в комнату, подошел к телефону и снял трубку.

— Да!

— Вампира вызывали? — прохрипел знакомый шепот.

— Что? — едва вымолвил Игорь, у него перехватило дыхание.

— А, испугался, верно? — прошептала трубка. — Ну шучу, шучу! Ты, кстати, почему не спишь-то? Погляди-ка, ночь ведь на дворе! В эту пору добрые люди спят и сны видят. Усек? Действуй!

Мягкая волна толкнула Игоря в грудь, он выронил трубку и попятился к кровати, на ходу проваливаясь в бездонную глубину сна. Где-то вдалеке проскрежетала и захлопнулась подвальная дверь...

Прошло уже немало времени с тех пор, как в цветущей долине среди неприступных гор собрались со всего света люди, знавшие о таинствах и самом устройстве Природы больше, чем весь остальной мир. Они съехались туда вместе с семьями и имуществом, в надежде обрести покой, необходимый для продолжения

их трудов, и дать отдых сердцам, израненным зрелищем нескончаемых кровопролитий, творящихся по всей земле.

Но мир не хотел оставить в покое бежавших от него. С каждым годом он все ближе подступал к укромной долине, сжимая свои окровавленные пальцы на горле сокровенной мысли.

И вот, когда уже казалось, что спасения нет, новая тайна открылась вдруг мудрецам, населявшим долину...

Фу ты, черт! Игорь поднялся на локте и оглядел комнату. Одежда лежала на полу. В лунном прямоугольнике у кровати аккуратно стояли тапочки. По-ночному громко отстукивал будильник, словно из всех сил старался подтолкнуть время к рассвету. Все было спокойно. Однако Игорь встал, внимательно оглядел комнату и направился к окну.

Приснится же такое, думал он. И, главное, абсолютно как наяву! Он мог бы поклясться, что видел минуту назад у себя под балконом новенький грузовик и парня в кепке и все остальное... если бы не одна маленькая деталь. Да-да, если бы не телефон. Ну в самом деле, откуда у него телефон? Нет у него никакого телефона. И никогда не было. А ведь он даже не удивился, услышав звонок! Нет, такое может быть только во сне!

Игорь вышел на балкон (там действительно было прохладно) и, перегнувшись через перила, постарался разглядеть подвальную дверь. Нет, не видно. Да и что там можно увидеть?

Игорь выпрямился и, сладко потянувшись, шагнул было обратно в комнату, но сейчас же сильным ударом в спину был отброшен в сторону и растянулся во весь рост на полу. Дверь на балкон захлопнулась позади него.

Как ужаленный, Игорь вскочил на ноги и вдруг заметил темный силуэт на фоне окна.

— Кто здесь? — хотел крикнуть он, но из горла вырвалось лишь неопределенное бульканье.

— Тс-с! — послышалось от окна. — Успокойся, прошу тебя!

Темная фигура приблизилась к Игорю и превратилась в девушку, стройную и наружности, кажется, приятной, если бы не странная, какая-то угловатая прическа, из-за которой он, собственно, и перепугался поначалу.

— Вы откуда? — спросил он теперь скорее с удивлением, чем со страхом.

— Издалека, — прошептала она, — или, вернее, снизу.

— Из подвала, что ли? — спросил Игорь. Насчет сна он уже не был уверен.

— Да, в том числе...

— Понятно.

Игорь вдруг вспомнил, что он в одних трусах, торопливо взял с кровати одеяло, задрапировался в него и, подойдя к столу, включил привинченный к полке фотографический фонарь, заменявший ему настольную лампу.

Девушка продолжала стоять посреди комнаты, осторожно осматриваясь. С первого взгляда на нее Игорь понял, что его гостя не просто весьма странная девица, но и явно нездешняя. Существенно нездешняя. А это значит...

Что это значит, было пока неясно, поэтому он только молча глядел на нее, придерживая одной рукой одеяло и лихорадочно соображая, что бы такое сказать, приличествующее моменту.

— Ты живешь здесь один, — произнесла она наконец.

Это не было вопросом, но Игорь ответил:

— Да.

— Сюда никто не приходит? — На этот раз она спрашивала, и видно было, что это не праздный интерес.

— Ну, как... приходят иногда, — ответил Игорь. Он решил перевести разговор на тему, которая его ин-

тересовала больше всего. — Вот, например, сегодня ты пришла, и мне теперь очень интересно, откуда и каким образом... И, кстати, что это за возня у нас в подвале?

— В подвале? Крысы, наверное. Больше никого там нет. Темно и тихо.

— Но ведь дверь в подвал только что кто-то открывал. Вот эту, под моим окном. Какие-то ребята затащили туда десяток ящиков, вошли сами и закрыли дверь за собой. Не заметила?

Господи, зачем он все это ей объясняет? Давно пора спросить, что ей здесь нужно, и как она сюда попала.

— Обычным путем.

— Что? — не понял Игорь.

— Я сюда попала обычным путем. И не понимаю, что здесь удивительного. У вас так не принято?

„У нас!“ — подумал Игорь.

— Да, — сказал он, закинув край одеяла на плечо, словно кутаясь в плащ, — у нас так не принято. У нас водится обычай подниматься по лестнице, звонить и входить в дверь.

— Бесподобно! — искренне удивилась девушка. — Но ведь это должно отнимать массу времени!

— Что поделаешь, — вздохнул Игорь, — предрасудки так живучи... Мне, например, как-то не по себе без фрака. Так что я, пожалуй, на минуту выйду, надену какие-нибудь штаны... э-э... брюки.

Он открыл шкаф, вынул джинсы и направился в прихожую — другими словами, за занавеску у двери.

— Ну так вот, — сказала девушка ему вслед, — здесь я и остановлюсь.

„Вот тебе раз! Остановлюсь! Да кто ты вообще такая, скажи на милость!“

— Сейчас не самое важное, кто я такая, — она снова угадала его мысли, — род мой знаменит древностью и могуществом, и нет в Светлом мире человека, которому было бы незнакомо имя принцессы Мариники... Да, но ты можешь называть меня Мариной. Я проживу у тебя день-два, здесь, наверху, мне нужно уладить кое-какие дела...

Игорь удивлялся сам себе. Вместо того, чтобы усадить эту девицу на стул и добиться все-таки от нее, откуда она сбежала и как забралась в комнату, он вот уже полчаса, разинув рот, выслушивает прозрачные намеки на ее экзотическое происхождение из какого-то банального фантастического романа. Пора, черт побери, сказать ей, чтобы перестала выставлять его дурачком, и вообще, по возможности быстро, сматывалась!

И вдруг он понял, что никогда этого не скажет. Девушка нравилась ему (со страшной силой!). Ее стройная, тонкая фигура, длинная шея, красивое лицо с большими умными глазами оказывали гипнотическое действие. Хотелось все бросить и посвятить жизнь созерцанию ее легких пальцев, мягких волос, а может быть, даже и ног, будто специально для этого созданных.

В таком состоянии Игорь готов был выслушивать любую ахинею, содействовать скорейшему установлению контактов с внемными цивилизациями и, если бы она потребовала, возмозно, отдал бы себя на нужды науки, изучающей земные организмы. К счастью, ни о чем таком речи пока не было.

— Мне понадобится твоя помощь, — сказала Марина.

— Именно моя?

— Да. Ведь ты, кажется, являешься хранителем знаний своего народа?

— Хранителем? — удивился Игорь. — Я? С чего ты взяла?

— Ну как же? — забеспокоилась Марина. — Разве ты не служитель храма Чудесного Механизма, который собирает знания со всего света?

Игорь задумался. А ведь она, пожалуй, права. Конечно, если отбросить всю эту допотопную терминологию и называть вещи своими именами. Он работает программистом в Институте информатики, в группе, ко-

торая создает международную библиотечную систему, и на этом основании, действительно, может считаться если не хранителем, то хотя бы каким-нибудь смотрителем знаний.

В эту группу Игорь попал по университетскому распределению и сейчас же стал ярким энтузиастом нового дела. Всем своим знакомым он рассказывал, как это удобно, когда миллионы книг хранятся в памяти ЭВМ в разных городах и странах.

— А откуда ты, собственно, знаешь, чем я занимаюсь? — спросил он Марину.

— Я видела твое имя в списках... Впрочем, это не важно. Мне удалось всех опередить, найти тебя, и этому уже никто не сможет помешать. К сожалению, здесь, наверху, я многого не понимаю и могу наделать ошибок. Никто не должен знать, кто я и откуда, тебе придется самому придумать что-нибудь правдоподобное.

Гм, правдоподобное! Игорь почесал в затылке. Если кто-нибудь из соседей, например, Леха Ушаков, или семейство Петревых, или, не дай бог, Светочка с Любочкой, узнают, что у него живет эта девушка, ни в какую тетю из Киева они, конечно, не поверят. И правильно сделают. Он бы тоже не поверил. Впрочем, от истины они все же будут далеки. К сожалению.

Неожиданно послышался деликатный стук в дверь. „Начинается“, — подумал Игорь и пошел открывать.

За дверью оказался Леха.

— Здравствуй, — сказал он, переминаясь с ноги на ногу, — к тебе можно?

— Заходи, — ответил Игорь, слегка удивившись. Не в ушаковских правилах было спрашивать на что бы то ни было разрешения.

Леха вошел и сейчас же принялся разглядывать комнату. Только теперь Игорь заметил, что одет он в свой лучший серый костюм „для парадного выхода“. Странный наряд для визита к соседу среди ночи.

— Ты что, из гостей? — спросил Игорь. Он обернулся, собираясь представить соседа Марине, но тут вдруг обнаружилось, что Марина куда-то пропала. Леха все озирался вокруг, словно напряженно прислушиваясь к чему-то.

— Да, — заговорил он наконец, — я вот по какому делу. У меня в плафоне перегорела электрическая лампа накаливания, что, конечно, не дало бы мне права тревожить тебя ночью, если бы не настоятельная необходимость выполнить срочную работу, требующую идеальных условий освещения...

Игорь смотрел на Леху, разинув рот. Что он плетет? Какая „лампа накаливания“? Уж не заболел ли парень? То, что он говорил, настолько не соответствовало его обычной манере, что Игорь, пожалуй, меньше бы удивился, если бы он шпарил все это по-французски.

Неожиданно Леха замолк, устремив взгляд в окно, и осторожно потянул носом воздух.

— Ты чего? — спросил Игорь испуганно.

— А что? — Леха посмотрел на него и вдруг тоже испугался. — Не так?

— Что не так? Ты откуда вообще?

— Й-а? — произнес Леха дрожащим голосом. — О-откуда же мне быть? Отсюда. Я.

— От себя, что ли? А чего тогда вырядился?

— Леха ощупал свой пиджак.

— Это я... Да. Это, чтоб теплее... Ты пока ищешь эту... я у тебя на балконе покурю, хорошо?

— Да чего искать? Есть у меня в столе запасная лампочка. Бери и мотай. Выспаться тебе надо, по-моему...

— Нет, нет! — вскричал Леха, пятясь от Игоря к балкону. — Я покурю. Я моментально. Доставай, доставай!

Игорь пожал плечами, подошел к столу, выдвинул ящик и вынул из него стоваттную лампочку.

— На, курильщик! — повернулся он к Лехе, но комната была пуста. Тогда Игорь вышел на балкон, но и там никого не было.

— Эй, Леха! Ты где?

Вместо ответа внизу тихонько скрипнула подвальная дверь. Что за чертовщина? Снова шутки из подвала? Игорь перегнулся через перила и прислушался. Тишина. Что же такое с Лехой? И где Марина? Ему никак не удавалось толково объяснить происходящее, и от этого на душе становилось все тревожнее.

Игорь вернулся в комнату и чуть не столкнулся с Мариной, притаившейся возле балконной двери.

— Где ты была? — спросил он почему-то шепотом.

— Здесь, недалеко, — ответила она, отступая и недоверчиво на него поглядывая, — спряталась на всякий случай.

— Это Леха Ушаков, — сказал Игорь, — сосед. Странный сегодня какой-то. Ты не знаешь, куда он делся?

— Знаю, — ответила Марина, продолжая разглядывать Игоря, — только это не Леха Ушаков.

— Как это — не Леха? Может быть, у меня бред?

— Тебе просто показалось.

— Но мы с ним разговаривали!

— Разговаривали. И он тебя сильно удивил...

— Так ты все слышала?

— А ты его страшно напугал.

— Да, действительно. Сначала он нес какую-то чушь, а потом, вдруг, до смерти чего-то испугался.

— Чего испугался? — спросила Марина, голос ее дрогнул, и Игорь заметил, как она напряглась, будто перед прыжком.

— Понятия не имею! Псих какой-то. Самая большая опасность, которая ему угрожала — сломать себе шею. Если, конечно, он на самом деле сиганул с балкона. — Игорь старался говорить как можно убедительней, и Марина понемногу успокаивалась.

— Значит, ты не знаешь, что могло его испугать? — спросила она, поборов волнение.

— Нет, конечно! Ну что во мне страшного?

Марина неопределенно пожала плечами, будто имела свое мнение на этот счет, и, глядя Игорю в глаза, медленно произнесла:

— А неизвестна ли тебе какая-нибудь тайна, с помощью которой ты мог бы захватить над ним власть?

— Над Лехой?

— Это был не Леха.

— Да вы что, с ума все посходили? Прекратите меня мистифицировать! Пришельцы-ушельцы! Я жаловаться буду! В комитет по летающим тарелкам...

— Можешь сходить к нему и спросить.

— А?

— Зайди к своему соседу и узнай, был он у тебя, или нет.

„А что, — подумал Игорь, — не так глупо. Поговорить с Ушаковым... Правда, если это розыгрыш... Ерунда! Лишь бы рожу его увидеть, а там все сразу станет понятно“.

— А ты снова не исчезнешь, пока я буду ходить? — спросил он.

— Постараюсь, — ответила Марина и наконец улыбнулась...

Игорь два раза громко постучал в дверь Лехиной комнаты, прежде чем изнутри послышались приближающиеся шаги. Щелкнул замок, и Ушаков предстал перед ним в одних трусах и с помятой со сна физиономией.

— Ты че? — пробормотал он, с трудом разминая правый глаз.

Только теперь Игорь спохватился, что не придумал, отправляясь к нему, никакого предлога, но решил все же довести проверку до конца.

— Тебе лампочка-то нужна еще? — спросил он.

Леха долго без выражения смотрел на него мутным глазом и наконец просипел:

— Ты достал уже меня, понял? Какие тебе в эту пору лампочки? Мне вставать в пять часов!

Дверь захлопнулась у Игоря перед носом, но он не

обиделся. Не до того было. До сих пор в глубине души он надеялся, что все объяснится как-нибудь просто и понятно. Теперь эта надежда рухнула. Оставалось либо уповать на помощь врачей, либо признать, что вокруг происходят вещи по-настоящему фантастические. Он посмотрел на часы. Да, поликлиника откроется еще не скоро...

— Все же, — сказал Игорь, вернувшись к себе, — я хотел бы, чтобы мне объяснили, что происходит. Я понимаю, вам всем не до меня, вы играете в космических шпионов. Но раз уж представление идет в моей квартире, имею я, черт возьми, право знать хотя бы, чего мне ждать дальше?

— Не горячись, — сказала Марина, — просто я пробралась сюда тайно и незаконно, надеялась, что этого никто не заметит. Но вышло все иначе — этот тип обнаружил меня еще, наверное, на нашей стороне, а догонять бросился просто с испугу. Подготовки у него никакой нет, видимо, он простой страж. Хуже будет, когда за мной пустят настоящих предотвратителей. Придется побегать.

Игорь невольно покосился в сторону балкона. Ему представились толпы предотвратителей, перелезающих через перила и вваливающихся в комнату. Тоска межпланетная...

Проще всего было не верить Марине, махнуть рукой на небылицы, которые она рассказывает, или заявить, что где-то читал нечто подобное. Вполне вероятно, что так бы он и поступил, не будь этого дурацкого эпизода с Лехой, не будь этой подозрительной истории с подвалом, и главное — того ощущения необычности и значительности происходящего, которое возникло у него при появлении Марины.

— А что ты, собственно, разыскиваешь? — спросил он.

Марина некоторое время задумчиво смотрела в окно, затем, словно решившись, повернулась к Игорю и нараспев проговорила:

— „В ненарушимую тайну был превращен этот страшный способ подчинения людей своей власти, Пришедшие в Светлый мир поклялись навсегда забыть его и детей своих воспитать в неведении...“ Примерно так это должно звучать в переводе на твой язык.

— Хм! Что-то не очень понятно даже в переводе на мой язык. А зачем...

Он хотел что-то спросить, но Марина вдруг замерла, и сейчас же раздался стук в дверь.

Игорь на мгновение почувствовал противную слабость в коленях и инстинктивно схватил Марину за руку. Она прислушивалась некоторое время, потом спокойно произнесла:

— Открывай. Это не они.

Игорь осторожно приблизился к двери, повернул ключ и сразу же отскочил назад.

В комнату вошел Леха. На нем была старая порывевшая штормовка, в которой он обычно выходил рано утром из дому, с тех пор, как устроился подрабатывать в детском саду дворником.

— Не спишь? — спросил он, проходя мимо Игоря, и сразу направился к холодильнику. — По мозгам бы тебе настучать, весь сон перебил... Чаю нету? А то у меня один зеленый остался.

Он открыл холодильник и стал с интересом приглядываться.

— В холодильнике нету, — сказал Игорь, постепенно успокаиваясь. Это был, конечно, настоящий Леха, вечно стреляющий у соседей заварку, еду и сигареты.

Он вынул из холодильника несколько яиц, затем перешел к шкафчику, насыпал чаю в кулак, ломанул батон и уже хотел было откланяться, как вдруг заметил Марину, сидящую в кресле.

— Ох, пардон! — воскликнул он и покосился на

Игоря. — Что-то я стал невнимательным, как вообще... На моей работе это недопустимо, вы как полагаете?

Он приблизился к Марине, разглядывая ее с нескрываемым восторгом.

— А вы где работаете? — спросила Марина.

— О, это маленькая тайна. — продолжал кривляться Леха. — Одно могу сказать, каждый раз перед выходом на задание я должен хоть полчаса побыть рассеянным, таким, знаете, чудачком. Никого не узнавать, пометчать про пустяки какие-нибудь. А без этого трудно...

Леха врал самозабвенно: Он считал, что всегда производит на женщин ошеломляющее впечатление. Но на этот раз он просчитался. Марину удивляло в нем совсем другое.

— Странно, — сказала она, — судя по одежде, ваше задание каждый раз заключается в том, чтобы перегонять с места на место пыль где-то в окрестностях. Непонятно, зачем вы делаете из этого тайну.

Леха, конечно, принял ее слова за откровенную насмешку. Он повернулся к Игорю и бросил на него взгляд, оставляющий впечатление удара в челюсть.

— У, трепло! Успел уже! — Однако полные руки продуктов помешали ему перейти к более решительным действиям. Пообещав зайти попозже, Леха быстро удался.

— Что это с ним? — спросила Марина. — По-моему, он обиделся. Что ему было нужно?

— Да ничего особенного. — Игорь пожал плечами. — Он просто старался произвести на тебя впечатление. Ты не обращай внимания, для него это естественная реакция, он вообще всегда проявляет повышенный интерес к женскому полу как явлению. А тем более... Должно быть, слегка обалдел в первую минуту, увидев тебя. И я его где-то понимаю...

Кстати, он в нашем институте техником работает, чинит, как ты выражаешься, „Чудесный Механизм“...

— Чудесный Механизм, — повторила Марина задумчиво. — Странно. По-моему, его интересует совсем другое. Впрочем, это, может быть, к лучшему...

Однако поговорим наконец о деле: я надеюсь, ты не откажешься помочь мне и тем, кто ждет моего возвращения?

— Как же, как же, — Игорь улыбнулся. — „Мы надеемся с вашей помощью поразить врага. Я дам вам парабеллум“.

— Что? — Марина посмотрела на него с испугом.

— Ничего. Это я цитирую одну старую мудрую книгу. „Двенадцать стульев“. Не попадалась?

— Нет. У нас ваши книги запрещены.

— Ясно. Так что же может спасти гиганта мысли? Я имею в виду, что мы теперь будем делать?

Игорь старался острить, хотя видел, что Марина его шуток не понимает. Они, скорее, должны были скрыть от нее терзавшие его сомнения. Он вовсе не был уверен, что в этом щекотливом деле нужно спешить с помощью.

— Что делать, я сама плохо представляю, — сказала Марина, — может быть, Чудесный Механизм откроет мне Тайну, а может быть, он и вовсе не понадобится — у нас говорят, что стоит попасть сюда, и Тайна сразу окажется в руках. Нас ведь оберегают от малейшего контакта с вашим миром, и, надо полагать, неспроста. Тайна должна быть где-то на поверхности, на виду, я думаю, она и тайной-то не считается у вас.

— А зачем она тебе понадобилась? — спросил вдруг Игорь. — Ты собираешься кого-то подчинять „страшным способом“?

— Нет, — сразу ответила Марина. — Ты не понимаешь. Во-первых, я не одна, нас много — тех, кто считает себя вправе знать любые тайны и добиваться уничтожения всех привилегий клана предотвратителей. Мы не боимся истины и не нуждаемся в защите от нее.

Во-вторых, мы вовсе не собираемся применять

этот способ, каким бы он ни был, нам важно лишь не допустить, чтобы его применили к нам. Мы больше не верим предотвратителям и не можем мириться с тем, что они владеют Тайной одни, это не просто несправедливо — это опасно! Пока не поздно, нужно восстановить равновесие сил — вот и весь наш план, и только ради этого я здесь.

Игорь слушал ее задумавшись. Слова Марины не рассеяли всех его опасений, но он все же решил попытаться помочь ей. В библиотечной системе никогда ничего секретного не было, информация будет проходить через него — с этой стороны, пожалуй, не ожидается ничего непредвиденного. Главное — не прохлопать ушами и самому разобраться, что это за Тайна, о которой у нас знают все, а у них — никто.

— Хорошо, — сказал он наконец, — заседание продолжается. Когда ты хочешь поговорить с Чудесным Механизмом?

— Сейчас! — выпалила Марина. Глаза ее загорелись.

— Хм, сейчас! — Игорь посмотрел на часы. Было все еще около пяти. — В принципе можно и сейчас... — продолжал он. — Только придется лезть через забор. Ты как? Ах, да! Прощу прощения, я и забыл, что ты ходишь сквозь стены... Ну, тогда вперед!

Они уже выходили из комнаты, когда Марина вдруг остановилась перед зеркалом.

— Кстати, — сказала она, — я, наверное, дико выгляжу по здешним понятиям. Как бы мне так изменить внешний вид, чтобы не слишком выделяться в толпе?

Игорь посмотрел на ее короткое, скошенное по подолу платье, на сандалии, поддерживаемые ремешками, оплетающими ногу почти до колена, на пышные волосы, высоко вздымающиеся над головой и веером рассыпающиеся по спине, и... пожал плечами.

— Знаешь, — сказал он, — не надо ничего менять. У нас сейчас еще и не так ходят...

— Спасибо, — вздохнула Марина, — утешил!

Настоящий программист работает, в основном, ночью, когда никто не собирает членские взносы, не проводит собрания по поводу укрепления трудовой дисциплины и не обсуждает последнее поражение любимой команды. В эти часы он один распоряжается всеми ресурсами вычислительной техники и создает бессмертные шедевры программирования, которые и записывает со спокойной душой на магнитную ленту, без остатка стирая бухгалтерский расчет заработной платы...

Сев за терминал, Игорь почувствовал себя гораздо уверенней. За окном едва начинало светиться пасмурное серое утро, до начала рабочего дня оставалась еще масса времени, и можно было, не торопясь, разгадать все тайны вселенной. Марина сидела рядом в кресле и смотрела на него с надеждой.

Вопреки ожиданиям, на пыльном экране Игорю открылась унылая картина: машина была безнадежно загружена, нечего было и думать запустить даже самую безобидную программку. Мало того, какой-то наглец, сидящий, как видно, в машинном зале, занял все пространство на его личном магнитном диске, чего никогда себе не позволил даже самый разнузданный оператор.

В гнев погнав клавиши, Игорь послал ему сообщение: „Отдай диск“, но ответом было лишь презрительное молчание. Ну, хорошо же. Игорь поднялся со стула, сказал Марине: „Я сейчас“ — и уже направился, было, к двери, как вдруг терминал тихонько пискнул, и на экране появилось послание из машинного зала: „Не ходи“. Игорь усмехнулся. Печенкой чувствует, паршивец, что близится расплата. Но пару отеческих сказать ему все-таки надо, заодно проверить междугородную связь...

В длинном сумеречном коридоре стояла гулкая тишина. Растения на подоконниках смиренно кивали

свежим порывам утреннего сквозняка. Игорь свернул на лестницу и стал подниматься на третий этаж. В этот момент ему показалось, что впереди мелькнула какая-то тень, послышались легкие шаги и тихий плеск. На площадке второго этажа он остановился, потому что всю лестничную клетку занимала обширная лужа. Посреди нее стояла старуха-уборщица и, стараясь не глядеть на Игоря, усердно работала шваброй. В полумраке она казалась горбатой и ужасно древней, Игорь никогда раньше ее не видел.

— Что же вы в темноте-то мучаетесь, можно ведь свет на лестнице включить! — заботливо сказал он.

Бабка зыркнула на него через плечо и пробормотала что-то вроде: „Я твою дела не касаюсь, и ты мово не касайся“.

— Ну, смотрите, — Игорь пожал плечами, считая, что проявил достаточно заботы и может продолжать путь. — Как бы мне тут пройти?

— А никак! — ответила бабка, не оборачиваясь. — Домой иди, неча по конторе шататься. Работаете, когда бог на душу положит... А на то время есть отведенное!

Вот ведьма. Ну да что с ней говорить! Игорь ухватился за перила и вмиг перелез на следующий пролет. Столь решительных действий старушка явно не ожидала.

— Куда ты? — растерянно спросила она и, спохватившись, заголосила: — А ну, стой! Стой, тебе говорят; алкемант треклятый!

Но он, даже не особенно торопясь, продолжал подниматься по лестнице.

Видя, что его не остановить, старуха вдруг заложила в рот два пальца и так свистнула, что лужа на полу покрылась мелкой рябью.

Придя в себя, Игорь обнаружил, что стоит на площадке третьего этажа и держится за сердце. Чуть в гроб не загнала, шальная старушечка! Небось, из собеса за хулиганство выгнали...

Немного отдышавшись, он вышел в коридор и отправился в машинный зал. К его удивлению, там никого не оказалось, машина в ожидании хоть какой-нибудь работы горела огоньки по индикаторной панели, диск был свободен от всего лишнего.

Игорь уже начал думать, что виноват, возможно, терминал, как вдруг за его спиной кто-то громко чихнул. Игорь обернулся и увидел высокого мужчину в черном костюме и шляпе. Встретившись с ним взглядом, тот зачем-то поспешно сунул руки в карманы и сейчас же, не удержавшись, снова чихнул, однако рук не вынул.

— Извините, — сказал он чуть простуженным, но приятным баритоном, — здесь такой сквозняк.

— Это кондиционеры, — ответил Игорь, — для охлаждения. А вы здесь давно?

— Я? М-м... — Он поморщился. Видно было, что ему очень неприятно врать. — Нет, я только что... Шел в комнату, попал в другую... Не скажете, где здесь Щукина кабинет?

— Налево по коридору. Третья дверь.

То, что он знает Щукина, немного успокоило Игоря. Чудак какой-то. И наряд шутовской, особенно эта шляпа... Ну прямо шпион! Неужели вот так и выглядит предотвратитель? Да нет, просто, наверное, приезжий... К Щукину откуда только не едут.

Странный гражданин между тем, не вынимая рук из карманов, раскланивался.

— Огромное вам спасибо! Весьма был рад побеседовать. Сразу видно специалиста...

Он подошел к двери и, открыв ее, обернулся.

— Кстати! Мне, может быть, в скором времени понадобится консультация по некоторым вопросам, находящимся в вашей компетенции. Не согласитесь ли вы...

Он не договорил и, проследив за взглядом Игоря, посмотрел на свою руку. Сразу же вслед за этим

дверь захлопнулась, и Игорь остался один. Некоторое время ему никак не удавалось справиться с дрожью в ногах, наконец, немного овладев собой, он приблизился к двери. На краске возле дверной ручки хорошо были видны свежие царапины, оставленные страшными когтями незнакомца...

„Господи! — с тоской подумал Игорь. — Это же не люди! Это жуть какая-то, нечистая сила! И старуха на лестнице... Наверняка она заодно с этим чудовищем, — он содрогнулся, снова представив только что виденную картину. — Ох! Да что же это я тут стою? Марина ведь там одна!“ Он рванул дверь и, выскочив в коридор, сломя голову бросился назад, в свою комнату. На лестнице никого уже не было, только лужа слабо поблескивала в свете разгоравшегося угра.

Однако комната тоже оказалась пуста. Игорь ворвался в нее и остановился на пороге, растерянно озираясь по сторонам. Неужели Марина уже попала в лапы этого монстра? Что же теперь делать?

Он подошел к терминалу и вдруг заметил выглядывающий из-под клавиатуры уголок листка. Игорь взял его и развернул, на листке неуверенным детским почерком было написано:

„Здесь ничего не выйдет. Чудесный Механизм под их надзором. Мне придется скрываться на некоторое время. Постарайся быть весь вечер дома. М.“

Игорь перечитал записку еще раз и спрятал ее в карман. Что ж, по крайней мере, Марина не попала в ловушку и вечером, возможно, снова будет у него. А до тех пор? Интересно, где она скрывается. Пожалуй, надо сходить домой, вдруг она там?

Но Марины не оказалось и там. Игорь, бжавший почти всю дорогу до дома, усталое опустился в кресло, чтобы отдышаться. Невероятные события этой ночи кружились у него в голове какой-то бесконечной каруселью. Он вспоминал их, одно за другим, снова и снова, пока глаза не стали сами собой закрываться, голова отяжелела, опустилась на грудь, и им, наконец, овладела сладкая утренняя дрема...

... Новая тайна открылась вдруг мудрецам, населявшим долину. Они создали новый мир, нигде не пересекающийся с миром уже существующим, и назвали его Светлым, и удалились в него навеки.

Они искали покоя и отдыха и нашли его, ибо Светлый мир был абсолютно пуст. Тогда, рассеявшись в нем, они наполнили его лесом и горами, реками и морями, каждый по своей прихоти, и уединились в своих излюбленных местах семьями и поодиночке...

Будильник зазвенел прямо над ухом. Игорь вздрогнул и открыл глаза. Сначала он очень удивился, обнаружив себя не в постели, а в кресле и, вдобавок, совершенно одетым. Затем его мысли занял только что виденный сон, и даже не виденный, а всего лишь слышанный, потому что в памяти остался только голос, нараспев рассказывающий какую-то диковинную историю. Вернее, продолжение диковинной истории, потому что начало ее Игорь слышал когда-то раньше, кажется, в другом сне... И, вместе с тем, его не покидало ощущение, что сны эти должны быть как-то связаны с Мариной.

Марина! Что с ней? Где она сейчас? Ничего не известно. Игорь поднялся и подошел к окну. Он долго задумчиво глядел на улицу, по которой торопились на работу прохожие. Оставалась одна надежда — на вечер. Марина еще должна у него появиться...

Придя на работу, Игорь узнал, что руководитель проекта Эдуард Леонидович Щукин собирает всю группу на совещание. Когда операторы, лаборанты, инженеры и программисты собрались в тесном, забитом книгами и бумагами кабинете начальника, тот снял все три телефонные трубки с аппаратов у себя

на столе и заговорил:

— Ну, так, ребятки. Имею вам сообщить, что работа наша переходит в новую стадию. Мы приступаем к опытной эксплуатации системы. А потому велю: никого из посторонних к работе с системой не допускать; выдачу любой информации заказчикам, распечатку текстов и магнитные записи производить только с моего личного разрешения. Ответственным за режим эксплуатации назначается товарищ Буканов. Вопросы?

— А что это вдруг такие строгости? — спросил один из инженеров.

Щукин указал пальцем в потолок.

— Есть указание. Подписан контракт с четырьмя фирмами. Теперь малейшее нарушение с нашей стороны, и они нас разденут до мяса, ясно? Учитесь торговать! Еще вопросы? Нет вопросов? Тогда по местам, гвардейцы!

Все разбрелись по своим комнатам.

„Что это, — думал Игорь, усаживаясь за терминал, — простое совпадение? Почему Щукин именно сегодня запретил работать с системой?“

— По-моему, контракт здесь ни при чем, — неожиданно сказал сидевший за соседним столом Славик, — просто он взялся на меня за то, что я распечатал „Энциклопедию фантастики“ Шалиндейла. Но как же ее можно было не напечатать? На кой черт тогда вообще нужна эта библиотечная система!

— Нет, это он не из-за тебя, — сказал лаборант Серега, — это из-за мужика, который вчера вечером приходил.

— В черном-то? — подхватил Славик. — Я его тоже видел. Чудик какой-то, в такую жару — в перчатках и в шляпе!

— В перчатках? — переспросил Игорь. По его спине пробежал холодок.

— Ну да. Теплые черные перчатки и здоровенная шляпа. Зачем она ему?

Склонившийся над схемой и молчавший до сих пор Коля вдруг усмехнулся странно и произнес:

— Без шляпы этому типу нельзя.

— А ты его знаешь?

— Да, он еще вчера утром приходил, а я как раз сидел у Эдика в кабинете. Заказчиком нашим будет, опытным эксплуататором, так сказать. Зовут его Бермудский Лев Бенедиктович, мужик он, вроде, умный, веселый, но рассеянный. Он когда с Эдиком прощался, по рассеянности шляпу этак небрежно приподнял. Знаете, что у него под шляпой?

— Лысина, — хмыкнул Серега.

— Микропроцессор, — сказал Игорь. Голос его дрогнул.

— Нет. — Коля покачал головой. — Рога.

— Иронизируешь? — спросил Славик.

— Почему же? Как говорится, чтоб я сдох.

— Ну и как ты к этому отнесся?

— А мне что? Это Эдькин знакомый, а не мой, пусть хоть огнем дышит.

— Ну, кроме шуток, — заволновался Игорь, — ты можешь рассказать, как это было?

— Кроме шуток — пожалуйста. Сейчас я думаю, что мне это просто показалось, или волосы у него дыбом, мало ли что? Ну а тогда, признаюсь, слегка обалдел. Однако смотрю — Эдик ничего, ну и я ничего, молчу. А что прикажете делать? Молитвы читать я не собираюсь, да и не знаю ни одной, а вилами его уязвлять, простите, воспитание не позволяет...

— М-м... да-а... — задумчиво протянул Славик, и на этом разговор угас.

Игорю очень хотелось поделиться с кем-нибудь, рассказать о своих ночных приключениях, но, во-первых, он понимал, что никто ему не поверит, а во-вторых, ему то и дело вспоминался Леха. Не настоящий, а тот, который приходил за „лампой накаливания“.

„Кому расскажешь? — с тоской думал Игорь. — Тут, может, предотвратитель на предотвратителе сидит и предотвратителем погоняет...“ Он тяжело вздохнул и уткнулся в бумаги.

Игорь частенько засиживался на работе допоздна, но в этот день у него не хватило сил отсидеть даже положенное время. Часов в пять он спустился в холл института, с задумчивым видом прошел мимо вахтера, но оказавшись на улице, сейчас же бегом припустил домой.

Марины еще не было. От нечего делать он хорошенько прибрался в комнате, состряпал из оставшихся в холодильнике продуктов ужин и сварил кофе, после чего сел на диван и стал ждать. Время тянулось необычайно медленно. Несколько раз он вскакивал, подходил к двери и, открыв ее, выглядывал в коридор, но это ничего не дало. За окном сгушалась тьма, по небу ползли тяжелые тучи, где-то вдалеке громыкнуло, неуверенно закапал дождь и скоро прекратился, но светлее не стало. Игорь включил фонарь над столом, снял с полки книгу и невидящим взглядом уставился на страницу. „Полиция, как всегда, опаздывает“, — прочитал он раз десять. Полиция. Опаздывает. Как всегда. Как всегда. Нет, невозможно! Он отшвырнул книгу, и вдруг постучали в дверь.

Игорь вскочил и бросился открывать, но это была не Марина. В комнату, ухмыляясь чему-то своему, вошел Леха. Снова Леха. Как всегда. И, как всегда, вовремя.

— Ну? — спросил Игорь и не стал закрывать дверь, чтобы Леха сам понял, что он ненадолго.

— Ты че кислый? — отозвался сосед, не желая ничего замечать. Он снял крышку с кофейника и, закатив глаза, вдыхал аромат. — Гостей ждешь?

— Никого я не жду! — буркнул Игорь. — Делами занимаюсь.

Он опасался, что Леха начнет выяснять, какими именно делами он занимается, но тот только еще раз ухмыльнулся и вдруг, понизив голос, спросил:

— А эта, что у тебя сегодня утром была, она кто вообще?

— А тебе зачем?

— Ой, да брось ты! Что я, съем, что ли? Ну, скажи просто: „моя“ — и все. И вопросов нет. Ну? Да?

— Слушай, что ты привязался? Родственница она мне, понятно? Троюродная тетя из этого, как его...

— Ну? Ну? — не унимался Леха. — Откуда?

— Тьфу! Из Моршанска! — выпалил Игорь первое, что пришло в голову, и только потом сообразил, что снова цитирует Остаса Бендера.

— Как говоришь? Из Моршанска? — насмешливо повторил Леха. — Ну ладно. Не хочешь — не надо, черт с тобой. Пойду я, некогда мне...

И по-прежнему загадочно ухмыляясь, он направился к двери.

— А гости? — это хорошо, — сказал он, обернувшись к Игорю, — ты развлекай их как следует, а то рожу у тебя что-то больно скучная, еще разбегутся...

Игорь закрыл за ним дверь и вернулся на диван. От лежиного визита у него осталось какое-то нехорошее впечатление. Чему он все время ухмылялся? И Марины все нет... Не случилось ли с ней чего-нибудь? Он вот сидит здесь, а ей, может быть, требуется помощь. Но куда бежать, когда она сама написала — быть дома весь вечер. Значит, надо ждать. Надо уметь ждать, черт возьми!

Игорь встал и заходил по комнате. Подойдя к окну, он в сотый раз за сегодняшний вечер выглянул на улицу и вдруг замер: там, среди деревьев небольшого скверика за дорогой, мелькнуло знакомое платье. Марина!

Но почему она удаляется? Может быть, забыла, в каком доме он живет? Э, да она не одна! Кто же это с ней?

Игорь выбежал на балкон и стал всматриваться вдаль. Рядом с Мариной, широко жестикулируя, шел гривастый парень в джинсах и кожаной куртке с металлическими заклепками. Да ведь это же Леха! Точно в таком же наряде он только что заходил к Игорю. Ну конечно, Леха! Это его свисающие венником патлы, его манера, размахивая руками, заливаясь перед девочками соловьем. Надо догнать их! Надо спросить у нее, пусть объяснит, почему... Почему Леха? Что она в нем... Да нет, не в этом дело, просто...

„А ведь все действительно просто, — подумал вдруг Игорь, — я был нужен ей; как смотритель Чудесного Механизма, а теперь от меня никакой пользы. А Леха... у него масса друзей, знакомых. В плане общения он гораздо перспективней. А ведь ей только это и нужно...“

Он глядел им вслед, пока они не скрылись за углом, потом вернулся в комнату. Мавр сделал свое дело... Ладно! Бог с ними обоими. Он хотел было приняться за ужин, но тут новая мысль пришла ему в голову.

А что, если это совсем не Леха? Что если Марина попалась, и теперь ее ведут куда-нибудь... Ну, куда? На казнь? На пытку? Подумать страшно! А он спокойно посмотрел на нее с балкончика и пошел закусывать!

Нет, что бы там ни было, ее нужно догнать. Обязательно догнать! Через минуту он уже бежал по улице. Судя по всему, Леха с Мариной направлялись в сторону Центра Развлечений, туда, где по вечерам собирались веселые компании молодых людей — сплошь Лехиных знакомых.

В большом парке на пересечении двух главных проспектов города зазывно сияли витрины магазинов и магазинчиков, ресторанов, кафе, двух баров с дискотеками и молодежного клуба с кинозалом. Здесь вовсю кипела жизнь. По ярко освещенным аллеям людские потоки перетекали от одного увеселительного аттракциона к другому. Где-то вдалеке вздыхал об ушедших днях духовой оркестр, на площади перед клубом поклонники „тяжелого металла“ слушали шлягер сезона в исполнении местной группы с импортным названием „PI LORAMA“.

Очень скоро Игорь понял, что найти в этом месиве Марину и Леху будет нелегко. Расспросы знакомых заведомо парка ни к чему не привели: никто Ушакова не видел, да особенно и не жаждал увидеть. Игорь заглядывал в лица встречаемых, обошел оба бара и все магазины, осмотрел сквозь стекло ресторанные залы (свободных мест в них никогда не было, наверное, потому, что там всегда сидели одни и те же люди. Остальные считались посторонними и внутрь не допускались совсем). Побродив по аллеям часа два без всякого результата, он вдруг вспомнил, что не сделал самого главного и разумного — надо было сразу же постучать к Лехе! Если он дома и знает ничего не знает, значит, с Мариной действительно стряслась беда. А, растаял!

Игорь заспешил назад, расталкивая прохожих, выбрался из парка и скоро, покинув шумные центральные улицы, оказался в своем тихом старом районе. Прохожие попадались здесь редко, улица, по которой он шел, была освещена кое-как. Справа поднимался гигантский, наполовину оголенный скелет здания, возводимого на месте стоявших здесь когда-то развалюшек.

До дома оставалось совсем немного, когда впереди вдруг послышались торопливые шаги, и, из-за угла показалась высокая темная фигура в шляпе. Игорь в ужасе застыл — навстречу ему шел тот самый чудовищный незнакомец, которого он видел сегодня утром в институте!

Не помня себя от страха, Игорь бросился бежать, перемахнул через попавшийся ему на пути забор, ушиб

ногу о торчащую из земли железяку и только тогда сообразил, что попал на стройку. Этого еще не хватало! Конечно, нужно было бежать к людям, а здесь его могут в два счета загнать в угол, придушить, и никто этого не увидит... Но исправить ничего уже нельзя было, из-за забора доносился приближающийся топот. Игорь, перепрыгивая через лужи, побежал прямо к зданию.

В гулкое обширное помещение на первом этаже падал свет прожектора, висящего на столбе у ворот стройплощадки. Игорь увидел длинную, сколоченную из досок лестницу, ведущую куда-то вверх. Она нависла над черным провалом, огороженным веревкой. В противоположной стене виднелся ряд прямоугольных дверных проемов. Куда спрятаться? Снаружи послышался плеск и чавканье мокрой глины. Раздумывать некогда!

Игорь, ухватившись за поручень, стал подниматься по лестнице. Она ходила под ним ходуном. Оказавшись на втором этаже, он обернулся. Как бы ее столкнуть? Если бы это удалось, лестница полетела бы прямо в провал, и никто не смог бы поставить ее на место. Игорь огляделся и обнаружил у стены обрезок толстой доски. Пользуясь им, как рычагом, он стал раскачивать лестницу, и она постепенно сползала к краю плиты, на которую опиралась. Скорей! Еще! Ну вот, теперь она держится буквально на волоске. Последний толчок, и... Игорь уже занес было ногу, но вдруг передумал. Да, да, так даже лучше. Если лестницы не будет совсем, этот тип, пожалуй, обойдется и без нее. А так, может быть, и попадется.

Но скорее дальше! Нужно найти укромное место, отсидеться, переждать, привести мысли в порядок...

По короткому прямому коридору Игорь проскользнул в большую зал, а оттуда — в боковую комнату, оконный проем которой выходил прямо на сквер. За деревьями виднелась крыша серого пятиэтажного дома. Его дома. До забора здесь было совсем недалеко, вдобавок прямо перед окном откуда-то свисал толстый кабель. Игорь попытался дотянуться до него, но не смог. Рискнуть допрыгнуть? Он сделал три шага назад, и вдруг тяжелая рука легла на его плечо. Холод этой руки пронизал все тело Игоря и словно приморозил его к полу. Он попытался закричать, но ни звука не вылетело изо рта. Стылый ужас схватил его за сердце, но в тишине вдруг раздался спокойный, даже проникновенный голос незнакомца:

— Не бойся! Я не причиню тебе вреда. Только выслушай меня, и я сразу уйду!

Незнакомец убрал руку и появился на фоне окна, но Игорь все еще не мог шевельнуть ни одним пальцем.

— Не бойся, — повторил незнакомец, — после моего ухода это сразу пройдет. Но сейчас ты должен все хорошенько запомнить и понять. И еще: у меня нет времени на доказательства. Я прошу мне поверить, потому что сам доверяюсь тебе. Сейчас мы должны верить друг другу — только в этом спасение для Светлого мира, а может быть, и для вашего тоже.

Итак, вот тебе правда: мы действительно преследуем Маринику. Мы — предотвратители, особый клан в народе, населяющем Светлый мир. На протяжении сотен лет и до самого последнего времени в наши обязанности входило ограждать свой народ от всяческих контактов с вами. Миры наши нигде не пересекаются, но у них есть точки соприкосновения, их-то мы и должны были охранять. Поколения за поколениями рождались и умирали, не зная правды о своей истории и о Тайне, из-за которой их предки покинули этот мир, и мы, ее хранители, уже думали, что так будет продолжаться вечно. Но, по-видимому, это невозможно. Люди изменяются с веками, рано или поздно они узнают именно то, что наиболее тщательно от них скрывали. Тот, кто думал, что направляет их, вдруг теряет

их доверие, и тогда все, что им было создано, рухнет в один день.

Мы и сами почувствовали, что время это приближается, поняли, что сохранять Тайну больше нет возможности, и стали готовиться к тому, что она будет раскрыта. План наш был таков: понемногу приоткрывая занавес, рассказывать народу о нашем мире, подготавливать умы к трезвому восприятию мысли, чуждой им по самой их сути. Ты видел ящики, которые переправляются отсюда к нам, — это ваши книги, до сих пор они были запрещены, как величайшая опасность для Светлого мира, и только теперь их увидят и узнают у нас. И все же мы опоздали.

О существовании Тайны узнали несколько человек, считающих, что высокое происхождение дает им право на любые привилегии, в том числе и на те, которыми пользуются лишь предотвратители. Они потребовали раскрытия им Тайны и, получив отказ, немедленно сколотили партию своих сторонников и стали разжигать недовольство в народе. Им удалось привлечь на свою сторону немало светлых голов и знатных имен, в том числе и принцессу Маринику.

Эта девушка считает, что борется за свое право, и не собирается воспользоваться Тайной, какой бы она ни была. Но Мариника не одна, за ее спиной люди, жаждущие власти в Светлом мире. Если Тайну узнает весь народ, он испытает потрясение, но устоит. Однако если Тайной завладеет могущественная, стремящаяся к власти партия, она не замедлит ею воспользоваться и воспользуется, конечно, в собственных интересах.

Поначалу, узнав, что Мариника проникла сюда, мы пытались создавать препятствия на ее пути, даже запугивать тех, с кем она встречалась. (Признаюсь, с моей стороны это была нелепая выходка, но чего не натворишь в спешке!) Позже я осознал, что все это бесполезно, рано или поздно она узнает, в чем заключается Тайна, это поразит ее, возможно, приведет в отчаянье, и в таком состоянии она может вернуться к своим и все им выложить.

И я понял, что должен обратиться к вам, людям, живущим здесь. Вы опасны, вы очень опасны для нас, но более всего вы опасны своим неведением... И вот я, Хранитель Ворот Светлого мира, обращаюсь к тебе и говорю: принцесса Мариника должна быть задержана. Ради этого я даже готов открыть Тайну. Ей и тебе. У себя дома ты найдешь письмо. Прочти его. Первые строки покажутся тебе знакомыми, я попытался рассказывать тебе эту историю в снах, но не успел. Дай прочесть это письмо Маринике, ей известна из него лишь одна фраза. А когда она узнает всю правду, попытайся объяснить ей, что владеть такой Тайной должны либо все, либо никто. Надеюсь, она поймет...

Вот и все, что я хотел сказать тебе. Прости меня за страх, выпавший на твою долю, и за насилие над твоей волей. Прощай!

Незнакомец повернулся и вышел из комнаты. Шаги его гулко раздавались в зале, затем глухо и коротко в коридоре, и чем дальше он удалялся, тем слабее становилась сила, удерживавшая на месте Игоря.

Он уже набрал полную грудь воздуха, чтобы крикнуть: „Постой!“, как вдруг послышался отдаленный грохот, эхом прокатившийся по всему зданию.

Игорь схватился за голову. „Что я наделал!“ Он бросился бежать, на ходу размазывая по щекам брызнувшие вдруг из глаз слезы. Так и есть, лестница в конце коридора исчезла! Игорь застонал и, встав на колени, посмотрел вниз. Черный квадратный проем в полу первого этажа глянул на него бездонной пропастью. И в эту пропасть он только что столкнул доверившегося ему человека! — Игорь вскочил и заметался по коридорам и комнатам. Наконец ему удалось найти безопасный спуск на первый этаж, а затем и лестницу,

ведущую в подвал. Спускаясь по ней, он наткнулся рукой на выключатель и зажег свет. Теперь здесь было светлее, чем наверху. Игорь быстро определил, в каком направлении идти, и скоро отыскал тесное, выложенное кирпичом помещение с квадратной дырой в потолке. Он сразу увидел черную фигуру, лежащую на полу среди обломков лестницы. Человек не шевелился, из уголка губ у него стекала тонкая темная струйка. Игорь склонился над ним и тронул за плечо. Веки незнакомца дрогнули, он открыл глаза и пробормотал несколько слов на незнакомом языке, потом словно вспомнил о чем-то и посмотрел на Игоря.

— Ты... понял? — прошептал он. — Вот в этом и дело... В этом... разница...

Глаза его вдруг расширились, голова неестественно вывернулась, руки зашарили по земле.

— Останови ее... — вырвалось у него из горла. — Не дай...

Он замолк на полуслове и вдруг на глазах у Игоря стал таять, превращаясь в белесую, быстро исчезающую дымку. Через минуту от него ничего не осталось...

„Что он имел в виду? — думал Игорь, приближаясь к дому. — В чем разница? Между чем? Что я должен был понять? Он так говорил, будто не ожидал от меня ничего другого... Письмо! В письме должен быть ответ...“

Но сначала он постучал к Лехе. За дверью было тихо. Неужели еще не вернулся? Он дернул за ручку, и дверь вдруг легко распахнулась. Игорь остолбенел: вместо лехиной комнаты перед ним был сад с троическими растениями, пестрыми попугаями на ветвях и дорожками из мрамора. Высокая стеклянная крыша нависала над пальмами, сквозь нее било яркое полуденное солнце. Из глубины сада доносилась музыка, журчание воды, звонкий разноголосый смех и неmelодичный гогот, явно ушаковского тембра.

После всего, что сегодня произошло, Игорь был уже не в силах удивляться. Он просто пошел по дорожке на голоса и скоро увидел любопытную картину: несколько девушек в сведенных до минимума нарядах танцевали на поляне вокруг мраморной ванны, наполненной прозрачно-голубой водой. В ванне сидел Леха. Он вертел головой и время от времени вынимал из воды руку, чтобы схватить одну из танцовщиц. И ему, и девушкам это доставляло массу удовольствия, они хохотали до упаду.

Выйдя из под сени пальм, Игорь направился прямо к ванне. Леха, увидев его, страшно смутился, поспешно щелкнул пальцами, и волшебный сад вместе с девушками, вдруг пропал. Они снова были в комнате. Оставшаяся мокрые следы, Ушаков подошел к стулу, снял висевшее на спинке полотенце и обмотал его вокруг бедер.

— Ну, чего ты влამываешься? — заорал он, видимо, вернув себе вместе с полотенцем самообладание.

— Где Марина? — спросил Игорь.

— Какая еще Марина? — Леха пожал плечами, но, глянув Игорю в лицо, не выдержал:

— Ах, Марина! Так она ушла куда-то... И вообще, что ты ко мне привязался? Откуда я знаю, где твоя Марина? Помыться мне не дадут спокойно... — он попытался было оттеснить Игоря к двери, но тот толчком усадил его на стул.

— Где вы с ней были?

— А что? — Леха с опаской поглядывал на кулаки Игоря. — Ты же сам сказал — родственница. Что уж, теперь и словом не перемолвись?

— Где вы были?

— Ну чего ты? В парк мы сходили, я ей показал, где у нас что, в кино зашли...

— В кино?

— Да. А что такого? Культурная программа. Она са-

ма просила, ей-богу! Я ж никогда не навязываюсь, ты меня знаешь...

— А потом?

— Потом?

— Да, после кино?

— Э-э. Тут, понимаешь, такая штука вышла. В кино-то мы до конца не досидели. Что-то я не понял даже, не понравилось ей, что ли? Так кино, вроде, хорошее, с вырубками. „Убрать первым“ называется, не смотрел? У-у! Наше, правда, но не хуже штатовского... Ну вот. Как только он начал их „мочить“, она, смотрю, глаза вылипла и замерла. Потом вдруг схватила меня за рукав, да как заорет на весь зал: „Что это он с ними делает?!“ Ну, я ей говорю, тихо, мол, здесь тебе не Моршанск, если будешь так орать, из зала выставят. Она, правда, потише стала, но все добивается, чтоб я ей объяснил. Я и объясняю, что, согласно суровым законам гангстерского мира, он устраняет конкурентов, или, проще говоря, убивает. А она понять не может, что это за слово такое вообще. „Как это, — говорит, — убивает? Как?“ Сейчас, говорю, увидишь, как. Вот этому, гляди, по башке ломом даст, и брызги полетят, видишь. Она смотрела, смотрела и тихо вдруг спрашивает: „Он делает их мертвыми?“ Э-э, думаю, подруга, да ты, видать, слабообразованная... Из спецшколы, небось.

Ну конечно, говорю, мертвыми! Вот этих сделает мертвыми, а остальные зато будут его слушаться. По струнке будут у него ходить...

Она опять помолчала, посмотрела это все и говорит: „Он подчинил их своей власти. Вот он — ваш способ“. И вдруг встала — и к выходу. Я, естественно, за ней. Ты что, говорю, обиделась, может, на что-нибудь? Она обернулась, посмотрела на меня и шепчет: „Идем, ты должен мне все рассказать“. Только мы из зала вышли, она снова меня за рукав схватила и спрашивает: „У вас что, всегда так убивают?“ У нас, говорю, не убивают, это у них убивают. „У них, у вас — неважно. Ты скажи, вы всегда пользуетесь для этого ломом?“

Ну почему же, отвечаю, ломом? Ломом не эстетично. А для этой цели бывают пистолеты, автоматы, пулемет крупнокалиберный — тоже эффектная вещь. Ну, если по-крупному воевать, то там уж пушки, танки, минометы, самолеты... В общем, прочитал я ей лекцию по видам вооружений, вплоть до лазера с ядерной накачкой, тут-то я спец, ты же знаешь. Рассказал все и спрашиваю: мол, неужели ты сама ничего этого не знала? Она молчит, а сама, гляжу, вся дрожит. „Не так я себе представляла вашу Тайну, — говорит. — Мы привыкли считать смерть общим горем, нелепой случайностью или данью старости бездушной... (Что-то такое она выдала, не помню точно).

Но мы, кажется, ошибались. Тот, кто борется за власть, должен убивать. Убивать некоторых, чтоб остальные боялись... Да, — говорит, — так им и скажу. Вот вам ваша Тайна! Делайте с ней, что хотите!“ Потом на меня посмотрела и так это процедила: „Какие же вы...“

Ну, я давай ее успокаивать. Да ты что, говорю, посмотри вокруг, кто кого убивает? Это же все там, на Западе гнилом. А у нас-то тишь да гладь! Да и потом, я с тобой! Если что.

Но тут она стала говорить, что ей срочно нужно куда-то идти. А ты не ходи, говорит. Я, говорит, знаю, чего тебе хочется больше всего. И тут вдруг в глазах у меня эта картинка... ну, ты видел только что. Вот так, говорит, щелкнешь пальцами, все это и появится, щелкнешь еще раз — пропадет. Так что можешь бежать домой, ты ведь этого хотел? Ну, смех! Как будто кто-то мог этого не хотеть!

Ну, в общем, ушла она. И я тебе так скажу: не ври ты, никакая она тебе не родственница. Самая на-

стоящая инопланетянка — вот она кто. И я бы на твоём месте написал бы письмо в „Технику молодежи“. А не поверят — пусть приезжают, я им тут покажу фокус...

Игорь ушел от Лехи, ничего ему не объяснив. Да и что ему объяснишь? Разве он поймет, что натворил? Эх, Леха, Леха! А впрочем, не в нем дело. Игорь понимал, что и сам мог бы повести Марину на подобный фильм. Но дело и не в фильмах.

„Дело в нас самих, — думал он. — В том, что мы все еще находим оттенки благородства, романтику или даже комический эффект в этой самой неестественной способности человека — убивать людей...“

А происходит это от нашего равнодушия к чужой судьбе. Ну, убивают там кого-то — и ладно. Лишь бы не моих соотечественников. А если уже их? Лишь бы не моих знакомых. А если их? Не семью. А если семью? Делайте, что хотите, только не трогайте МЕНЯ!”

Игорь вошел в свою комнату и сейчас же увидел на столе конверт. В нем оказался один — единственный листок. Игорь развернул его и прочел:

... Прошло уже немало времени с тех пор, как в цветущей долине среди неприступных гор собрались со всего света люди, знавшие о тайнах и самом устройстве Природы больше, чем весь остальной мир. Они съехались туда вместе с семьями и имуществом, в надежде обрести покой, необходимый для продолжения их трудов, и дать отдых сердцам, израненным зрелищем нескончаемых кровопролитий, творящихся на всей земле.

Но мир не хотел оставить в покое бежавших от него. С каждым годом он все ближе подступал к укромной долине, сжимая свои окровавленные пальцы на горле сокровенной мысли.

И вот, когда уже казалось, что спасения нет, новая Тайна открылась вдруг мудрецам, населявшим долину. Они создали новый мир, нигде не пересекающийся с миром уже существующим, и, назвав его Светлым, удалились в него навеки.

Они искали покоя и отдыха и нашли его, ибо Светлый мир был абсолютно пуст. Тогда, рассеявшись в нем, они наполнили его лесами и горами, реками и морями, каждый по своей прихоти, и уединились в своих излюбленных местах семьями и поодиночке. Но прежде, собравшись вместе, все они решили в детях и внуках своих навеки уничтожить мысль об убийстве как способе достичь первенства в роде или товариществе, в городе или государстве, когда бы они ни возникли в Светлом мире. В нерушимую Тайну был превращен этот страшный способ подчинения людей своей власти. Пришедшие в Светлый мир поклялись навсегда забыть его и детей своих воспитать в неведении, дабы никогда не началась здесь ужасная борьба, некогда изгнавшая их из мира родного...

Где-то капала вода. Луч фонарика по одной выхватывал из темноты широкие влажные ступени, полого уходящие в бесконечную глубину. Игорь шагал по ним и думал:

„Ее еще можно догнать, остановить, объяснить ей самое главное — Тайну должны узнать все. Все сразу. Только так можно избежать беды...“

Он шел все дальше и дальше и даже не обернулся, когда где-то далеко за его спиной со скрежетом захлопнулась подвальная дверь...

ИНЪЕКЦИЯ СЧАСТЬЯ

Р а с с к а з

Дождь то совсем заливал ветровое стекло, то вдруг отступал, словно отбрасываемый светом фар, и тогда впереди мелькали мокрые стволы деревьев и низкорослые кусты. Холодная сырость проникала сквозь ветхий брезент в кабину, и даже тряска на ухабах не могла меня больше согреть. Дороги не было. То, что я принял за дорогу, оказалось всего лишь просекой, неизвестно куда ведущей сквозь лес. Но поворачивать назад не хотелось. Если я еще не окончательно потерял направление, где-то здесь должен проходить тракт. Рано или поздно я выберусь на него, мне просто больше ничего не остается, и вот тогда... какой же русский не любит быстрой езды!

Далеко впереди вдруг мелькнул свет, и скоро отчетливо стали видны фары приближающегося автомобиля. Ну, так и есть! Вероятно, просека выходит прямо к тракту. Вот это удача!

Я не мог прибавить газу, опасаясь налететь на пеню или засесть в какой-нибудь канаве в двух шагах от дороги. Однако встречный автомобиль тоже двигался очень медленно, и скоро я с удивлением заметил, что его также кидает на кочках и рытвинах. Что за черт? Еще один горе-путешественник пробирается по просеке? Нет, это, наверное, трактор из лесничества или деревенские браконьеры потихоньку.

Когда до машины оставалось метров тридцать, я уже заподозрил неладное. Навстречу мне двигался точно такой же старенький „газик“, как у меня. Он совершенно синхронно с моим проваливался в рытвины и подпрыгивал на ухабах.

Начиная догадываться, в чем дело, я остановился и вышел из машины. Возле открытой дверцы того „газика“ тоже стоял человек. Помахав рукой, я убедился окончательно — передо мной было мое собственное отражение!

Сразу вспомнился эпизод из „Великолепного“: шпионы натягивают на горной дороге большой лист фольги, и герой, пытаясь отвернуть от „встречной машины“, летит в пропасть. Но кому понадобилось так тонко шутить здесь, в лесу?

Подняв воротник, я направился навстречу своему отражению, желая вблизи рассмотреть и потрогать неведомую преграду, однако зеркальная поверхность была настолько чиста, что, даже подойдя вплотную, я никак не мог ее увидеть. Мало того, на ней не было ни одной капли воды, а ведь дождь продолжал лить, и его струи металась в разные стороны, подчиняясь порывам ветра. Что же это за материал? Я вытянул руку навстречу зеркальному двойнику и вдруг с ужасом ощутил прикосновение его влажной и теплой ладони.

Не успев сообразить, в чем дело, я без оглядки бросился к машине. Мне казалось, что ожившее отражение, усмехаясь, глядит мне вслед. Оказавшись в машине, я почувствовал себя в относительной безопасности и рискнул поднять глаза. „Газик“ двойника стоял на прежнем месте, но его самого не было. Видимо, он продолжал разыгрывать из себя отражение и тоже залез в кабину. А может быть, все-таки показалось?

Посидев минут десять без движения, я стал замерзать, и это придало мне храбрости. Медленно отворив дверцу, я выбрался из машины и, останавливаясь после каждого шага, снова приблизился к незримой черте, отделявшей меня от него.

— Спокойно! — сказал я, обращаясь к нам обоим. — Не надо нервов!

Снова медленно поднялись руки — моя правая и его левая — и снова встретились. Да, это, без сомнения, была человеческая ладонь, хотя я и не мог ее толком ощупать, так как пальцы всегда натыкались на пальцы. По той же причине мне, поначалу, никак не удавалось дотронуться до какой-нибудь другой части тела двойника. Я попытался было делать обманные движения и даже внезапно падать на землю, но это ни к чему не привело. С тем же успехом можно было проделывать подобные упражнения перед зеркалом. Страх постепенно проходил, уступая моему любопытству. Неужели передо мной в самом деле зеркальный двойник? Но как войти с ним в контакт или хотя бы дотронуться до него? В конце концов, я нашел решение и коснулся его лбом, затылком, спиной, коленом и носом. Сомнений не было — это не отражение, а живой человек, однако общаться с ним совершенно невозможно, ибо любые мысли приходят нам в голову одновременно, и все действия абсолютно синхронны. Я не мог ни договориться с ним, ни обойти, ни оттолкнуть. Передо мной была идеальная преграда — я сам.

Откуда-то из леса послышался треск сучьев, человек или зверь продирался там через бурелом. Шум постепенно приближался, но откуда именно он идет, определить было трудно. Я замер, прислушиваясь.

Вдруг впереди, за спиной двойника качнулись кусты, и из чащи на просеку выбралась темная фигура. За ней показалась другая, третья, четвертая. Выстроившись цепью, они медленно побрели ко мне. Свет фар упал на их лица, вернее, на их лицо, потому что у всех четверых оно было одно, мое.

Я быстро оглянулся. Нет, сзади никого не было, они действительно шли только о т т у д а. Один из них, приблизившись к „газику“ двойника, открыл дверцу и влез внутрь. Остальные трое последовали за ним. Прогудел сигнал, и двойник, до сих пор прилежно игравший роль моего отражения, вздрогнул, повернулся и побежал к машине. Он сел за руль, завел мотор, и „газик“, развернувшись, быстро укатил в темноту, исчезли даже его огни.

Я не знал, что подумать. Любой нормальный человек на моем месте давно бы мчался в противоположную сторону и газу бы поддавал. Но я уже не чувствовал себя нормальным человеком и, видимо, поэтому продолжал стоять на месте, будто ждал продолжения событий.

Я не ошибся. В лесу снова послышался треск, и на просеке показалась еще одна фигура. Но это был не двойник. Ко мне, жмурясь от света, приближался немало роста бородатый старик в длинном плаще. Подойдя вплотную, он небрежно, как старому знакомому, сунул мне широкую ладонь и, глядя на машину, произнес:

— Бог на помощь, странничек... Чего озираешься-то, напугал кто?

— Да нет, — ответил я, внимательно разглядывая его, — кто меня мог напугать?

— Ну, мало ли, — он безразлично пожал плечами, — бывает, померещится... А едешь откуда?

Я рассказал ему, что сбился с дороги.

— Это с тракту, что ли? Далеко ж тебя черти занесли... Тут, парень, до тракту знаешь сколько? К утру тебе не доехать. Давай, глуши мотор, пойдем греться, сыро.

Я огляделся по сторонам. Оставлять машину на просеке не хотелось.

— Может, поближе подъедем?

Старик показал головой.

— Ближе не подъедешь. Да и не сделается ничего с твоим лимузином, тут недалеко...

Мы прошли около километра, продираясь сквозь густой ельник, и оказались на большой поляне у подножья лохматой сопки. Дождь кончился, и над лесом повисла крупная луна, освещая двухэтажный бревенча-

тый дом в центре поляны. Старик прибавил шаг. Я немного отстал, оглядываясь по сторонам, но, кроме низенькой постройки в стороне от дома, ничего особенного не заметил.

Неожиданно откуда-то сверху, как мне показало, с крыши дома, послышался тихий, встревоженный голос:

— Что, все уже?

— Все, все, — буркнул старик, торопливо поднимаясь на крыльцо.

— А что вы с ним сделали?

Старик на мгновение замер у двери.

— Ну, ты! — гаркнул он вдруг. — Чего несешь-то спросонья, спать ложись! — и, повернувшись ко мне, кивнул головой. — Заходи, заходи.

Он открыл дверь, и тусклый свет керосиновой лампы упал на крыльцо.

— Ох! — раздалось наверху, и луна блеснула в чьих-то широко открытых глазах, с удивлением уставившихся на меня.

— Н-ну? Скоро? — спросил старик, обращаясь не ко мне, а к человеку на крыше.

— Да, ладно, ложусь, ложусь уже, прячьтесь, — отвечал тот.

Мы вошли в дом и, миновав заставленные разной рухлядью сени, оказались в просторной комнате с длинным столом и печью у стены. За столом, уронив на руки сизую испитую ряшку, дремал парень в грязной майке и матросских клешах. Руки его до плеч были расписаны похабными узорами, и только майка мешала рассмотреть, вытатуировано ли что-нибудь на спине.

У окна, устремив вдаль твердый, чуть ироничный взгляд, стоял видный седой мужчина в дорогом сером костюме. И, наконец, в углу, спиной ко всем, верхом на колченогом стуле, сидела и курила канонически стройная белокурая девица в джинсах и сапогах на высоком каблучке, вся в ремешках и на „молниях“. Она даже не обернулась, когда мы вошли, и продолжала задумчиво пускать дым в потолок. Седой же, напротив, любезно мне улыбнулся и раскланялся без изыщества. Узорчатый парень поднял голову, окинул меня с ног до головы мутным взглядом и хмыкнул.

— Доктор, — произнес старик, снимая плащ — ты, что ли, сегодня кухарил? Подавай.

Седой, не меняя гордого наклонения головы, величественной поступью подошел к плите, снял с нее большой чугунок, накрытый облупленной эмалированной крышечкой, и поставил его на середину стола.

— Какую миску дать молодому человеку, хозяин? — осведомился он у старика.

— Студенту давай. Он на крыше нонче...

— Спасибо вам большое, — сказал я старику, хотя неестественность этого странного собрания сильно действовала мне на нервы, — выручили вы меня. Вот только, извините, имени и отчества вашего не знаю...

— А и не надо тебе мое отчество. Хозяином зови. Они так зовут, и ты зови. Тут, парень, все без отчества. Это вот — Доктор (седой кивнул и принялся разливать по мискам красный борщ), этот, в майке — Блатной, а вон та, — Хозяин указал на девушку, все еще сидевшую к нам спиной, — вон та — Заноза...

— И если вы обратили внимание на крышу, — вставил Доктор, — то могли видеть там еще одного члена нашего маленького общества, так называемого Студента.

— А вы здесь просто так собираетесь, — спросил я как можно беззаботнее, — или у вас учреждение?

У девушки вдруг затряслись плечи. Она выронила сигарету и прижала ладони к лицу. Я думал, она разрыдается, но оказалось, что ее сотрясает безудержный хохот.

— У-учре... Ой, не могу! Учреждение! Слу-слушай!

Санаторий тут! У-умора! Курорт!

Она наконец повернулась лицом ко мне. Очень симпатичное лицо. Даже красивое.

— Ну, ты даешь, Пациент!

Кличка, данная мне девушкой, приклеилась мгновенно. В следующей же фразе Доктор назвал меня Пациентом. Блатной произносил это слово с трудом, но переименовывать не пытался, что же касается Хозяина, то ему было совершенно все равно, как меня называть, и поэтому он удовлетворился этим именем, как первым попавшимся.

Заноза, между тем, продолжала веселиться:

— Хозяин! Когда пойдем на процедуры?

Блатной снова хмыкнул, но старик нахмурился:

— После. Поесть-то надо, нет?

Он пододвинул к себе миску и, ни на кого не обращая внимания, стал хлебать борщ. Остальные, заняв свои места у стола, тоже принялись за еду. Я решил ничему больше не удивляться, по крайней мере до тех пор, пока не отогреюсь и основательно не закушу.

Некоторое время все молчали.

— Завтра на крыше Блатной, — сказал, наконец, хозяин.

— А кухарит Заноза...

— Кстати, продукты кончатся, — заметил Доктор, — и, с позволения сказать, кухарить становится затруднительно. Надо бы кого-нибудь послать в деревню.

— Ничего, — буркнул Хозяин, — может, скоро на машине съездим...

Я поднял голову и вдруг заметил, что Блатной, разинув рот, с испугом смотрит куда-то мимо меня.

— Во! — произнес он, указывая, как видно, на окно у меня за спиной. Заноза, сидевшая рядом с ним, тоже подняла глаза и сейчас же сморщилась, как от боли.

— Гадость какая... — прошептала она.

Я резко обернулся, но увидел лишь чью-то огромную спину, удаляющуюся в темноту. Спина была голая и иссиня-белая.

— Слушай, Блатной, — сказала Заноза, — выйди, разбуди его. Что он, в самом деле, нельзя же так!

— Во тебе, — спокойно ответил Блатной, — сама выйди.

— Цыц! Пусть спит, — сказал Хозяин, — все нормально, ясно? Доктор, ты чего сидишь? Компот давай!

Самое страшное — я представления не имел, как себя вести. Кого они хотят будить? Неужели эта глупая туша за окном — Студент?

— У него что, лунатизм?! — осторожно спросил я.

— У кого? — не понял Хозяин.

— У Студента.

Доктор поставил передо мной стакан с компотом.

— Знаете что, Пациент, — сказал он, — вы не обращайтесь внимания. Ей-Богу, ничего интересного не происходит. И со Студентом все в порядке — он спит на крыше. Там, видите ли, свежий воздух. А завтра на крыше будет спать Блатной. По той же причине.

— Я же говорю — санаторий! — хихикнула Заноза.

— Ну, допивай компот и пойдем, — сказал мне Хозяин, — покажу помещение...

По широкой скрипучей лестнице мы поднялись на второй этаж и оказались в небольшом коридоре, по обеим сторонам которого было несколько дверей. К моему удивлению, некоторые двери были аккуратно подписаны: слева: „Доктор“, „Блатной“, справа: „Студент“, „Заноза“. Хозяин открыл самую дальнюю дверь по правой стороне, зажег огарок свечи и протянул его мне.

— Вот, располагайся. Отдохнешь хорошенько, а утром поговорим...

Он повернулся было, чтобы уйти, но спохватился:

— Да! Если, часом, захочешь по нужде — вот в ту дверь. На двор не ходи. И окна не открывай...

— А почему? — спросил я.

Хозяин посмотрел на меня укоризненно.

— Ну, сказано — не ходи, и не ходи, не открывай — стало быть, не открывай. Мало ли что? Вре́мя ночное...

Он покачал головой и ушел.

Комната была совсем маленькая, железная кровать, покрытая бледным от старости одеялом, занимала почти все пространство от двери до окна. В углу, на облезлой деревянной вешалке висели драные плащи, телогрейки и какое-то древнее пальто.

Я задул свечу и подошел к окну. Луна освещала серебристую после дождя поляну, над верхушками елей проносились небольшие темные облака со светящимися лохматыми краями. В доме все утихло, снаружи тоже не доносилось ни звука. Некоторое время я вглядывался в кромку леса, мне все казалось, что там копошится какая-то бесформенная масса. Но это мог быть и туман, или просто рябь в глазах.

„А идите вы все...“ — подумал я, разулся, повесил мокрую куртку на спинку кровати и залез под одеяло. — Спать я хочу — вот что...”

...Мягкий лунный свет заливает комнату и шепчется о чем-то с притаившимися в углах тенями. Тихо-тихо открывается дверь, и на пороге появляется прекрасная девушка в белом платье. Она бесшумно подходит и склоняется надо мной. Я чувствую прикосновение ее нежных пальцев. Она что-то говорит мне на ухо...

Я вздрогнул и окончательно проснулся.

— Вставай, вставай, Пациент, — говорила Заноза, толкая меня в плечо. Она была в длинной ночной рубашке, ее распущенные волосы задевали меня по лицу.

— В чем дело? — спросил я, садясь на кровати.

— Тсс! Ты вот что, Пациент, если хочешь живым отсюда убраться, пусти меня в свою постель.

Она говорила это таким естественным и убедительным тоном, будто предлагала помидоры со своего огорода.

— Гм! — сказал я. — Однако... Уж больно неожиданное предложение...

— Идиот! — возмутилась Заноза. — Ты что, считаешь, я сюда любовью с тобой заниматься пришла? Да ты посмотри на себя! Каракатица... А, впрочем, черт с тобой! Пожалуйста, мне не жалко, — она вдруг принялась стаскивать с себя рубашку, — только быстро давай, чтоб до прихода Хозяина... Ты потом спрячься под кроватью, а я останусь вместо тебя, понял?

Заноза, наконец, справилась с рубашкой и комкала ее в руках, глядя, куда бы бросить. Она была чертовски хорошо сложена, эта сумасшедшая девица, одетая в жемчужное сияние лунного света, но мне было, признаться, не до ее красоты.

— Ты погоди раздеваться-то, объясни толком, — зашипел я, — что там про Хозяина? Зачем это он сюда придет?

— Дурак, — неожиданно спокойно произнесла Заноза, — я же говорю — санаторий здесь. Вот и всадит тебе Хозяин этой ночью прививочку. А от прививочки этой ты, Пациент, навсегда Пациентом останешься, и уж никакого имени-отчества у тебя не будет больше...

— Ну, а ты-то зачем лезешь на мое место? — спросил я.

— А мне все равно! Я в свое время разок попробовала. Так что без Хозяина мне теперь долго не протянуть. Да и никому здесь не протянуть, а он, сволочь, пользуется этим и веревки из нас вьет. Сегодня меня без дозы оставили...

— А-а! — Я начал понимать. — Он что же, наркотики вам колет?

Заноза подошла к окну, выглянула во двор и сейчас же задернула занавеску. Стало совсем темно.

— Нет, Пациент, тут вещь посильнее наркотиков.

Он нам счастье наше продает...

— Как это — счастье?

— А так. Именно так, как мы его себе представляем...

Я хотел было спросить еще что-то, но Заноза вдруг подскочила ко мне и прямо в лицо сунула свою скомканную рубашку.

— Тсс! Слышишь? Идет! — прошептала она и, толком усадив меня под вешалку, обрушила сверху тяжелое, пропахшее нафталином пальто. Покончив со мной, она улеглась в постель и натянула на себя одеяло. В ту же минуту дверь тихо открылась, и кто-то осторожно заглянул в комнату. В темноте почти ничего не было видно, но я не сомневался, что это Хозяин.

И действительно, скоро очертания его массивной фигуры проступили на фоне стены; двигаясь уверенно, но почти бесшумно, он подошел к постели и наклонился. Наступила долгая тишина. Казалось, ни одной живой души нет на сотни километров вокруг, и это жуткое безмолвие тянется уже сотни лет. Наконец, что-то тихо звякнуло, и в комнате вдруг запахло жженым сахаром. Хозяин выпрямился и быстро вышел из комнаты.

Когда в коридоре затихли его шаги, Заноза отбросила одеяло и села на кровати.

— Ну, что? — спросил я.

— Молчи, сейчас увидишь. Вот! Начинается!

Она поднялась, и я вытаращил глаза от изумления — на ней было черное блестящее платье, голые плечи укрыл газовый шарф, а на лице появилась бархатная полумаска. В комнате вдруг стало быстро светлеть, но вместо стен и потолка с отступлением темноты открывалась невообразимая даль. Я глянул под ноги и застыл: земли не было, где-то далеко внизу клубилась белая пелена облаков.

— Скорее, — сказала девушка, — меня ждут!

Она шагнула, словно в пропасть, с невидимой площадки, которая была когда-то полом комнаты, и закружилась в свободном падении, стремительно удаляясь.

— Не отставай-ай! — услышал я, и опора подо мной вдруг исчезла...

Я, к своему счастью, не верил в реальность происходящего, иначе скончался бы в первое же мгновение полета.

Ветер засвистел у меня в ушах, и облака стали медленно приближаться. Кувыркаясь в воздухе, я увидел красный шар солнца — он тоже падал в туманное море. Мы врзались во мглу одновременно со светилом. Облачный слой был, видимо, очень толстым, и, по мере погружения в него, молочно-белая пелена, окутывавшая меня, сменилась светло-серой, быстро превратилась в темно-серую и, наконец, стала черной. Я падал в полной темноте.

И вдруг совсем близко вспыхнуло море огней — подо мной был большой город! Светящиеся стрелы улиц со всех сторон вонзились в яблоко-площадь, пылающее золотым огнем. Все это быстро приближалось, и вот уже деревья какого-то парка стремительно бросились мне навстречу. Я зажмурился, ожидая удара, но вместо этого ощутил легкий толчок в спину.

— Эй, приятель! — крикнул кто-то у меня над ухом, — посторонись немного или шагай веселей, а то опоздаем на площадь!

Я открыл глаза и обнаружил, что стою на песчаной дорожке парка, а мимо меня валит пестрая толпа в карнавальных нарядах. Смирный гнедой пони, запряженный в тележку, увитую цветами и лентами, тихонько подталкивал меня сзади. В тележке сидел румяный толстяк в зеленом жилете, разлинованный, как арбуз, и две девушки в масках и нарядных платьях. Они смеялись и бросали в меня серпантин.

Я посторонился, пропуская пони, и пошел рядом с тележкой. На мне, как оказалось, тоже был надет ка-

кой-то шутовской балахон с кружевным воротником и манжетами. Он был белый, с черной, украшенной завитками, заглавной буквой „П“ на груди.

Вся праздничная толпа двигалась к выходу из парка, чтобы влиться в людскую реку, текущую по широкой, залитой светом, улице.

В небе над нами то и дело вспыхивали букеты разноцветных ракет.

— Эта буква „П“ у вас на груди означает, как видно, „Пьеро“? — смеясь, спросила одна из масок, сидящих в тележке.

— Ах, если бы кто-нибудь мог это знать! — ответил я.

— А я знаю, — сказала другая.

— Ну, и что же, по-вашему, означает эта „П“? — спросил я, улыбаясь.

— „Пациент“, — произнесла маска, и я сейчас же узнал ее. Но тут пони, выбравшись на широкую дорогу, пустился вскачь, и скоро я потерял тележку из виду.

Улица была полна крика и смеха, музыки и веселья. Люди, фонари, лошади, дома — все плясало, в то же время дружно двигаясь вперед. На больших платформах, влекомых шестерками лошадей, возвышались громадные конструкции, усыпанные цветами, фонариками и мальчишками.

Я оказался вблизи одной такой платформы. На ней была установлена высокая пирамида, состоящая как бы из колец разного размера, нанизанных на одну ось. На уступах пирамиды расположились пестро раскрашенные клоуны, жонглирующие апельсинами, шляпами и даже горящими факелами. На самой вершине стоял атлетического сложения красивый молодой человек и держал на плече тоненькую девушку в разноцветном трико. Их лица тоже были ярко раскрашены, а на голове гимнастки красовалась островерхая шляпка с бубенцами.

Мы приближались к перекрестку, где вся процессия разделялась на два рукава, огибавшие большой мраморный фонтан. Струи воды, изрыгаемые золотыми львами, высоко взлетали и с шумом падали в центр фонтана. Громоздкая платформа, неуклюже поворачиваясь, задела колесом парапет, пирамида накренилась, и клоуны под общий хохот посыпались прямо в воду. Вмиг поверхность фонтана, который оказался довольно глубоким, покрылась головами и шляпами.

Гимнаст и его партнерша тоже не удержались на вершине пирамиды и прыгнули в воду. Некоторое время они не показывались на поверхности и вынырнули, наконец, возле самой лестницы, ведущей из воды на мостовую. Подхватив девушку на руки, гимнаст поднялся по мраморным ступеням, словно Нептун, выходящий из моря. Они весело смеялись, серебристые ручьи стекали с длинных волос девушки, вода смыла грим, и я снова узнал ее, но в этот момент подкатил маленький лоскутный фургон и, забрав обоих, быстро скрылся из виду.

Я отправился дальше, разглядывая праздничную толпу и тщетно пытаюсь понять: если все это — сон, то кому он снится? Было очевидно, что главный герой всего происходящего — не я. Значит, сон чужой. Но чужой сон нельзя увидеть. Значит, это не сон. Но тогда получается, что на карнавал я действительно упал с неба, а это может быть только во сне. Круг замкнулся.

Я отведал мороженого, поднесенного мне добродной краснощекой женщиной в белом колпаке. Мороженое было очень вкусное и холодное, в его реальности сомневаться не приходилось. Для опыта я даже положил кусочек под язык и сейчас же взвыл от морозного укола, но нет — не проснулся.

Улица вдруг раздалась в стороны, и карнавальная толпа вылилась на площадь. Над головами запрудившего ее народа металась разноцветная пестрота. В центре площади возвышалась большая, ярко освещенная

сцена. Она была еще пуста, но именно на нее, не отрываясь, смотрели все собравшиеся. Пульсирующий гул и гомон накатился откуда-то издалека и, достигнув меня, превратился в дружный хор голосов.

— Свет-ла-на! Свет-ла-на! — грянули вокруг, и буквы этого имени вспыхнули вдруг в небе над площадью. Я взглянул на сцену и снова увидел ее — девушку, каким-то непостижимым образом заманившую меня в свой сон. В длинном черном платье и теперь уже без маски, счастливо улыбаясь людям, на сцене стояла Заноза.

Заноза?!

Черная вспышка ударила вдруг в глаза, мгновенно уничтожив и залитую светом площадь и пеструю толпу на ней. Тьма и тишина разом навалились на меня и с непостижимой силой бросили на землю. Сначала мне показалось, что я ослеп и оглох, но постепенно глаза привыкли к темноте, и тогда во мраке проступило белое, колышущееся пятно — это Заноза, сидя на кровати, облачалась в свою рубашку.

— Алкаш вонючий, — ругалась она шепотом, — и тут пожалел! Полдозы сэкономил, гад...

Слова относились, по-видимому, к Хозяину.

— Что это было? — спросил я, поднимаясь с пола и пристраивая на вешалку пальто. Заноза ничего не ответила. Она встала, подошла к двери и прислушалась, нет ли кого в коридоре. Мне пришлось продолжать самому:

— Я сейчас видел сон, но он странный был какой-то. Все время казалось, что снится он тебе.

— Сон? — Заноза обернулась, — Дурак! Если бы мне снился сон, тебя бы тут уже не было. Ты попробуй на улицу выйди. Там Студенту как раз сон снится. Обхо-хочешься! Пока жив будешь.

— Это в каком смысле?

— Да в любом. Сон! Хорошо бы сейчас в самом деле поспать. А? — Она вздохнула и задумчиво произнесла:

— Поспать... Просто лечь и вздремнуть... Ты вот что, Пациент, надевай-ка куртку свою, становись к двери и слушай. Как Блатной пойдет Студента сменять, так и ты за ним. Выберешься на двор — сразу беги, не жди, чтоб хватились, уходи в лес и не останавливайся, сколько сил хватит, хоть ползи. Если уйдешь далеко, пока у них пересмена, тогда, может, и спасешься, понятно?

Ничего мне не было понятно. И, главным образом, непонятно, зачем она хочет меня запугать. Видимо, пытается избежать расспросов о том, что происходило здесь, в этой комнате, несколько минут назад.

— Хорошо, — сказал я, — раз уж у вас тут так плохо и страшно, я побегу. Но сначала расскажи мне, где мы с тобой были только что, ведь если это не сон, то карнавал, значит, происходил на самом деле?

— Да, — твердо сказала Заноза, — на самом деле. Здесь все происходит на самом деле, хотя и от укола...

Карнавал от укола, подумал я. Бред.

— А что он вам колет такое?

— Не знаю. — Заноза пожала плечами. — Зелье какое-то. Хозяин его прячет от всех, по капле получаем, а где достает — никому не известно. Говорят, раньше просто пить давал, это Доктор его надоумил с уколами...

— Доктор? Он что, тоже здесь счастье нашел?

— Да он давно уже тут. Видно, нашел.

— А чем он занимается? Каждый раз устраивает себе вручение Нобелевской премии?

— Не знаю, что он там устраивает, только из комнаты своей выпадает весь в губной помаде.

— А зачем все это Хозяину? Он с вас деньги берет?

— Деньги... Деньги — это так, попутно. И все остальное — попутно...

— Но для чего же он пичкает вас зельем?

— А ты не понял еще? — Заноза усмехнулась и, подойдя к окну, отдернула занавеску. — Вот для чего, смотри!

Я выглянул во двор. Луна все так же освещала поляну, но вместо мокрой серебристой травы я увидел сплошной ковер копающихся на земле длинных червеобразных тел. Они сами излучали мутный, бледно-голубой свет, то собираясь в студенистые, ритмично подрагивающие кучи, то вдруг расплываясь в разные стороны, и тогда в земле открывались черные бездонные провалы.

— Что это? — спросил я, отворачиваясь от окна. Картина была страшной и в то же время вызывала тошноту.

— Ничего особенного, — ответила Заноза. — Это сон Студента. Она равнодушно окинула взглядом двор и добавила:

— Еще так себе... бывает и пострашнее... а в общем — всегда одно и то же. После укула, если в комнате запереться, наступают чудеса, все исполняется, чего ни пожелаешь, любая мечта сбывается... Потом, когда кончится действие снадобья — вроде становишься опять обычным человеком. Но только ляжешь спать, начинаются кошмары. Ты спишь, а они наяву... В комнате совсем спать нельзя, а на крыше — ничего, не опасно.

Хозяин говорит — это для охраны хорошо, но только все знают, что для него главное удовольствие — на такие гадости смотреть. Сядет у окна и любитесь...

— А сам-то он употребляет?

— Употребляет, да не то. Пьет, как лошадь. Ты разве не заметил? Алкоголик он. Из-за этого, говорит, укулы на него не действуют. А может, и врет, бережется просто...

— И все-таки мне непонятно. Ну, любитесь он всем этим, — я покосился на окно, — ну и что дальше? Зачем ему это нужно?

— Ох, и надоел ты мне со своими вопросами! Любопытный какой-то, прямо как Студент. Тот тоже сначала все выпрашивал да интересовался, а теперь утих — понял, что от вопросов доза не растет.

Заноза подошла к двери и выглянула в коридор.

— Хочешь отсюда смотреться — сматывайся, — говорила она уже шепотом, — для этого бегать быстро надо, не расспрашивать, что да зачем. Понял? Ну, все. Привет!

Она вышла в коридор и, неслышно ступая, удалилась. Я остался один. Картина за окном изменилась: там клубился теперь белесый фосфоресцирующий туман. В нем время от времени двигались гигантские уродливые тени.

Галлюцинация, думал я. Гипноз! Но сам не верил своим мыслям. Мне просто было страшно признаться, что я ничего не понимаю. „Здесь все происходит на самом деле“, — говорила Заноза. Но ведь это невозможно. Невозможно мгновенно создавать и уничтожать города со всем их населением без каких-либо видимых затрат энергии. Откуда берется эта энергия? От капли снадобья? От нечистой силы? От духа святого? И что мне-то надлежит делать в данной ситуации? Бежать, куда глаза глядят, как советует Заноза? Ну, нет, бежать рановато. Я просто обязан взглянуть на это зелье, материализующее мечты и кошмары...

... Доски пола тихо поскрипывали, когда я шел по коридору. Мне не удалось найти комнату Хозяина. Я подолгу стоял, прислушиваясь, возле каждой неподписанной двери, затем осторожно открывал ее и заглядывал внутрь. Ничего. Незаняты были еще три комнаты, кроме моей, но в них не было даже мебели. Видимо, апартаменты Хозяина располагались на первом этаже.

Я направился к лестнице и вдруг услышал шаги: кто-то поднимался по ней мне навстречу. Это мог быть Хозяин, и я вовсе не хотел, чтобы он увидел меня здесь. Ближе всех была дверь с надписью „Блатной“, я толкнул ее, и она подалась. Что там, за ней? Если уж Доктор

позволяет себе цветастые оргии, то этот, наверное... Но шаги приближались, и выхода у меня не было. Я открыл дверь и вошел.

Сразу за порогом начинался светлый от берез лес, сквозь листву проглядывало яркое голубое небо. Дверь бесследно исчезла, едва я закрыл ее за собой, прямо под ногами начиналась тропинка, ведущая куда-то вдаль. Меня удивило не отсутствие кснматы — с этим я, оказывается, успел освоиться, но та умиротворенная тишина и покой, которых никак нельзя было ожидать здесь.

Я отправился вперед по тропинке. Через какую-нибудь сотню шагов за деревьями блеснула река. С берега тнуло дымком, там у костра сидели два человека и о чем-то весело беседовали. В одном из них я узнал Блатного. Подойдя поближе, я увидел еще троих: один сидел с удочкой у воды, а двое — парень с девушкой — прогуливались вдоль берега.

Блатной, заметив меня, несколько не удивился.

— А, Пациент! — сказал он, пошевеливая палочкой дрова под кипящим котелком. — садись, сейчас уха будет. Да вот, знакомься, кореш мой, Петюха.

Я представился и сел у костра. Петюха молча улыбнулся, подхватил лежащее возле него удилище и направился к реке. Блатной долго смотрел ему вслед, потом повернулся ко мне и вздохнул:

— Из нашей деревни он. На севере замерз...

Я очумело поглядел на Блатного. Черт! Спать забыл, где нахожусь. Ну конечно, откуда тут взяться настоящим людям. Привидения...

— А остальные? — спросил я. — Они как, тоже?..

— Что-то же? — поморщился Блатной. — Вот на берегу — это Толька Шмаков. Сгорел он. Прямо в своем доме, по пьянке. Лет пять уж... А тот, что с Натальей прохаживается, это Косыка, сосед мой бывший.

— Он жив?

Блатной помолчал.

— Зарезали его. Из-за нее как раз, из-за Натальи...

А знаешь, кто зарезал?

Я посмотрел в его усталые водянистые глаза.

— Здесь и встречаемся, — продолжал он, — только ты при них молчи, понял? Живые они...

— А девушка? — спросил я.

Блатной глядел на огонь.

— Чего ей делается? Баба. Да уж теперь и не такая она совсем... Эх, кореша мои! Мы с одной деревни все были... Ты Хозяину не говори, он их знает, еще скалиться будет...

— Как это — знает?

— Ну, знал раньше. Он тоже наш, быстровский. Только не любили его там...

— За то, что алкоголик?

— Да нет, кого там. Один он, что ли? Ну, стыдили, конечно, посмеивались. А он в ответ — погодите, мол, гады, попляшете скоро, посмотрим, кто шибче засмеется... Злоба у него на всех. Я так думаю, он не успокоится, пока не разнесет Быстровку по камушку. А там и за город примется, тоже не угодили ему чем-то...

— Погоди, — перебил я, — о чем это ты? Что он может сделать городу?

— А ты сны видал? Сходи на двор, посмотри...

— Но ведь это ваши сны! Хозяин снов не видит. Неужели он может заставить тебя напустить какую-нибудь гадость на деревню, где прошла вся твоя жизнь?

Блатной вдруг побагровел.

— Ты мою жизнь не цепляй! Кабы не Хозяин, я б давно в деревянный бушлат сыграл, понял? Вот тут она, моя жизнь, и не отымете, хрен! А на остальное мне плевать! И тебе скажу — дурак ты, Пациент! Образованный шибко? Ну и радуйся, что такой случай выпадает! Чего тебе? Дворец мраморный? Получай. К звездам хочешь полететь? Пожалуйста, садись и мотай. Этим займись, как он? Сексом. Доктор советует...

А будешь под Хозяина копать — спишу, понял? Ну и катись, раз понял, а то смена скоро...

Что-то вдруг резко ударило меня в спину. Едва успев заслонить рукой глаза, я полетел прямо в костер, но упал на пол в коридоре. За мной с грохом хлопнула дверь с чернильной надписью „Блатной“.

— Что, поговорили? — произнес кто-то рядом. Я поднял голову и прямо перед собой увидел длинного субъекта в очках, драных джинсах и вылинявшей куртке со следами многочисленных нашивок. Впрочем, на вид ему было лет тридцать, не меньше. Одну руку он прижимал к груди, осторожно придерживая что-то под курткой, другой же ухватил меня за плечо, помог подняться и, оглядевшись по сторонам, втолкнул в свою комнату.

— Будем знакомы, — сказал он, закрывая за собой дверь, — Студент. А вас как зовут?

Я назвал свое имя, но он только поморщился.

— Знаешь, я уже как-то привык по-здешнему. Кличку тебе дали какую-нибудь? Как? Пациент? Острики! Ну, хорошо. Итак, Пациент, времени у нас в обрез. Судя по приему, оказанному тебе Блатным, ты предложил ему связать Хозяина и сдать его в милицию, так?

— Хотел. Но не успел.

— Еще бы! Ну и что ты намерен делать дальше?

— А почему тебя это интересует?

— Меня это уже не интересует. Я это знаю не хуже тебя. Ты хочешь выкрасть у Хозяина препарат, который он нам дает, верно?

Я промолчал.

— Да не строй из себя Штирлица! У тебя же на физиономии все написано! Короче. Препарат у меня.

Он достал из-под куртки довольно вместительную металлическую фляжку с плотно завинченной крышкой, от фляжки исходил знакомый горьковатый запах жженого сахара. Студент нежно погладил ее и снова спрятал.

— Нужно доставить это в город. Вдвоем у нас будет больше шансов, может, и прорвемся. Ну как, согласен? Я кивнул. Почему-то этот парень внушал мне доверие.

— Тогда иди вперед, — сказал он, — и если на лестнице никого нет, дай сигнал...

... Небо начинало понемногу светлеть, но в лесу еще было совсем темно.

— Куда мы идем? — спросил я, едва поспевая за Студентом, уверенно ныряющим в густой ельник.

— К тракту. Это самый короткий путь.

— Так ведь у меня же машина! По-моему, если добраться до нее...

Студент обернулся и посмотрел на меня, как мне показалось, виновато.

— Машины твоей, к сожалению... в общем, она пострадала.

— Как пострадала? Отчего? Откуда ты знаешь?

Он снова зашагал вперед.

— Откуда я знаю? Во сне видел. Ты что, не в курсе? Мы потому и спим на крыше, что во сне как бы следим за всей окрестной территорией. Вот только то, что при этом происходит, к сожалению, совершенно не зависит от сознания. Снятся непременно какие-то кошмары. Однако неодушевленные предметы обычно не страдают... Так что эти твари напали на твою машину, видимо, случайно. Другое дело, если бы ты был еще в ней... Тебе, Пациент, собственно, чертовски повезло, что на крыше сегодня был я, и снился мне не бог весть какой кошмар. Конечно, встретить собственное живое отражение тоже достаточно неприятно, но оно, по крайней мере, хоть безобидно, не пускает — и все.

— Значит, ты меня видел тогда?

— Да, и, к твоему счастью, почти сразу проснулся. Хозяин выскочил, стал спрашивать, в чем дело, а потом взял ружье и пошел встречать.

— Но неужели до сих пор никто не заметил того, что здесь происходит?

— А снаружи ничего не заметно. Стоит выйти из некоей зоны сна, и перестаешь видеть и слышать все, что делается внутри нее. Но это легко сказать: „стоит выйти“, а на самом деле нам придется еще топтать и топтать, прежде чем мы выберемся на волю. Я сильно надеюсь, что будет переполох. Когда Блатной обнаружит на крыше сломанный топчан, на котором мы обычно спим, то, конечно, побежит к Хозяину. Пока они будут охать и материться, мы уйдем далеко...

Густой ельник сменился, наконец, чистым сосновым бором. Идти стало легче, кроме того, в лесу быстро светлело. Однако Студент не убавлял шага, по-прежнему озабоченно оглядываясь по сторонам. Я понимал, что беспокоит его — мы отошли еще недостаточно далеко от дома, слева поднимался склон все той же сопки.

— Послушай, Студент, — спросил я, — почему ты все-таки решился выкрасть зелье у Хозяина?

Некоторое время он продолжал молча шагать, затем, наконец, ответил:

— У Хозяина лютая злоба на весь род людской. А это, — он похлопал по карману, где лежала фляжка, — это единственный способ его остановить.

— Однако больше ни у кого из вашей компании почему-то не возникло желание его остановить.

— Ну, в компании я недавно. А кроме того, в отношении этого, как ты говоришь, зелья, у меня есть свои планы.

— Планы? Что же ты собираешься с ним делать?

— Прежде всего исследовать. А если удастся, то и синтезировать. Я думаю, что под такое дело не жалко отдать половину Академии наук. Нужно научиться его изготавливать...

— А зачем?

— А затем, чтобы потом раздать. Каждому.

Я посмотрел на него, как на ненормального.

— Ты что, серьезно?

— Абсолютно.

— Но ведь это же все равно, что наркотик! Хуже наркотика! Ты представляешь, что будет, если все начнут колоться твоим препаратом? И потом, куда ты денешь кошмары? Заповедник организуешь на тысячу двести койко-мест?

— Хотя бы. Но есть и другой способ.

— Какой?

— Постоянная подзарядка препаратом.

— Да неужели ты не понимаешь, к чему это приведет? Человечество просто выродится, расплзется по нормам и тихо вымрет!

— Погоди, — удивился Студент, — так тебе что же, так и не дали попробовать?

Я рассказал ему про Занозу.

— Ну, нет, — махнул он рукой, — это совсем не то. Понимаешь, ты видел только маленький кусочек того, что там происходило. А на самом деле... Ну, ясно, в общем. То-то я смотрю, ничего ты не понимаешь... „Расплзется“, „выродится“... Ерунда. Наоборот; каждая комнатуха увеличится до размеров вселенной! И это будет не иллюзия, не сон, а настоящая, необъятная, неведомая вселенная — изучай, интересуйся, наслаждайся! Времени много — старости просто не существует, компания — какая хочешь. Скажешь, не интересно без трудностей? Пожалуйста, трудностей сколько угодно, и главная из них — бедность собственного воображения. Так ведь с этой трудностью бороться — одно удовольствие! Кроме того...

Он вдруг умолк и схватил меня за руку. Словно тяжелый вздох пронесся по лесу, и сейчас же из-под

земли отозвался короткий глухой шум, как будто шевельнулась там какая-то гигантская масса.

— Что это? — прошептал я.

Студент не отвечал. Он с тоской смотрел куда-то вдаль, и, казалось, ни на что больше не обращал внимания. Я понял — мы опоздали. Но как это могло случиться?

— Послушай, Студент! — закричал я. — А что, если сейчас выйти зелья?

Он опустил голову.

— Не поможет, нужно замкнутое пространство...

Прямо перед нами по тропинке вдруг поползли трещины, и земля вспухла бугром; будто огромный крот выбирался на поверхность, уступая бешеному напору снизу. Бугор быстро рос, пока, наконец, не превратился в конический холм в два человеческих роста высотой. Тогда на вершине этого гигантского нарыва образовался свищ, и струя темной, маслянистой жидкости ударила вверх.

Я с ужасом смотрел на крупные тяжелые капли, падавшие вокруг нас. Ударяясь о землю, они не разбивались, но начинали шевелиться, увеличиваться в размерах, выпускали пучок длинных, членистых ног и, поднявшись на них, медленно ковыляли в нашу сторону.

Когда некоторые из этих пауков достигали размеров стола, и стали видны их быстро двигающиеся челюсти, мы, наконец, очнулись и бросились бежать. Не разбирая дороги, я несся вслед за Студентом и боялся даже обернуться, чтобы, не дай бог, не увидеть, как, уже возвышаясь над лесом, за нами гонятся пауки.

Неожиданно мы выскочили на небольшую поляну, в центре которой стояла толпа мохнатых двуногих существ. Скаля свои вытянутые, будто волчьи пасти, они смотрели мимо нас, куда-то в глубь леса. Студент резко свернул в сторону, и мы снова углубились в чащу. „Да что же это такое, — в отчаянии думал я, — ведь не можем мы, в самом деле, сгинуть в этом кошмаре! Мы должны выбраться! Должны!“

И я снова продирался сквозь ельник. „Должны выбраться! — ныло в голове, и я перескакивал через поваленные стволы. — Выбраться!“

Путь нам преградил заросший кустарником овраг. Студент первым прыгнул с крутого откоса и скрылся в зарослях. „Назад!!! — раздался вдруг его вопль. — Назад, Пациент! Бег...“ — и оборвался. Раздвинув листья, на дне оврага поднялась белесая бесформенная туша и медленно покатила прочь, оставляя в зарослях широкий коридор. „Выбраться“, — прошептал я по инерции и тогда только понял, что Студента больше нет. Перед глазами поплыли круги, вся земля, вместе с оврагом, вдруг накренилась и бросилась мне навстречу...

... Я очнулся от солнечного света, пробивавшегося сквозь ветви сосен. В лесу было светло и спокойно, будто все, что происходило здесь утром, в самом деле приснилось мне, а не этой сволочи-Блатному, завалившемуся спать в нескольких километрах отсюда. Какие-то птички даже позволяли себе беззаботно щебетать.

Я приподнялся и заглянул в овраг. Кусты уже распрямились, и коридор, оставленный чудовищем, исчез. Никаких следов. Никаких, если не считать; что где-то там, на дне оврага, лежит Студент.

Цепляясь за корни деревьев, я осторожно спустился вниз. Вот здесь он вошел в заросли. Да, здесь. Но сделал, вероятно, всего несколько шагов... Я вдруг увидел его.

Нет, Студент, это был не сон. По крайней мере, для тебя...

Рядом с ним лежала раздавленная фляжка. Никаких следов, подумал я. Никаких доказательств, никакой от меня пользы... Мне нечего нести дальше, нечего проти-

вопоставить слепой и страшной силе, подчиненной одному Хозяину.

Где-то недалеко в лесу хрустнула ветка. Господи! Неужели снова начинается? Я забрался поглубже в кусты и стал ждать. Долгое время все было тихо, затем послышались торопливые шаги, и на краю оврага, с ружьем наизготовку, появился Хозяин.

Он окинул взглядом заросли и стал быстро спускаться вниз. Наши следы были хорошо видны на глинистом откосе. Двигаясь по ним, Хозяин вошел в чащу и почти сразу наткнулся на Студента. Стараясь не запачкаться в крови и тревожно поглядывая по сторонам, он обошел его кругом. Я понимал, что Хозяина беспокоит отсутствие второго трупа, но страха не испытывал. Скорее наоборот, мне приходилось удерживать себя, чтобы не броситься на него с голыми руками.

Закончив осмотр, Хозяин снова приблизился к останкам Студента и поднял сплюснутую фляжку. „А, черт, — пробормотал он, — придется снова лезть!“

Я насторожился. Куда лезть? Не иначе, как к истоку зелья! Что же, Хозяин, путь добрый. Поживи еще немного...

... Вот уже два часа пробирался я вслед за Хозяином. За это время мы поднялись почти к вершине сопки. Отсюда было видно широкое лесное море и вдалеке — тракт с ползущими по нему грузовиками. Грузовики! Это что-то очень родное, что-то очень человеческое... А потому бесконечно далекое отсюда!

Хозяин вдруг пропал из виду. Он скрылся за небольшим обломком скалы и исчез. Уж не заметил ли меня? Может быть, притаился и уже целится? Может быть. Но это ничего не меняет. Перебегая от камня к камню, я подобрался к этому месту. Хозяина там не было, но зато обнаружился узкий лаз, ведущий, видимо, в какую-нибудь пещеру. Я стал осторожно протискиваться в него, стараясь поменьше шуметь. Лаз скоро расширился и превратился в коридор, полого уходящий вниз. Впереди маячил свет, и я подумал сначала, что это факел Хозяина, но, по мере продвижения вперед, свет становился все ярче и приобретал явственный зеленоватый оттенок. Скоро его отблески заиграли впереди на стенах коридора, представлявших собой нагромождение каменных глыб.

Журчание невидимых ручьев заглушало шаги, и, миновав поворот, я едва не натолкнулся на Хозяина. Он стоял ко мне спиной, склонившись над каким-то предметом, лежащим у стены. Мне сперва показалось, что это длинный, туго набитый мешок.

Прижавшись к холодному каменному выступу, я наблюдал за Хозяином, но он все стоял, слегка покачиваясь, и, казалось, не собирался прикасаться к мешку. И тут я понял, что это совсем не мешок. Хозяин, пихнув его ногой, вдруг заговорил:

— Лежишь? Сгнить давно пора, а ты все скалишься... Пятый ведь год в потолок смотришь, и все как заспиртованный... Чего ждешь-то? Чего после смерти маешься? Все равно не выйдет по-твоему, начальник. Никто сюда не придет, больно уж место потаенное. Такой только умник, как ты, и мог найти... А использовать по уму — только такой, как я. Потому, как дурак ты, начальник. Телок спянявый. А я — Хозяин, ясно?

Зачем тебе камень небесный? С рулеткой вокруг него ползать? Бумажки про него писать? А мне в нем толк! Я с ним такого наворочу!.. Они узнают меня... Они у меня погляшут...

Эх! Предлагал ведь я тебе, по-хорошему говорил... ведь голова-то какая! Мы бы вдвоем, да с камнем этим... Эх!.. А теперь вот и поговорить не с кем. Кому расскажешь?..

Хозяин махнул рукой и, продолжая что-то бормотать, поплелся дальше. Он был сильно пьян, но у меня не возникло ни малейшего сомнения в правдивости

его страшных слов. Я, наконец, смог хорошенько приглядеться. У стены действительно лежал человек. На нем была старенькая штормовка и стоптанные сапоги, мертвые пальцы сжимали серую солдатскую шапку, в темных с проседью волосах запеклась кровь, живые блестящие глаза его словно в терпеливом ожидании глядели в потолок.

Кем он был? Почему Хозяин называет его начальником? Что за „камень небесный“ нашел он в этой пещере? Может быть, ископаемый метеорит? Не из него ли готовит Хозяин свое зелье?

Я чувствовал, что ответы на все эти вопросы хранятся в глубине пещеры, и снова осторожно двинулся вперед. Зеленоватое мерцание, освещавшее коридор, все усиливалось, и уже за следующим поворотом открылся овальный вход в залитый светом зал. Ползком приблизившись к нему, я выглянул из-за камня и сразу увидел Хозяина. Он стоял у противоположной стены пещеры перед большим ярко светящимся кристаллом, наполовину выступающим из толщи скал. Передняя грань кристалла была почти правильным квадратом двухметровой высоты и ширины. Фигура Хозяина, резко выделявшаяся на ее фоне, превратилась в черный громоздкий силуэт. Ладонь его легла на светящуюся поверхность, и сейчас же от нее побежали темные волны, свет ослаб, кристалл обрел глубину и прозрачность, и в этой зеленоватой глубине возникло огромное человеческое лицо. Я чуть не закричал — из кристалла на меня смотрел Студент.

Во взгляде его застыли ужас и безнадежное отчаяние; вероятно, таким было лицо Студента в момент гибели.

Хозяин долго смотрел на него, будто наслаждаясь любимым зрелищем, потом неторопливо снял со спины мешок и, усевшись на кучу камней, принялся его развязывать.

— Что, Студент, страшно? — проговорил он и, помолчав, с удовлетворением добавил: — Конечно, страшно. Кому же не страшно помирать? Скотина и та в страхе живет... А зачем побежал? Куда? Держут ведь, не гонют и зелья дают — чего тебе еще? Знай свое место, сполняй, что прикажут, и будешь при дозе! Так нет — кинулся убежать, фляжку украл... надолго она тебе, та фляжка? Да еще парня с собой повел, отбиваться, что ли, хотели вдвоем? Вот и отбились. А Пациенту твоему все равно не уйти, сам же за дозой вернется... Все дурнем меня считаете, ребятня сопливая! А вы у меня во где! Все здесь! Да что с тобой разговаривать — изображение одно, как хошь, так и поверни. Нету тебя, Студент! И следа нету! Эх, жалко, не видал я... Не я тебя кончал — помучился бы ты у меня!

Хозяин встал и снова приблизился к кристаллу, в руке у него была фляжка.

— Ну давай, Студент. Поработай и ты. Дай зелья-то, ну! — он уперся в кристалл, словно хотел вдавить его в стену. — Давай! Давай, ну!

Лицо Студента искажилось от боли, налилось кровью и вдруг зашло в немом крике. Я почувствовал подступающую тошноту.

— Давай! Давай сильнее! — кричал Хозяин, голова его мелко тряслась. На поверхности кристалла появились крупные изумрудные капли, медленно стекавшие вниз. Хозяин принялся собирать их, подставляя флягу.

Вот оно, зелье, подумал я. Вот откуда оно берется. Но что за нагромождение кошмаров? Кто изобрел этот чудовищный, тошнотворный способ добычи? Неужели он с самого начала был заложен в камне? Неужели этот человек, ползающий с фляжкой в дрожащей руке у подножия кристалла, превратился в зверя, ненавидящего род людской, под воздействием каких-то неведомых лучей, испускаемых „камнем небесным“? Нет, вряд ли. Ничего особо неземного нет в поведении Хозяина. Тупой, затаенной злобы хватает и на Земле, где

люди кидаются друг на друга поодиночке и стаями, и нет нужды в космических рецептах зверства.

Он получил средство отомстить тем, кто его презирал, и стал Хозяином — темной, невежественной силой, опасной для всего окружающего. Эта опасность всегда существовала и будет существовать, пока есть злые, равнодушные глаза, мутно глядящие на мир из подворотен, но не желающие ничего о нем знать. Они живучи, ибо продолжают существовать, не обращая внимания на смену социальных систем, они страшны, ибо ни одному фантасту не удалось еще создать воображаемую форму внеземного разума, которая была бы столь же бесчеловечной.

Все больше капель выступало из невидимых пор на поверхности кристалла. Передняя грань его затуманилась, потеряла прозрачность, лицо Студента исчезло, только смутные тени металась в глубине.

Хозяин был поглощен сбором зелья, он уже не кричал, а что-то удовлетворенно бормотал себе под нос, встряхивая время от времени фляжку. Ружье лежало у стены довольно далеко, и я решил завладеть им. В обширной гулкой пещере еще громче разносилось журчание воды, надежно заглушая шаги. Однако Хозяин, словно почувствовав мой взгляд, вдруг резко обернулся и вскопился.

Несколько мгновений мы неподвижно стояли, глядя друг на друга. Каменное лицо Хозяина было лишено всякого выражения, только глаза, казавшиеся раньше выцветшими, светились теперь, будто капли зелья.

— Нашел-таки, — прохрипел он и, запустив в меня фляжкой, схватил ружье. Выбора не было. Я бросился к нему, перепрыгивая через валуны и зеленоватые лужицы. Хозяин дрожащими пальцами взвел курок и прицелился. Я хотел было прыгнуть в сторону, но неожиданно поскользнулся и полетел на землю. В ту же секунду грохнул выстрел, стены пещеры загудели, как от удара гигантским молотом, и принялись перебрасывать друг другу гулкие раскаты. С потолка посыпались камни, пол под ногами завибрировал, и вдруг огромная плита отделилась от стены и стала медленно крениться, закрывая светящийся кристалл. Снова раздался ужасный грохот, и в быстро надвигающейся темноте замелькали падающие вокруг глыбы.

Я поднялся и, прикрывая голову руками, побежал обратно к выходу из пещеры. Воздух был наполнен пылью и каким-то едким густым туманом, но мне, к счастью, удалось сохранить верное направление. Я выбрался в коридор, когда потолок пещеры, потеряв опору, вдруг просел внутрь и рухнул, похоронив и чудесное темное озеро, и сверкающий водопад, и до сих пор владеющего всем этим Хозяина.

Коридор тоже оказался завален обломками, карабкаться по ним в полной темноте было ужасно тяжело и страшно. Взявшись за каждый следующий камень, я боялся, что между ним и потолком не окажется зазора. А когда на другой стороне нужно было прыгать на землю, мне вдруг показалось, что передо мной бездонная пропасть. Грохот обвала между тем то ослабевал, то снова становился сильнее, заставляя дрожать пол и стены коридора.

Наконец впереди показался свет — выход наружу был уже недалеко, завал тоже кончился. Я воспрянул духом и почти бегом пустился вперед.

Неожиданно змеистая трещина разорвала трубу коридора поперек, чуть выше того места, где я находился, и нижняя часть этой трубы, вместе со мной, стала со скрежетом опускаться. Я бросился к быстрой задвигающемуся отверстию и едва успел, подпрыгнув, ухватиться за его нижний край. Пальцы с трудом цеплялись за скользкий камень. Все же мне удалось подтянуться и поставить ногу на какой-то выступ, но в этот момент огромная глыба рухнула с потолка где-то

у самого выхода и, набирая скорость, покатила вниз, прямо на меня....

...Возвращение сознания было сюрпризом. Однако еще удивительнее было то, что вокруг меня стояли люди. Живые, настоящие люди. Правда, в одинаковых белых халатах и колпаках. И лежал я не в пещере и не в лесу, а в больничной палате. И времени прошло, оказывается, очень много.

Меня нашли сейсмологи. Они зафиксировали обвал и прилетели на вертолете взглянуть, что происходит и не требуется ли кому-нибудь помощь.

Помощь требовалась человеку со множественными переломами конечностей, обнаруженному у входа в небольшую глухую пещеру. Этим человеком был я. Каким образом мне удалось выбраться наружу — неизвестно, но все почему-то спрашивают об этом меня.

К счастью, все это давно позади. Профессор Константинов, дай ему бог здоровья, срстил-таки мои множественные переломы, так что по земле я снова передвигаюсь, хотя и медленно, но самостоятельно.

В милицию я все-таки заявил. Был обнаружен труп Студента, разбитый „газик“ и лепелище на месте дома Хозяина. Однако к моим показаниям следствие отнеслось весьма осторожно, принимая, вероятно, во внимание пошатнувшееся здоровье. Я все понимал и поэтому не настаивал.

Но вот недавно, ковыляя по нашей улице, я неожиданно встретил... Доктора. Он узнал меня, посочувствовал и, в конце концов, рассказал, чем кончилось дело.

Они, оказывается, почти сразу поняли, что произош-

ло. Но дня три еще жили по заведенному режиму. Потом вдруг оказалось, что кошмары быстро слабеют, а затем и вовсе исчезают. Блатной, однако, нисколько этому не обрадовался. Он все искал у Хозяина запасы зелья, но обнаружил только спиртное. Пробовал заменить одно другим, но остался недоволен и однажды с горя подпал дом. Пришлось расходиться.

— Впрочем, — рассказывал Доктор, — я недавно видел Занозу, то есть, простите, Светлану, в аэропорту. Она куда-то улетала, по-моему, с мужем... Представительный такой молодой человек...

— Доктор, — сказал я, — по этому делу велось следствие. Вы единственный, кроме меня, свидетель. Ваши показания все решат. Давайте сходим еще раз в милицию?

Вместо ответа он вынул из кармана карточку и протянул мне.

— Вот, возьмите мой адрес. Будет время — заходите на чаек... А показания... Показания я, извините, не дам. Вы ведь на себе эту штуку не пробовали... Все что очень сложно. Очень лично. Человек не способен отказываться от этого по доброй воле, понимаете? Это его счастье. Счастье, каким он его себе представляет... Но в то же время это счастье пьяницы, счастье наркомана, которое все, целиком испытываешь один, не делишь его ни с кем, а на окружающий мир выплескивается вся грязь твоего тела и души... В общем, я рад, что вопрос закрылся сам собой. И как мне ни жаль Студента... А впрочем, прошу меня простить...

Доктор вздохнул, повернулся и медленно побрел по улице.

ВОЛШЕБНИК

Рассказ

Витя Свешников принадлежал к той категории людей, которые с детства слышат рохлями и чей богатый внутренний мир долго остается никем не оцененным и никому не нужным. Любимое развлечение этих достойных последователей знаменитого Иа-Иа — бесцельно бродить по улицам, горько усмехаясь своим мыслям и бросая по сторонам тоскливые взгляды.

Именно этим и занимался Свешников в тот новогодний вечер, прогуливаясь вдоль шеренги общежитий университета, охваченных веселой праздничной лихорадкой. Мимо него сновали тяжело нагруженные снедью молодые люди и улыбающиеся девушки, из-под шубок которых выглядывали воланы карнавальных нарядов. Снег торжественно поскрипывал под их каблучками. Молодой, покрытый изморозью месяц с интересом поглядывал на росшую у дороги стройную елочку, которую кто-то украсил игрушками и серебряным дождем. Все веселились, все нескончаемым потоком шли друг к другу в гости, и только Свешников не был никуда приглашен.

Его внимание привлек стеклянный зал на первом этаже одного из общежитий, где заканчивались последние приготовления к балу. Вспыхивали и гасли разноцветные прожектора, веселые огоньки гонялись друг за другом по ветвям елки. Сцена была заполнена инструментами и микрофонами, в глубине ее поблескивала ударная установка, напоминающая никелированный кофейный сервиз на двенадцать персон. Лохматый барабанщик задумчиво выстукивал какой-то сложный

ритм, других музыкантов еще не было.

„Конечно, — подумал Витя, — сейчас они замечательно повеселятся. Своей компанией. А там, как я, им не нужны. Таких, как я, велено не пускать“. И он с тоской посмотрел на гранитные фигуры оперотрядовцев за стеклянной дверью общежития. Зал, между тем, постепенно наполнялся народом. Витя обратил внимание на красивую девушку, появившуюся из-за кулис. Она спросила что-то у лохматого ударника. Тот, не переставая постукивать, отрицательно тряхнул кудрями. Тогда девушка спустилась со сцены и направилась к выходу из зала. Свешников проводил ее печальным взглядом. „Вот ведь что делается!“ — вскричал он мысленно и, засунув руки в карманы, принялся расхаживать туда-сюда вдоль стены общежития. Он теперь упивался страданием, размышляя о том, что эта прекрасная девушка, мелькнувшая „среди шумного бала“, никогда не узнает о его, Свешникова, бренном существовании. Полный, сарказма монолог, произносимый Витей в свой адрес, был неожиданно прерван: дверь, ведущая в холл общежития, открылась, и на крыльцо вышла та самая девушка, которая так поразила его воображение. Придерживая накиннутую на плечи шубку, она озабоченно озиралась по сторонам, как будто ждала с нетерпением чьего-то прихода.

Впоследствии Свешников никак не мог объяснить себе, что толкнуло его в тот момент к крыльцу. Он никогда не решился бы на такое, находясь в здравом уме и твердой памяти, но факт остается фактом — Витя подошел к девушке и сказал:

— Вы, вероятно, меня ждете?

Только тогда ужас положения дошел до него, и, чудом поборов в себе непреодолимое желание убежать, Витя со страхом ждал реакции девушки на эту избитую, пошлую, просто-таки неприличную фразу.

Но она не обиделась и даже не удивилась.

— А-а, вот и вы! — сказала она Свешникову. — Идите скорее!

Не успев еще толком сообразить, что его явно с кем-то перепутали, Витя оказался в холле. Гранитные оперотрядовцы почтительно поздоровались с ним. В этот момент появился бородатый субъект во фраке.

— Марина, ну что, приехал? — закричал он.

Девушка с улыбкой указала на Свешникова.

— Ага, замечательно! — воскликнул бородатый, подлетая к Вите и тряся его руку. — Семен, если не ошибаюсь? А я — Леня. У нас все готово, твои вещи привезли еще утром, они в комнате у Турбинера, Марина покажет. Мы выделили тебе восемь женщин, хватит?

Свешников сдержанно кивнул.

— Не волнуйся, — продолжал Леня, — все будет в лучшем виде, свечи, звезды... Тумана не надо?

— Нет, — ответил Витя. Тумана и так было достаточно, и он очень хотел бы хоть немного прояснить положение.

— Тогда я запускаю представление, а ты иди переодевайся. Марина, проводи товарища и пулей назад!..

В коридоре третьего этажа Свешникова ожидал новый сюрприз: он увидел группу девушку в восточных нарядах, созданных, в основном, из газовых тканей при похвальной экономии материала. Девушки плавно двигались в танце, держа в руках незажженные свечи.

— Здравствуйте, — сказал Витя и осторожно пересчитал танцовщиц. Их было восемь.

— Здравствуйте, маэстро! — ответили ему.

Марина открыла дверь одной из комнат.

— Вот здесь весь реквизит, — сказала она, — переодевайтесь, готовьте аппаратуру, перед вашим выходом мы пришлем людей.

Витя вошел в комнату, и дверь за ним закрылась. В коридоре послышался тихий голос: „И-и раз, два, три, четыре, повернулись...“ Девушки продолжали репетировать.

Свешников огляделся. Это была обычная комната общежития, с тремя кроватями, с плакатами на стенах и учебниками на полках. Посреди комнаты стоял черный шкаф, или, вернее, сундук, поставленный набок. Он был оклеен большими серебряными звездами. Рядом на стуле лежал такой же расцветки плащ и роскошная чалма, украшенная жемчугом и крупными сильно исцарапанными бриллиантами. Все это окончательно прояснило ситуацию. Тот Семен, за которого выдавал себя Свешников, был, без сомнения, самодельным фокусником-иллюзионистом.

Надо бежать, другого выхода нет, решил Витя. Он думал теперь только о том, как без шума выпутаться из этой истории. Для его бледной событиями жизни сегодняшнее приключение и так было слишком головокружительным. Но как бежать, когда за дверью его поджидают восемь девушек, весьма заинтересованных личностью „маэстро“? Можно, конечно, выйти в коридор, пробормотать что-нибудь вроде: „Вот что я еще забыл сказать!“ и с озабоченным видом направиться в сторону лестничной площадки. Да, но как объяснить то, что он, проторчав десять минут в комнате, так и не успел снять пальто? Это может вызвать подозрения. Кошмар!

Взгляд Вити упал на расшитый звездами плащ. Хм! Это, пожалуй, идея... Взяв плащ, он подошел к зеркалу и набросил черную со звездами ткань поверх пальто. Прекрасно! Совершенно ничего не заметно! Витя засунул шапку за пазуху и вдруг увидел лежащую на кровати бархатную полумаску. Ага, это тоже кстати. Если меня еще не успели как следует рассмотреть, не стоит предоставлять им такой возможности... Пожалуй, и

чалму стоит натянуть для полноты картины. Положу потом все это в коридоре на подоконнике — найдут.

Надев маску, Свешников взял со стула чалму и осторожно водрузил ее на голову. Вдруг что-то кольнуло его в затылок. Витя испуганно замер, чувствуя, как стремительная холодная волна пробежала по всему телу. Радужные пятна заматались по комнате, предметы покрылись сверкающей паутиной, раздались приглушенные звуки чьих-то далеких шагов, сотни голосов, смех, шепот. Свешников вдруг ясно услышал дыхание человека, спящего в соседней комнате у противоположной стены. Через секунду все это прошло, но осталось странное ощущение, будто тело переполнено неведомой энергией. Витя встряхнулся, и с кончиков его пальцев посыпались ослепительные искры. Он испуганно взглянул на дверь, и она, с треском сорвавшись с петель, вылетела в коридор. В дверном проеме показались удивленные головы.

— В чем дело, что случилось? — спрашивали они.

— И-извините, — сказал Витя дрожащим голосом, — техническая неувязка.

В комнату вошли трое ребят в униформе.

— Мы, собственно, за тобой. Ты как, готов?

— Да-да, конечно, — выдавил Витя. Он вышел в коридор и склонился над поврежденной дверью. К его изумлению, она совершенно не пострадала, хотя должна была открываться вовнутрь.

— Чисто сработано, — сказал за спиной один из униформистов.

Навесив дверь, они подхватили оклеенный звездами ящик и отправились в зал.

Спускаясь по лестнице, Свешников с тревогой прислушивался к себе, чувствуя, что в любой момент может снова произойти нечто невероятное. Постепенно, однако, он успокаивался, привыкая к новым ощущениям и понимая, что обладает какой-то таинственной силой, пользоваться которой надо очень осторожно. Как бы доказывая себе это утверждение, он спокойно зажег взглядом перегоревшую лампочку на площадке второго этажа.

Спустившись в холл, Витя проследовал вслед за ребятами, тащившими ящик по длинному коридору и наконец оказался за кулисами. К ним подскочил бородатый Леня.

— Задерживаетесь мужики! Потеряв уже заканчивает. Сейчас объявляем тебя...

Со сцены доносились задумчивые саксофонные трели. Один из униформистов подошел к Лене и стал говорить ему что-то на ухо, оглядываясь все время на Свешникова. Сквозь саксофон пробивались обрывки фраз:

— ... Шарахнуло... Напрочь... Хоть бы щепочка!.. Чисто сработано...

Леня, удивляясь, кивал.

— Ну, что ты хочешь... — отвечал он, — ... между прочим... Лауреат областного...

В зале загремели аплодисменты. Леня встрепенулся, замахал руками и зашипел:

— Внимание! Приготовились! Свечи зажжены? Девочки, вперед!

Факультетская рог-группа „Бигус“, обеспечивающая музыкальное сопровождение номеров, заиграла „Хорошо жить на востоке“.

— Пока идет танец со свечами, — шепнул Леня Свешникову, — выходи на середину сцены. Как дадим свет, начинай работать. Все, ни пуха!..

Если Витя и чувствовал какое-то волнение, то вовсе не из-за предстоящего выступления, больше всего ему хотелось сейчас проверить свои способности. Он задумчиво вышел из-за кулис и остановился в темной глубине сцены. Стройные фигуры девушек, освещенные огоньками свечей, плавно двигались в такт мелодии. Танец их был прекрасен, а вот музыка показалась Вите

слабоватой. Не то, чтобы „Бигус“ не умел играть, нет, играли ребята весьма прилично, но чего-то в звуках, издаваемых группой, явно не хватало. Свешников пригляделся к одному из музыкантов, игравшему на небольшом электрооргане. Его лицо, освещенное слабенькой лампочкой, выражало недовольство. Витя вдруг поймал обрывки его мыслей: органист был недоволен своим инструментом, в голове его звучала совсем другая музыка, чистая и многокрасочная, хотя мелодия была та же. Так скрипач, вероятно, слышит скрипку Паганини даже тогда, когда ему приходится играть на какой-нибудь поточной модели, вышедшей из рук мастеров фанерного производства.

„Ах, вот в чем дело!“ — подумал Свешников, и в этот момент яркий сноп света ударил ему в глаза.

— У нас в гостях, — раздался усиленный динамиками голос Лени, — лауреат областного конкурса иллюзионистов Симеон Крохоборский!

Зрители зааплодировали.

„Ну, что ж, — подумал Витя, — попробуем!“ Он взмахнул руками, посылая в пространство облако золотистых искр, и взглянул на музыкантов „Бигуса“. Поймав его взгляд, органист изменился в лице, осторожно прикоснулся к клавишам, и вдруг зазвучала прекрасная музыка, медленная мелодия поплыла в зал. Девушки, подчиняясь неведомой силе, снова закружились по сцене, но теперь это был не отретированный танец, а волшебный полет сказочных фей. Зрители затаили дыхание. Никто из них не шевельнулся даже тогда, когда все танцовщицы, приблизившись к краю сцены, вдруг прыгнули вперед. Музыка подхватила их легкие тела и понесла над головами зрителей. По залу пронесся восхищенный вздох. Волшебный танец продолжался в воздухе.

Витя стоял на сцене и старался подхлестнуть свое воображение, пуская разноцветные молнии. Полы его плаща то и дело разлетались в стороны, и под ним был виден черный фрак. Заметив в глубине сцены ящик, Витя прикинул, как бы поэффектней его использовать, затем подошел к нему, откинул крышку и взмахнул плащом.

Тотчас поднялся сильный ветер. Он промчался по сцене, проник в музыку и, взметнув ее плавный темп, вихрем закружился по залу. Из ящика посыпались цветы. Подхваченные ветром, они взлетали под потолок, а затем медленно опускались в руки зрителям. Их стали ловить, поднялась веселая кутерьма. Одна девушка, потянувшись за цветком, вдруг взлетела высоко в воздух. Тотчас все остальные зрители, покинув свои места, принялись кружиться под потолком.

Получилось что-то вроде хоровода в невесомости.

В это время в дальнем конце зала открылась дверь, и Свешников увидел Марину. Она вошла и сначала ахнула от удивления и восторга, а затем вдруг оттолкнулась от пола и полетела прямо к сцене. Витя, не дыша, следил за ее полетом. Марина приближалась, улыбаясь и глядя на него так, как никогда не глядела ни одна девушка...

Неожиданно в зале погас свет, сейчас же кто-то схватил Свешникова сзади за горло и сорвал с него волшебную чалму. Затем его грубо потащили за кулисы и дальше, в коридор. Здесь было светло, и Витя увидел статные фигуры и суровые лица оперотрядовцев. Тащивший его человек закричал противным высоким голосом:

— Вот он, самозванец! Вот он, пьяный хулиган и ворюга! А Крохоборский — это я!

Он оттолкнул Витю и, вынув из кармана какое-то удостоверение, стал трясти им по очереди перед носом у каждого из оперотрядовцев.

— Вот она, фотография-то! Вот оно, личико! А у этого? — Он снова подскочил к Вите и сорвал с него маску, а потом и плащ.

— Да вы поглядите! Он же в пальто под плащом! Намылится уже, бандит!

— Так, — сказал старший оперотрядовец, строго глядя на Витю, — кто такой? С какого факультета?

— Да я совсем не отсюда, — промямлил Свешников, еще не успевший отдышаться, — я случайно... Мимо шел.

— Врет, — выдохнул Крохоборский.

— Одну минуту, — сказал верховный жрец порядка, — что это там происходит?

Из зала доносились отдельные крики „Браво!“ и аплодисменты, большинство зрителей скандировало: „Кро-хо-бор-ский! Кро-хо-бор-ский!“

— Идите, — сказал оперотрядовец Крохоборскому, — вас зрители ждут. А с этим мы разберемся...

... Выйдя на улицу, Витя подошел к стеклянной стене зала и стал смотреть на сцену. Семен Крохоборский демонстрировал свое искусство. Перед ним на низеньком столике стоял цилиндр, из которого он, самодовольно улыбаясь, давно тащил розовую гирлянду.

Зрители вяло хлопали, пожимали плечами и удивленно переглядывались. Кое-кто, скучая, смотрел по сторонам, другие поднимались и уходили, но Крохоборскому было не до них. Покончив с гирляндой, он сунул руку в цилиндр и с торжествующим криком „Ап!“ вынул за уши смиренного белого кролика...

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Медведев	ПРОТЕЙ	3
	ЛЮБОВЬ К ПАГАНИНИ.....	11
	ЧЕРТОВА ДЮЖИНА „ОСКАРОВ”.....	16
Елена Грушко	ЦВЕТИЦА	22
	КАРТИНА ОЖИДАНИЯ	36
Александр Бачило	ПРОСТАЯ ТАЙНА	42
	ИНЪЕКЦИЯ СЧАСТЬЯ.....	51
	ВОЛШЕБНИК	59

ШКОЛА ЕФРЕМОВА

ПРОСТАЯ ТАЙНА
СБОРНИК ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Составитель И. А. ТКАЧЕНКО

Ответственный редактор С. И. Павлов
Редактор И. В. Зубцов
Художник И. Д. Шурин
Технические редакторы Н. Т. Федорова, О. В. Волкова
Корректор Т. П. Резвякова

Сдано в набор 20. 09. 88. Подписано в печать 25.10.88.
А01185. Формат 60х84/8. Бумага газетная.
Гарнитура журнальная. Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 9,61.
Тираж 75000. Заказ 8240. Цена 2 руб.

Издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
103030, Москва, К-30, ул. Суцеевская, 21

Горьковская областная типография областного управления
издательств, полиграфии и книжной торговли.
603116, г. Горький, ул. Гордеевская, 7

ISBN 5-235-01022-1

